

ISSN 2686-7249

ВЕСТНИК РГГУ

Серия
«Литературоведение.
Языкознание. Культурология»

Научный журнал

RSUH/RGGU BULLETIN

“Literary Theory.
Linguistics. Cultural Studies”
Series

Academic Journal

Основан в 1996 г.
Founded in 1996

10
часть 2
2021

VESTNIK RGGU. Seriya "Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya"

RSUH/RGGU BULLETIN. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series
Academic Journal

There are 10 issues of the journal a year.

Founder and Publisher: Russian State University for the Humanities (RSUH)

RSUH/RGGU BULLETIN. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series is included: in the Russian Science Citation Index; in the List of leading scientific journals and other editions for publishing PhD research findings.

Peer-reviewed publications fall within the following research area:

10.01.00 Philology:

10.01.01 Russian literature

10.01.03 Foreign literature

10.01.08 Literary Theory. Textology

10.01.09 Folkloristics

10.02.00 Linguistics:

10.02.14 Classical philology, Byzantine and Modern Greek studies

10.02.01 Russian language

10.02.02 Languages of the Russian Federation

10.02.19 Theoretical linguistics

10.02.20 Historical-comparative, typological and contrastive linguistics

24.00.00 Culturology:

24.00.01 Cultural history and theory

24.00.03 Museology, conservation and restoration of historical and cultural objects

Goals of the journal: presentation of the results of the latest researches in the field of philology, linguistics and culturology, which have an unquestionable theoretical and practical value and are promising for the development of research in these fields of knowledge.

Advancement of empirically oriented linguistic research and high-quality studies of Russian, languages of the Russian Federation, and languages of the world within a variety of theoretical frameworks and in comparative, historical and typological perspectives.

Objectives of the journal: implementation and development of expertise of scientific articles taking into account the dominance of modern interdisciplinary and integrated approaches; presentation of the most significant achievements important for the development of science and capable of being introduced into the educational process as examples of correct scientific work; attraction of new authors, researchers, showing high theoretical culture and undeniable scientific achievements; strengthening the interaction of academic and university science; translation of scientific experience between generations and between institutions.

RSUH/RGGU BULLETIN. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series is registered by Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media. Certificate on registration: PI No. FS77-61883 of 25.05.2015

Changes were made to the record of media registration in connection with the name change, renaming of the founder, clarification of the subject – registration number FS77-74270 of 09.11.2018

Editorial staff office: 6, Miusskaya Sq., Moscow, 125047

Tel.: +7-495-250-6844

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология»

Научный журнал

Выходит 10 номеров печатной версии журнала в год.

Учредитель и издатель – Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология» включен: в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ); в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

10.01.00 Литературоведение:

10.01.01 Русская литература

10.01.03 Литература народов стран зарубежья (с указанием конкретной литературы)

10.01.08 Теория литературы. Текстология

10.01.09 Фольклористика

10.02.00 Языкознание:

10.02.14 Классическая филология, византийская и новогреческая филология

10.02.01 Русский язык

10.02.02 Языки народов Российской Федерации

(с указанием конкретного языка или языковой семьи)

10.02.19 Теория языка

10.02.20 Сравнительно-историческое типологическое и сопоставительное языкознание

24.00.00 Культурология:

24.00.01 Теория и история культуры

24.00.03 Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов

Цель журнала: представление результатов новейших исследований в области литературоведения, языкознания и культурологии, имеющих несомненное теоретическое и практическое значение и перспективных для развития исследований в этих областях знания. Продвижение эмпирически ориентированных исследований по русскому языку, языкам Российской Федерации и языкам мира в рамках разнообразных теоретических подходов и в сопоставительной, исторической и типологической перспективе.

Задачи журнала: осуществление и развитие экспертизы научных статей с учетом господства современных междисциплинарных и комплексных подходов; представление наиболее значимых достижений, важных для развития науки и способных быть внедренными в образовательный процесс как примеры правильной научной работы; привлечение новых авторов, исследователей, показывающих высокую теоретическую культуру и неоспоримые научные достижения; усиление взаимодействия академической и университетской науки; трансляция научного опыта между поколениями и между институтами.

Журнал принимает к публикации оригинальные статьи, комплексные исследования российских и зарубежных авторов, ранее не публиковавшиеся научные доклады.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-61883 от 25.05.2015 г. В запись о регистрации СМИ внесены изменения в связи с изменением названия, переименованием учредителя, уточнением тематики – регистрационный номер ПИ № ФС77-74270 от 09.11.2018 г.

Адрес редакции: 125047, Москва, Миусская пл., 6

Тел.: +7-495-250-6844

Founder and Publisher
Russian State University for the Humanities (RSUH)

Editor-in-chief

P.P. Shkarenkov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Editorial Board

D.I. Antonov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

P.M. Arkadiey, Dr. of Sci. (Philology), RAS Institute of Slavic Studies/Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

G.I. Zvereva, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

O.L. Akhunova, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

S.I. Baranova, Dr. of Sci. (History), Moscow State Integrated Art and Historical Architectural and Natural Landscape Museum-Reserve, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

L.V. Belovinskii, Dr. of Sci. (History), professor, Moscow State Art and Cultural University, Moscow, Russian Federation

J.D. Clayton, Ph.D., University of Ottawa, Ottawa, Canada

N.P. Grintser, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

V.V. Gudkova, Dr. of Sci. (Art Studies), State Institute for Art Studies, Moscow, Russian Federation

Yu.V. Domanskii, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

A.V. Dybo, RAS corr. memb., Dr. of Sci. (Philology), professor, RAS Institute of Linguistics, Moscow, Russian Federation

V.V. Gudkova, Dr. of Sci. (Art Studies), State Institute for Art Studies, Moscow, Russian Federation

N.P. Grintser, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

I. Rzepnikowska, Dr. of Sci. (Philology), Nicolaus Copernicus University, Toruń, Poland

I.I. Isaev, Cand. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

G.I. Kabakova, Dr. of Sci. (Philology), Université de Paris-Sorbonne, Paris, France

N.V. Kapustin, Dr. of Sci. (Philology), professor, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation

A.A. Kholikov, Dr. of Sci. (Philology), Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

O.B. Khristoforova, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

V.I. Kimmelman, Ph.D., Bergen University, Bergen, Norway

- I.V. Kondakov*, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- G.Ye. Kreidlin*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- L.I. Kulikov*, Cand. of Sci. (Philology), Ph.D., Ghent University, Ghent, Belgium
- M.N. Lipovetskiy*, Dr. of Sci. (Philology), professor, University of Colorado, Boulder, USA
- D.M. Magomedova*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- I.V. Morozova*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- V.G. Mostovaya*, Cand. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- S.Yu. Neklyudov*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- V.I. Podlesskaya*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- O.I. Polovinkina*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- E.Yu. Protasova*, Dr. of Sci. (Pedagogy), University of Helsinki, Helsinki, Finland
- R.I. Rozina*, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- J. Sadowski*, Dr. of Sci. (History), Jagellonian University, Kraków, Poland
- I.O. Shaytanov*, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- A.Yu. Sorochan*, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Tver State University, Tver, Russian Federation
- Ya.G. Testelet*, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- O.I. Togoyeva*, Dr. of Sci. (History), RAS Institute of General History, Moscow, Russian Federation
- V.I. Tyupa*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- S.A. Yatsenko*, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Executive editor

Yu.V. Domanskii, Dr. of Sci. (Philology), professor (RSUH)

Учредитель и издатель
Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Главный редактор

П.П. Шкаренков, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Редакционная коллегия

Д.И. Антонов, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

П.М. Аркадьев, доктор филологических наук, Институт славяноведения РАН, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

Г.И. Зверева, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

О.Л. Ахунова, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

С.И. Баранова, доктор исторических наук, Московский государственный объединенный музей-заповедник, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Л.В. Беловинский, доктор исторических наук, профессор, Московский государственный институт культуры, Москва, Российская Федерация

Н.П. Грициер, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

В.В. Гудкова, доктор искусствоведения, Государственный институт искусствознания, Москва, Российская Федерация

Ю.В. Доманский, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

А.В. Дыбо, член-корреспондент РАН, доктор филологических наук, профессор, Институт языкознания РАН, Москва, Российская Федерация

И. Желниковска, доктор филологических наук, Университет Николая Коперника, Торунь, Республика Польша

И.И. Исаев, кандидат филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Г.И. Кабакова, доктор филологических наук, Университет Сорбонны, Париж, Французская Республика

Н.В. Капустин, доктор филологических наук, профессор, Ивановский государственный университет, Иваново, Российская Федерация

В.И. Киммельман, Ph.D., Берген, Королевство Норвегия

Д.Д. Клейтон, Ph.D., Оттавский университет, Оттава, Канада

И.В. Кондаков, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Г.Е. Крейдлин, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

- Л.И. Куликов*, кандидат филологических наук, PhD, Гентский университет, Гент, Королевство Бельгия
- М.Н. Липовецкий*, доктор филологических наук, профессор, Университет Колорадо, Болдер, Соединенные Штаты Америки
- Д.М. Магомедова*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- И.В. Морозова*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- В.Г. Мостовая*, кандидат филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- С.Ю. Неклюдов*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- В.И. Подлеская*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- О.И. Половинкина*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- Е.Ю. Протасова*, доктор педагогических наук, Хельсинкский университет, Хельсинки, Финляндская Республика
- Р.И. Розина*, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- Я. Садовский*, доктор исторических наук, Ягеллонский университет, Краков, Республика Польша
- А.Ю. Сорочан*, доктор филологических наук, доцент, Тверской государственный университет, Тверь, Российская Федерация
- Я.Г. Тестелец*, доктор филологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- О.И. Тогова*, доктор исторических наук, Институт всеобщей истории РАН, Москва, Российская Федерация
- В.И. Тюпа*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- А.А. Холиков*, доктор филологических наук, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (МГУ), Москва, Российская Федерация
- О.Б. Христофорова*, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- И.О. Шайтанов*, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- С.А. Яценко*, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Ответственный за выпуск

Ю.В. Доманский, доктор филологических наук, профессор (РГГУ)

СОДЕРЖАНИЕ

Филология

<i>Звиади В. Махачашивили</i> Обелиск Пианхи из Кадакола	132
<i>Ольга В. Сидорович</i> Historia, annales, res gestae как названия исторических сочинений римских авторов эпохи Республики	152
<i>Ольга В. Сидорович</i> «Основание городов» как вид исторических сочинений и основание Рима у Фабия Пиктора	161
<i>Екатерина И. Самородническая</i> Викторианский роман как жанр: к постановке проблемы	173
<i>Екатерина И. Самородническая</i> Формирование образа викторианского романа в «Вестнике Европы» (1870-е гг.)	187
<i>Бахтиер Р. Рахманов</i> Ориентализм в творчестве В.И. Даля	199
<i>Карен С. Акопян</i> Микромир логико-модальных частиц: штрихи к лингвистическому «портрету» <i>даже</i>	212
<i>Азиз Т. Салоев</i> Вопрос о сложноподчиненном предложении с придаточной частью места в русской синтаксической науке	232
<i>Лиана В. Петросян</i> Преподавание РКИ в университете: современные вызовы и тенденции	241
<i>Марина А. Кочарян</i> Проблемно-аксиологический подход к обучению студентов иноязычной речевой деятельности	250

<i>Рафохат М. Султанова</i>	
Стилистическая адекватность перевода при передаче таджикских фигур контраста на русский язык	259
<i>Елена А. Наумова</i>	
Общественно-политические изменения в Японии и их отражение в лексике японского языка	268

CONTENTS

Philology

<i>Zviady V. Makhachashvili</i> Obelisk of Piankhy from Kadakol	132
<i>Olga V. Sidorovich</i> Historia, annales, res gestae as the titles for the writings of Roman Republican historians	152
<i>Olga V. Sidorovich</i> “Foundation tales” as the literary form of historical writings and the foundation of Rome by Fabius Pictor	161
<i>Ekaterina I. Samorodnitskaya</i> The Victorian novel as a genre. An issue statement	173
<i>Ekaterina I. Samorodnitskaya</i> The formation of the image of the Victorian novel in the “Vestnik Evropy” (1870s)	187
<i>Bakhtiyor R. Rakhmanov</i> Orientalism in the work of V.I. Dahl	199
<i>Karen S. Hakobyan</i> The microworld of the logical and modal particles. Outlines to linguistic “portrait” of <i>dazhe</i>	212
<i>Aziz T. Saloev</i> The issue of a complex sentence with adverbial clause of place in Russian syntax	232
<i>Liana V. Petrosyan</i> Teaching Russian as foreign language at the university. Challenges and trends	241
<i>Marina A. Kocharyan</i> The problem-axiological approach to teaching of foreign language for students’ non-native speech	250

<i>Rafokat M. Sultanova</i>	
Stylistic adequacy of translation when transferring Tajik figures of contrast into Russian	259
<i>Elena A. Naumova</i>	
Social and political changes in Japan and their reflection in Japanese vocabulary	268

УДК 8(091)

DOI: 10.28995/2686-7249-2021-10-132-151

Обелиск Пианхи из Кадакола

Звиади В. Махачашвили

Российский государственный гуманитарный университет,

Москва, Россия;

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия,

zviady@yandex.ru

Аннотация. Данная статья посвящена изучению памятника царя XXV династии Пианхи, представляющий собой столб с надписями на 4 сторонах, который в научной литературе получил название обелиска. В настоящей статье была дана попытка указать на те обстоятельства, которые позволяют восстановить его изначальную форму, а также провести сравнение обелиска Пианхи с древнеегипетскими аналогами.

Памятник был найден вне археологического контекста, вследствие этого основное внимание было уделено надписям, которые на нем сохранились. Изучение этих надписей показало, что наличие формулы saNan.ftxp, схожесть в структуре построения текста, в частности царской титулатуры, которые встречаются на египетских обелисках, дают основание восстановить изначальную форму памятника Пианхи в виде обелиска.

Анализ надписей позволил выделить общие черты в сравнении с египетскими обелисками и отличительные местные особенности, касающиеся размещения текста и изображения, а также палеографические особенности начертания отдельных иероглифических знаков.

Ключевые слова: Нубия, Пианхи, обелиск

Для цитирования: Махачашвили З.В. Обелиск Пианхи из Кадакола // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2021. № 10, ч. 2. С. 132–151. DOI: 10.28995/2686-7249-2021-10-132-151

Obelisk of Piankhy from Kadakol

Zviady V. Makhachashvili

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia;
Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia, zviady@yandex.ru*

Abstract. The article is concerned with the study of the monument of the king from the XXV dynasty of Piankhy. It is a pillar with inscriptions on 4 sides. In the scientific literature, it is called an obelisk. The present article attempted to point out the circumstances that make it possible to restore its original form, as well as to compare it with Egyptian obelisks. The monument was found outside the archaeological context, so the focus was on the inscriptions that have been preserved on it. The study of these inscriptions showed that the presence of the formula saHa n.f txn, the similarity in the structure of the text, in particular the royal titlature, which are found on Egyptian obelisks, give reason to restore the original form of the Piankhy monument as an obelisk. Analysis of the inscriptions allowed us to identifying common features in comparison with the Egyptian obelisks, and distinctive local features related to the placement of the text and images, as well as the paleographic specifics in the outline of the idiographic hieroglyphic signs.

Keywords: Obelisk, Nubia, Piankhy

For citation: Makhachashvili, Z.V. (2021), "Obelisk of Piankhy from Kadakol", RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series, no. 10, part 2, pp. 132–151, DOI: 10.28995/2686-7249-2021-10-132-151

В сезоне 1905–1906 гг. Фонд восточных исследований Чикагского университета под руководством Джеймса Генри Брэстеда проводил исследование памятников Нижней Нубии между первым и вторым порогами Нила. После успешно проведенной экспедиции было принято решение продолжить научные изыскания в следующем сезоне 1906–1907 гг. и исследовать памятники Нубии, расположенные на юге, вдоль долины Нила, вплоть до окрестностей г. Хартума¹.

Во время второго сезона экспедиция дошла до Кадакола (восточный берег Бассейна Летти). На этой территории были найдены и другие нубийские памятники [Breasted 1908, p. 40].

¹ *Breasted J.H.* Oriental Exploration Fund of the University of Chicago. Second Preliminary Report of the Egyptian Expedition // *The American Journal of Semitic Languages and Literatures*. 1908. Vol. 25. No. 1. P. 1–110.

Исполняющий обязанности хранителя древностей Судана Джон Винтер Кроуфут сообщил, что на одном из кладбищ был найден гранитный столб. По прибытии на место было установлено, что данный столб относился ко времени правления царя Пианхи (747–716 гг. до н. э.)², о чем свидетельствовала сохранившаяся на нем титулатура этого царя [Lergohon 2013, p. 51].

Глава местного поселения Шейх-Араб-Хагга сообщил, что знает о других древних памятниках, находившихся в двух милях к северу от места находки. Прибыв на место, о котором говорилось, ученые увидели, что оно полностью было покрыто дрейфующим песком, и следов указанных памятников нельзя было найти. Впоследствии столб был перевезен в Хартум, где в Национальном музее Судана он до сих пор и находится.

Анри Готье в своей работе по титулатуре царей Древнего Египта учел данные этого памятника, но заметил, что не видел сам памятник, а использовал в своей работе записки Брэстеда [Gauthier 1916, p. 51], на основании которых он воспроизвел титулы царя Пианхи³.

Краткое описание данного памятника имеется в «Топографической библиографии» Б. Портер и Р. Мосс [Porter, Moss 1951, p. 192]. Позже описание этого памятника и перевод одной из сторон был сделан в издании, посвященном памятникам Куша. Авторы раздела не видели сам памятник, а использовали в своей работе только иллюстрацию Брэстеда [FHN I, pp. 54–55].

Впервые фотографии всех четырех сторон памятника были опубликованы в каталоге Суданского национального музея⁴, даны перевод и краткий комментарий. Янсен-Винкельн в многотомном труде, посвященном надписям 21–26-й династий, также опубликовал иероглифические тексты данного обелиска [JIS II, p. 365]. В статье, посвященной пирамидам и обелискам, находящимся за пределами Египта, Петер Лаковара дает краткое описание памятника Пианхи и приводит перевод первой стороны памятника [Lacovara 2018, pp. 130–131].

² Датировка дана по книге [Tögök 1997, p. 153].

³ Готье считал, что царей Пианхи было 5, и склонялся к тому, что автор данного обелиска был Пианхи IV, который был одним из правителей Нубии после потери Египта Танутамоном.

⁴ *Kormysheva E.E., Hassan H. Sudan National Museum. Gods and divine symbols of the ancient Sudanese civilization: catalogue of the Sudan National Museum in Khartoum. Moscow: Institute of Oriental Studies. 2006. P. 37.*

Имеющиеся публикации позволяют вновь обратиться к данному памятнику с целью исследовать особенности надписи и структуры построения текста, сравнить полученные данные с египетскими обелисками и выявить общие черты, а также специфические особенности данного памятника.

Форма памятника

Памятник был найден в поврежденном состоянии, его углы были стесаны для придания ему формы округлого в разрезе столба. Высота сохранившегося фрагмента – 138 см, диаметр – 21 см⁵. Верхняя и нижняя части не сохранились.

Местоположение памятника

Изначальное местоположение памятника неизвестно, так как он был найден на одном из местных кладбищ на восточном берегу Бассейна Летти вне археологического контекста⁶. Как предположил Торок, возможно, он был из пока неизвестного местного храма [Török 2009, p. 334]. Вследствие сохранившихся надписей с упоминанием Амона, Хайнса считал, что, возможно, данный памятник изначально был установлен в Гебель-Баркале [Haunep 2012, pp. 285–293]. Придание памятнику округлой формы, как справедливо полагал Брестед, имело целью его использование в качестве колонны в одной из местных церквей⁷.

Надписи на памятнике

По форме памятника и месту его находки нельзя определить тип и точное первоначальное расположение, однако сохранившиеся надписи позволяют выявить его типологию, назначение и локальные особенности.

Структура построения текста. Текст на столбе расположен вертикально на четырех боковых сторонах, идет сверху вниз, начало и конец текста на всех сторонах утеряны, изображений нет.

⁵ Kormysheva E.E., Hassan H. Op. cit. P. 38.

⁶ Breasted J.H. Op. cit. P. 40.

⁷ Ibid.

Расположение титулатуры. Царская титулатура на обелиске Пианхи находится на двух сторонах из четырех, где нанесены надписи, и начинается с Имени Хора, за которыми следуют другие царские титулы. На ряде египетских обелисков царская титулатура была на всех сторонах, где имелся текст. Текст мог быть как на одной стороне, как на обелиске Аменхотепа II из Элефантины [TRS 1843, p. 170], так и на всех четырех боковых сторонах, как на обелиске Сенусерта I из Гелиополя [LD V, pl. 26; Selim 1991, pl. I]. Возможной причиной отсутствия титулатуры Пианхи на других сторонах является композиция текста, где надписи на одной стороне являются продолжением надписей на другой стороне соответственно.

Вся композиция состоит из царской титулатуры, после чего следует пространный текст. Из-за того, что текст оказался длиннее, чем поверхность столба, который был предусмотрен для расположения надписи, он был написан на двух сторонах. Тексты на третьей и второй сторонах направлены в одну сторону, а тексты на первой и четвертой – в другую. Исходя из этого можно предположить, что в первом случае мы имеем один слитный текст, а во втором случае – другой.

Схожую структуру построения текста, когда он начинается на одной стороне столба, а заканчивается на другой, предполагает и Торок, когда исследует памятник другого нубийского царя, Сенкаманискена [FHN I, p. 214].

Оказалось ли такое расположение текста случайно вследствие того, что высота столба не соответствовала длине текста, или это было преднамеренно, сказать с уверенностью невозможно.

Расположение Имени Хора. Имя Хора, которое состоит из титула, заключенного в «серех», и иероглифа в виде сокола G5 , находящегося на нем, на первой стороне выписано полностью, в то время как на третьей стороне сохранился только «серех». Отсутствие сокола предполагает его наличие в верхней части столба, который был отломан при переиспользовании. Тогда возникает вопрос: что же находилось в верхней утерянной части столба на первой стороне, если Имя Хора полностью сохранилось на имеющемся фрагменте. На египетских обелисках текст начинался с Имени Хора. Выше Имени Хора могло быть изображение царя, подносящего дары богу, которые упоминались на памятнике, как на обелисках Аменхотепа II из Элефантины, где выше титулатуры изображен царь, подносящий дары богу Хнуму [TRS 1843, p. 170]; Тутмоса III («Обелиск Феодосия»), где изображен царь перед Амон-Ра [LD V, pl. 26; Selim 1991, pl. I; Traunecker 1982, p. 204]; Рам-

сеса II из Абу-Симбела, где царь подносит дары богам Амону-Ра, Птагу и Ра⁸.

Анализ данных примеров позволяет предположить, что выше Имени Хора могло быть изображение и на нашем памятнике. Если данное предположение верно, то наверху столба только на одной стороне имеется изображение, а на трех других нет, что нехарактерно для египетских обелисков, где Имена Хора всегда располагаются на одной высоте, как, например, на Латеранском обелиске⁹.

Первая сторона. На первой стороне сохранившийся текст идет сверху вниз и читается слева направо. Сначала идет царская титулатура, после которой следует формула «Сделал он памятник...», дальнейший текст утерян. Царская титулатура состоит из Имени Хора, Тронного имени, Двух Владычиц и Личного имени. Титул Хор-Золота отсутствует.

Царская титулатура [Beckerath 1969, pp. 206–207; FHN I, pp. 49–50]. Имя Хора Пианхи HrkAnxtxamWast Хор «Бык могучий, воссиявший в Фивах» совпадает с Именем Хора Тутмоса III на стеле из Гебел Баркала [Reisner 1931, p. 26], и является одним из примеров подражания (или прямого заимствования) титулатуры Тутмоса III¹⁰. Данный титул коррелирует с другим Именем Хора Пианхи на стеле «Хартум 1851» [JIS II, pp. 350–351; Reisner 1931, pp. 89–100; FHN I, pp. 55–62].

 1rkAnxtxamNp(t) «Бык могучий, воссиявший в Напате» [JIS II, p. 351]. Это позволяет предположить заимствование титула и приспособление его к обозначению правления в объединенном египетско-кушитском царстве. На этой стеле [Reisner 1931, p. 89–100] Пианхи принадлежат слова: «Амон Напатский “повелел мне быть повелителем каждой земли”, Амон Фиванский “повелел мне быть правителем Египта”» [Кормышева 2000, с. 284; Shih-Wei Hsu 2019, p. 83].

Приведенные выше Имена Хора отражают значимость Напаты и Фив как двух главных центров царства, на которые распространялась власть нубийского царя. Легитимация его власти была

⁸ Kuentz C. Obélisques. Catalogue Général des Antiquités Egyptiennes du Musée du Caire 1308–1315 and 17001–17036. Le Caire: Institut Français d'Archéologie Orientale, 1932. P. 46.

⁹ Ungarelli L.M. Interpretatio obeliscorum urbis ad Gregorium XVI pontificem maximum digesta. Roma: Ex typographia reverendae camerae apostolicae, 1842. Pl. 1. См. также: [Kastl 1973, p. 19].

¹⁰ Подробнее см.: [Gozzoli 2003].

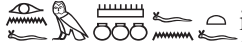
декларирована двумя главными ипостасями Амона – Амона-Ра Напатского и Амона-Ра господина трона Обоих земель.

По мнению Торока, стела Тутмоса III была отредактирована таким образом, чтобы показать, что Пианхи был коронован царем Египта в Напате [FHN I, p. 52], и заимствование титулов у Тутмоса III выражает идею политической преемственности Пианхи, где он объявляется наследником египетского царя в качестве царя Египта и Нубии [FHN I, p. 52]. Логично предположить, что заимствование титулов египетского царя было намеренным с целью показать изменение политической ситуации.

После Имени Хора идет Тронное имя Nswtbity, которое представлено только титулом.

В написании титула Две Владычицы NbtynqA-Kmt «Повелитель Египта» наблюдается палеографическая особенность начертания знака I6 km Египет, где знак X1 начертан с удлиненной линией . Сохранность памятника в месте начертания знака хорошая, ясно, что резчик сознательно начертал этот знак таким образом. Похожая форма этого знака имеется на стеле Кава V, что отметил Панов «как эпиграфическую особенность» [Панов 2019, с. 113]. Это позволяет поставить вопрос о существовании особого палеографического варианта написания иероглифа, обозначающего Египет в Нубии.

После титула Две Владычицы начертано имя нубийского царя –   sARaP(anX) у Сын Ра Пианхи¹¹.

 ir.n.fmmnw.fnit.f «Сделал он памятник этот для отца своего...»¹², формула посвящения памятника встречается на различных памятниках Нубии [Kormysheva 2018, p. 427].

После этой формулы обычно следует имя бога, которому этот памятник посвящен. На нашем памятнике сохранилось только имя Амона-Ра и слово «господин», после которого текст не сохранился. Исходя из структуры надписи (Имя бога + nb + L) [Kormysheva 1994, p. 251] далее могло следовать название местности, где располагался храм Амона-Ра. Вполне возможно, эта местность была в районе современного Кадакола в бассейне Летти на восточном берегу Нила [FHN I, p. 55].

¹¹ Насчет проблематики чтения имени нубийского царя см. [Parker 1966; Rilly 2001; Leclant 1966, p. 152; Janssen 1968, p. 172; Priese 1968; Beckerath 1969; Vittmann 1974].

¹² Подробнее см.: [Castle 1993].

Структура построения текста на первой стороне, которая предположительно начиналась с изображения царя Пианхи, подносящего дары богу Амону, следом которого шла царская титулатура, а затем формула «Сделал он памятник...», характерна для египетских обелисков.

Также построена надпись на алтаре Пианхи из Гебел Баркала: «Сделал он памятник этот для отца своего Амона-Ра, господина Обеих Земель, находящегося во главе Чистой Горы» [Кормышева 2000, с. 24]. Примеры на египетских обелисках дают тот же текст: «Сделал он памятник этот для отца своего...». Так, на обелиске Аменхотепа II из Элефантины говорится, что обелиск сделан для бога Хнума *ir.n.fmmnw.fnit.f3nmw* [TRS 1843, p. 170]. На обелиске Хатшепсут в Карнаке говорится о том, что царица сделала его для Амона-Ра, господина трона Обеих Земель *ir.n.smmnw.snit.sImn-nbncttAwy* [LD III, pl. 22; Urk. IV 357.1; Selim 1991, p. 72; Niedziolka. 2003, p. 104]. На обелиске Тутмоса I в Карнаке, что для Амона-Ра главы Обеих Земель *ir.n.f m mnw.f n it.f Imn-Ra Hry-tp tAwy* [LD III, pl. 6; Urk. IV, p. 93, Gabolde 2007, p. 34]. На обелиске Хоремхеба – *ir.n.f m mnw.f n it.f Imn-Ra* [Gabolde 2007, p. 35].

Вторая сторона. Сохранившийся текст на второй стороне написан вертикально, сверху вниз, справа налево. В тексте содержится указание на воздвижение обелиска, что дает нам основание предполагать, что исследуемый памятник был обелиском.

Текст начинается с фразы «Воздвиг он ...», затем следует восхваление царя.

Воздвиг он... , *saHan.ftxn* «Воздвиг он обелиск» [WbV, 326. 15–24].

Формула «Воздвиг он обелиск» встречается на царских обелисках, как, например, на обелиске Тутмоса I из Карнака [LD III, pl. 6; Urk. IV, p. 93; Selim 1991, p. 72; Niedziolka 2003, p. 94], обелиске Хатшепсут [LD III, pl. 22; Urk. IV, p. 357, paragraph 1; Selim 1991, p. 97; Niedziolka 2003, p. 104], на Латеранском обелиске¹³ и др., а также на рельефах, где изображены обелиски, как в Красной капелле Хатшепсут [Lacau 1977, p. 232].

Наличие данной формулы позволяет предположить, что изначально памятник имел форму обелиска и представлял собой четырехугольный столб с пирамидионом в верхней части.

Надпись на второй стороне, возможно, была продолжением третьей. Доказательством служат тексты на других памятниках, где за *ir.n.fmmnw.fnit.fImn-Ra* следует фраза *saHan.ftxn*. На обелиске

¹³ Ungarelli L.M. Op. cit. Pl. 1. См. также: [Kastl 1973, p. 19].

Тутмоса I в Карнаке – ir.n.fmmnw.fnit.fImn-RaHry-tptAwysaHan.ftxnwrwy [LD III, pl. 6; Urk. IV, p. 93; Selim 1991, p. 72; Budge 1926, p. 94]. На «Обелиске Феодосия» – ir.n.f m mnw.f n it.f Imn-Ra nb tAwy saHa n.f txn [LD V, pl. 26; Selim 1991, pl. I; Traunecker 1982, p. 204]. Все эти надписи были выписаны на одной стороне, после царской титулатуры. Если предположить, что текст третьей стороны и начало текста второй стороны были едиными, то данное расположение сходно с примерами на египетских обелисках.

Восхваление царя mATmirnaAtrwDnpAtwirmittxrjw-swtntx «из ценного, твердого, черного гранита. Не делали подобное при царях могучих...».

В тексте отмечен материал, из которого сделан памятник и его уникальные свойства, а далее идет стандартная фраза, что такое не делалось при других царях. Отмечается, что обелиск сделан из гранита mAT ¹⁴. Причем особо выделяются характеристики этого гранита: цвет камня ing, черный inrkm , редкий, дорогой, ценный материал aAt , являющийся очень твердым rW.D.t . Другие памятники Пианхи также были сделаны из черного гранита – статуи змея и коршуна, которые были установлены во дворе его святилища в Гебель-Баркале [Bianchi 2004, p. 156].

Третья сторона. Сохранившаяся надпись на третьей стороне начинается с пятичленной царской титулатуры Пианхи, после которой идет эпитет «Возлюбленный...» и затем формула «Сделал он...», далее текст обрывается.

Памятник Пианхи – всего один из двух памятников, где имеется пятичленная титулатура Пианхи¹⁵.

Имя Хора на третьей стороне – «Бык Обеих Земель своих» HrkAtAwj.f .

Можно предположить, что это Имя Хора было принято Пианхи после объединения Египта и Нубии, когда, по мнению Харклеса, он воздвиг Триумфальную стелу и сконцентрировался на строительной деятельности, прославляющей себя и обе ипостаси бога Амона [Harkless 2006, p. 129].

Тронное имя и Личное имя выписаны схожим образом с первой стороны ... . В титуле Две Владычицы NbykA

¹⁴ Здесь и далее [Harris 1961, P. 23,72].

¹⁵ Второй – стела «Хартум 1851» [JIS II, p. 351].

«Бык», так же как и в Именах Хора, Пианхи сравнивается с быком, показывая тем самым силу и мощь царя [Shih-Wei Hsu 2019, p. 84]. Рейснер считал, что Тронное имя и Две Владычицы слились здесь в один титул NswtbitynbytkA [Reisner 1931, p. 94]. После имени Хор-Золота Hrnbw следовало личное имя царя HrnbsARaP(anx)y [Reisner 1931, p. 94].

Эпитет mryImn-RanbnswtAwy «Возлюбленный Амоном-Ра господином трона Обеих Земель» характерен для египетской формы Амона¹⁶. Эта ипостась Амона была широко почитаемая в Нубии. Она имеется в надписи Тутмоса III в сооруженном им святилище Амона господина трона Обеих Земель в Гебел Баркале. Найденная здесь стела сообщает: «Сделал он памятник свой отцу Амону, владыке тронов Обеих земель в крепости “Повергающий чужеземцев...”» [Кормышева 1984, с. 10].

На Триумфальной стеле об Амоне-Ра господине трона Обеих Земель говорится как об отце Пианхи [Grimal 1981, p. 3; FHN I, p. 62, 89; JIS II, p. 343; Ritner 2009, p. 467]. В храме Амона (храм Т) в Кава (Кава 8) была найдена стела царя Анламани, где царь объявлялся ImnRanbnswtAwjmrj «Возлюбленным Амона-Ра, господином трона Обеих Земель» [FHN I, p. 218]. На стеле Анламани из Кавы [Кормышева 2000, с. 51] упоминаются Амон Гемпатона и Амон-Ра, господин трона Обеих Земель, чьим возлюбленным объявлен царь Анламани – mrjImn-RanbnswtAwj [FHN I, p. 218]. Так же, «Возлюбленным Амон-Ра, господин трона Обеих Земель», был назван Тахарка в храме Амона-Ра в Карнаке Imn-RanbnswtAwj [FHN I, p. 218]. На стеле сна Танутамона, наверху изображены два Амона: один – антропоморфный Амон Карнака Imn-RanbnsttAwyHr(y)-ibIpt-swt, другой – бараноголовый Амон Напаты Imn-RanbnsttAwyHr(y)-ib<Dw->wab.

На некоторых обелисках имелось схожее построение текста, как на 3-й стороне памятника Пианхи, когда за царской титулатурой следовало выражение «Возлюбленный (бога)...». Это наблюдается, например, на обелиске Рамсеса II из Абу-Симбела, где царь объявлен возлюбленным Атума¹⁷, или на обелиске Сенусерта I из Гелиополя, где царь был возлюбленным Душ Гелиополя [LD V, pl. 26; Selim 1991, pl. I].

Четвертая сторона. Дословный перевод надписи на четвертой стороне невозможен.

¹⁶ Подробнее см.: [Кормышева 2000, с. 24].

¹⁷ Kuentz C. Op. cit. P. 47.

После фразы *dinn.k*, свидетельствующей о дарении, в надписи стоит $\begin{array}{c} \text{⏏} \\ \text{⏏} \end{array}$, как считают авторы каталога, в то время как Янсен-Винкельн видит здесь $\begin{array}{c} \text{⏏} \\ \text{⏏} \end{array}$ [JIS II, p. 365], т. е. имя Амона-Ра. Судя по фотографии, можно предположить, что здесь был начертан не знак Y5 $\begin{array}{c} \text{⏏} \\ \text{⏏} \end{array}$, а знак S $\begin{array}{c} \text{⏏} \\ \text{⏏} \end{array}$, и тогда, возможно, это было слово “Habe; Speise” iSt $\begin{array}{c} \text{⏏} \\ \text{⏏} \end{array}$ [Wb I, p. 134, paragraph 13–16].

Далее выписан иероглиф W4 $\begin{array}{c} \text{⏏} \\ \text{⏏} \end{array}$, которому предшествует знак $\begin{array}{c} \text{⏏} \\ \text{⏏} \end{array}$. Речь может идти о празднике, как, например, на обелиске Сенусерта I из Гелиополя [LD V, pl. 26; Selim 1991, pl. I] или на обелиске Тутмоса I из Карнака [LD III, pl. 6; Urk. IV, p. 93; Selim 1991, p. 72]. По всей видимости, речь идет о «Празднике» HAb $\begin{array}{c} \text{⏏} \\ \text{⏏} \end{array}$ $\begin{array}{c} \text{⏏} \\ \text{⏏} \end{array}$ (вариант написания – $\begin{array}{c} \text{⏏} \\ \text{⏏} \end{array}$) $\begin{array}{c} \text{⏏} \\ \text{⏏} \end{array}$ [Wb III, p. 57, paragraph 5 – p. 58, paragraph 21], как на Триумфальной стеле Пианхи $\begin{array}{c} \text{⏏} \\ \text{⏏} \end{array}$ [Grimal 1981, p. 43; FHN I, p. 77; JIS II, p. 340].

Далее на этой стороне имеется написание $\begin{array}{c} \text{⏏} \\ \text{⏏} \end{array}$ и $\begin{array}{c} \text{⏏} \\ \text{⏏} \end{array}$. Можно предположить, что речь идет о ежегодных календарных празднествах $\begin{array}{c} \text{⏏} \\ \text{⏏} \end{array}$ [Wb II, p. 429; Wb III, p. 26, paragraph 6–13]. Также на четвертой стороне имеется нетипичный порядок иероглифов в слове hm-nTr, где вместо стандартного $\begin{array}{c} \text{⏏} \\ \text{⏏} \end{array}$ [Wb III, p. 88, paragraph 19 – p. 90, paragraph 7], когда nTr расположен *honoris causa* впереди Hm [Allen 1999, p. 42, § 4.15; Gardiner 1957, § 57], написано $\begin{array}{c} \text{⏏} \\ \text{⏏} \end{array}$.

Следом идущий иероглиф нечетко различим, что дало разные варианты графической передачи. В публикации каталога – это знак E17 $\begin{array}{c} \text{⏏} \\ \text{⏏} \end{array}$ ¹⁸, а у Янсена-Винкельна – знак E185 $\begin{array}{c} \text{⏏} \\ \text{⏏} \end{array}$ [JIS II, p. 365], т. е. в этом случае получается имя Амон-Ра, которое передано идеограммой барана. Однако такой вариант написания Амона в Нубии не встречается [Kormysheva 1994, pp. 251–261], что показывает ошибочность этого предположения.

Целый ряд нетипичных для египетских памятников иероглифических начертаний на обелиске Пианхи не позволяет однозначно решить, были это ошибки писца или резчика или это местные нубийские особенности написания слов. Для решения данного вопроса необходимы дополнительные исследования.

¹⁸ Kormysheva E.E., Hassan H. Op. cit. P. 38.

Выводы

1. Сравнительный анализ с известными египетскими аналогами показал, что изначальной формой памятника Пианхи из Кадакола предположительно был обелиск, о чем свидетельствует формула *saNan.ftxn* и определенная схожесть в структуре построения текста. Вряд ли приходится сомневаться в том, что сама форма обелиска была заимствована из Египта, однако анализ надписей и, в частности, их расположение при сходстве с Египтом позволяет выявить местные особенности.

2. К числу черт, характерных для египетских обелисков, относится написанное на первой стороне Имя Хора – царя Пианхи, сходное с Именем Хора – царя XVIII династии Тутмоса III.

На первой стороне Имя Хора находится ниже Имени Хора на третьей стороне, что позволяет предположить, что на первой стороне над Именем Хора было изображение царя Пианхи, подносящего дары богу Амону, по аналогии с такого рода изображениями над Именами Хора, как на обелисках Аменхотепа II из Элефантины, где выше титулатуры изображен царь, подносящий дары богу Хнуму [TRS 1843, p. 170], или Тутмоса III («Обелиск Феодосия»), где изображен царь перед Амоном-Ра [LD V, pl. 26; Selim 1991, pl. I; Traunecker 1982, p. 204]. Следом шла царская титулатура, начинающаяся с Имени Хора, а затем формула «Сделал он памятник...».

3. На второй стороне имеется формула *saNan.ftxn*, которая также хорошо известна на египетских обелисках.

4. На третьей стороне сначала была начертана царская титулатура, начинающаяся с Имени Хора, а затем – формула «Возлюбленный Амоном-Ра...». Структура построения текста на третьей стороне, где имеется эпитет «возлюбленный...», имела общие черты с некоторыми египетскими обелисками, например с обелиском Рамсеса II из Абу-Симбела, где царь объявлялся возлюбленным Атума¹⁹, или обелиском Сенусерта I из Гелиополя, где царь был возлюбленным Душ Гелиополя [LD V, pl. 26; Selim 1991, pl. I].

5. Помимо общих черт, позволяющих установить сходство с египетскими надписями, имеются также и местные особенности, которые касаются размещения текста и изображения, а также палеографических особенностей начертания и ошибочной орфографии. Предположительно изображение имеется только на одной стороне из четырех, на которой имеется текст, в то время в Египте изображение на обелиске было на всех сторонах, где

¹⁹ *Kuentz C. Op. cit. P. 47.*

был текст. Надписи на второй и четвертых сторонах, скорее всего, являются продолжением третьей и первой стороны соответственно, что нехарактерно для Египта. На обелиске встречается особое палеографическое начертание знака I6 km, что имеет аналог в Каве и может быть отнесено к числу диалектальных особенностей.

6. Судя по общему содержанию надписи, свидетельствующей о воздвижении обелиска, типичной для египетских памятников фразе «сделал он памятник...», а также формуле «Амон-Ра, господин <...>» на первой стороне обелиска, можно предположить, что в утраченном пространстве этой стороны обелиска стояло название храма, владыкой которого был Амон. Логично предположить, что речь идет о египетском названии Кадакола, где этот обелиск был установлен, однако для доказательства этого требуются дополнительные источники.

Приложение

Обелиск царя Пианхи из Кадакола

- Датировка: правление царя XXV династии Пианхи;
- место находки: Судан, Восточный берег бассейна Летти, Кадакол;
- место нахождения: Национальный музей Судана (г. Хартум), *инв. номер 462*;
- материал: черный гранит;
- размеры сохранившегося фрагмента памятника: высота – 138 см, диаметр окружности – 21 см;
- текст²⁰.

²⁰ Надпись воспроизведена по фотографии каталога Суданского национального музея. См.: *Kormysheva E.E., Hassan H.* Op. cit. P. 37.

Первая сторона ²¹	Вторая сторона	Третья сторона	Четвертая сторона

²¹ Сторонам даны условные обозначения в соответствии с каталогом для последующего комментария.

Транслитерация и перевод

Первая сторона:

- <...> 1rkAnxtxamWAst, Nswtbity, NbtyHqAKmt, 4ARaP(anX)y, ir.n.fmmnw.fnit.fImn-Ranb <...>;
- <...> Хор Бык могучий, воссиявший в Фивах; Царь Верхнего и Нижнего Египта; Две Владычицы Правитель Египта; Сын Ра Пианхи; Сделал он памятник свой для отца своего Амона-Ра господина <...>

Вторая сторона:

- <...> saHan.ftxnnmATminr-kmnaAtrwDnpAtwirmittxrnjw-swtntxt <...>;
- <...> Воздвиг он (вар. воздвигнут для него) обелиск из ценного, твердого, черного гранита. Не делали подобное при царях могучих <...>

Третья сторона:

- <...> 1rkAtAwy.f, Nswtbity, NbtykAHrnnbw,4ARaP(anX)y, mryImnRanbnswwtAwy, ir.n.fmmnw <...>;
- <...> Хор Бык Обеих Земель своих; Царь Верхнего и Нижнего Египта; Две Владычицы Бык; Хор-Золота; Сын Ра Пианхи; Возлюбленный Амоном-Ра господином трона Обеих Земель; Сделал он памятник <...>

Четвертая сторона:

Точный перевод надписи данной стороны невозможен. Судя по имеющемуся тексту, речь идет об установлении жертвоприношений для храма? учреждении празднеств, назначении жреца?

Благодарности

Статья выполнена при поддержке РФФИ, грант № 20-09-00266 А «Мероэ – древняя цивилизация в сердце Африки».

Acknowledgements

This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research, project no. № 20-09-00266 A “Meroe – ancient civilization in the heart of Africa”.

Источники

- FHN I – Fontes Historiae Nubiorum. Textual Sources for the History of the Middle Nile Region between the Eighth Century BC and the Sixth Century AD. Vol. 1. From the Eighth to the Mid-Fifth Century BC / Ed. by T. Eide, T. Hägg, R.H. Pierce, L. Török. Bergen: University of Bergen, 1994.
- LD – Denkmale aus Aegypten und Aethiopen nach den Zeichnungen der von Seiner Majestät dem Koenige von Preussen, Friedrich Wilhelm IV., nach diesen Ländern gesendet, und in den Jahren 1842–1845 ausgeführten wissenschaftlichen Expedition auf Befehl Seiner Majestät. 13 vols. Berlin: Nicolaische Buchhandlung, 1849.
- Urk. IV – *Sethe K.* Urkunden der 18. Dynastie. Leipzig, 1906. IV Abt. 2 Band. S. 357.
- JIS II – *Jansen-Winkel K.* Inschriften der Spätzeit. Teil 2. Die 22–24. Dynastie. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2007.
- Wb – *Erman A., Grapow H.* Wörterbuch der Aegyptischen Sprache. Berlin: Akademie-Verlag, 1926–1961.
- TRS – Transactions of the Royal Society of Literature. L.: J. Murray, 1843. Vol. 1.

Литература

- Кормышева 1984 – *Кормышева Э.Е.* Религия Куша. М.: Наука, 1984. 264 с.
- Кормышева 2000 – *Кормышева Э.Е.* Мир богов Мероэ. М.: ИВ РАН; СПб.: Летний сад, 2000. 325 с.
- Панов 2019 – *Панов М.А.* Надпись на стеле фараона Тахарки (Кава V) // Современные исследования социальных проблем. 2019. Т. 11. № 3. С. 102–128.
- Allen 1999 – *Allen J.P.* Middle Egyptian. An Introduction to the Language and Culture of Hieroglyphs. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 524 p.
- Beckerath 1969 – *Beckerath J., von.* Zu den Namen des kuschitischen Königs Pi(anchy) // Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts, Abteilung Kairo (MDAIK). 1969. Vol. 24. P. 58–62.
- Bianchi 2004 – *Bianchi R.S.* Daily Life of the Nubians. Westport CT: Greenwood Press, 2004. 284 p.
- Budge 1926 – *Budge E.A.W.* Cleopatra's Needles and Other Egyptian Obelisks. L., 1926. 308 p.
- Castle 1993 – *Castle E.W.* The Dedication Formula 'ir.n.f m mnw.f // The Journal of Egyptian Archaeology. 1993. Vol. 79. P. 99–120.
- Gabolde 2007 – *Gabolde L.* An Atlas of the Obelisks of Karnak in Preparation // Egyptian Archeology. 2007. Vol. 31. P. 33–35.
- Gauthier 1916 – *Gauthier H.* Le Livre des rois d'Égypte, recueil de titres et protocoles royaux, 4, de la XXVe dynastie à la fin des Ptolémées, no. 20 // MIFAO. 1916. Vol. 4.
- Gardiner 1957 – *Gardiner A.H.* Egyptian Grammar. Being an Introduction to the Study of Hieroglyphs. 3rd ed., revised. Oxford: Griffith Institute, 1957. 646 p.

- Gozzoli 2003 – *Gozzoli R.B.* Piye imitates Thutmose III. Trends in a Nubian historiographical text of the early phase // Hawass Z., Pinch Brock L. Egyptology at the Dawn of the Twenty-first Century. N.Y., 2003. P. 204–212.
- Grimal 1981 – *Grimal N.* La stèle triomphale de Pi-anh-y au musée du Caire, JE 48862 et 47086-47089 // Études sur la propagande royale Égyptienne. Part 1. Le Caire, 1981. (MIFAO, vol. 105).
- Harris 1961 – *Harris J.R.* Lexicographical Studies in Ancient Egyptian Minerals. Berlin, Akademie Verlag, 1961. 262 p.
- Harkless 2006 – *Harkless N.D.* Nubian Pharaohs and Meroitic Kings. The Kingdom of Kush. AuthorHouse [USA], 2006. 212 p.
- Haynes 2012 – *Haynes C.J.* ‘Gebel Barkal’ // Ancient Nubia. African kingdoms on the Nile / Ed. by M.M. Fisher, P. Lacovara, S. Ikram, S. D’Auria; with photographs by Ch. Higgins Jr. Cairo: American University in Cairo Press, 2012. 452 p.
- Janssen 1968 – *Janssen J.* The Smaller Dâkhla Stela (Ashmolean Museum. No. 1894. 107 b) // JEA. 1968. Vol. 54. P. 165–172.
- Kastl 1973 – *Kastl H.* Der Lateranensische Obelisk in Rom. Wiesbaden; Roma: Edizioni del Mondo, 1973. 196 p.
- Kormysheva 1994 – *Kormysheva E.* Le nom d’Amon sur les monuments royaux de Koush. Études lexicographiques // Hommages à J. Leclant. Vol. 2. Nubie, Soudan, Éthiopie; IFAO, BdE. Le Caire, 1994. P. 251–261.
- Kormysheva 2018 – *Kormysheva E.* The remnants of a temple complex at Abu Erteila I // The Quarry Landscape at Meroe, Sudan. Nubian Archaeology in the 21st Century. Proceedings of the Thirteenth International Conference for Nubian Studies. Neuchâtel, 1st – 6th September 2014 / Ed. by M. Honegger. Leuven; Paris; Bristol: Peeters, 2018. P. 423–438.
- Lacovara 2018 – *Lacovara P.* Pyramids and Obelisks Beyond Egypt // Aegyptiaca. Journal of the History of Reception of Ancient Egypt. 2018. No. 2. P. 124–137.
- Lacau 1977 – *Lacau P., Chevrier H.* Une chapelle d’Hatshepsout à Karnak. Le Caire, 1977. 465 p.
- Leclant 1966 – *Leclant J.* The reading of the king’s name // OLZ. 1966. Vol. 61. P. 152.
- Leprohon 2013 – *Leprohon R.J.* The great name Ancient Egyptian Royal Titulary. Atlanta: Society of Biblical Literature, 2013. 291 p.
- Niedziolka 2003 – *Niedziolka D.* Were Queen Hatshepsut’s Eastern Obelisks at Karnak Erected Twice? // Proceedings of the Second Central European Conference of Young Egyptologists: Egypt 2001: perspectives of research, Warsaw 5–7 March 2001 / Ed. by J. Popielska-Grzybowska. Warsaw, 2003. Vol. 3. P. 101–111. (Światowit, Supplement series Egyptology)
- Parker 1966 – *Parker R.A.* King Py, a Historical Problem // ZÄS. 1966. Vol. 93. P. 111–114.
- Porter, Moss 1951 – Topographical Bibliography of Ancient Egyptian Hieroglyphic Texts, Reliefs, and Paintings. VII. Nubia, The Deserts, and Outside Egypt / By the late B. Porter, Moss R.L.B.; assisted by E.W. Burney. Oxford: Clarendon Press, 1951. xxxvi+453 p., plans. 7 maps.

- Priese 1968 – *Priese K.H.* Nichtägyptische Namen und Wörter in den ägyptischen Inschriften der Könige von Kush I. Berlin, 1968 (MIO, vol. 14).
- Reisner 1931 – *Reisner G.A.* Inscribed monuments from Gebel Barkal // ZÄS. 1931. Bd. 66. P. 76–100.
- Rilly 2001 – *Rilly C.* Une nouvelle interprétation du nom royal Piankhy // Bulletin de l'Institut Français d'Archéologie Orientale. 2001. Vol. 101. P. 351–368.
- Ritner 2009 – *Ritner K.R.* The Libyan Anarchy. Inscriptions from Egypt's third intermediate period. Society of Biblical Literature [USA], 2009. 643 p.
- Selim 1991 – *Selim A.-K.* Les obélisques égyptiens. Histoire et archéologie. Paris, 1991. (CASAE, vol. 26)
- Shih-Wei Hsu 2019 – *Shih-Wei Hsu.* The Inefficient Communication of Kingship in the Twenty-fifth Dynasty // Egyptian royal ideology and kingship under periods of foreign rulers. Case studies from the first millennium BC / Ed. by J. Budka. Königstum, Staat und Gesellschaft früher Hochkulturen, 2019. Vol. 4, 6.
- Török 1977 – *Török L.* The Kingdom of Kush. Handbook of the Napatan – Meroitic Civilization. Leiden; New York; Köln: Brill, 589 p.
- Török 2009 – *Török L.* Between Two Worlds. The Frontier Region Between Ancient Nubia and Egypt 3700 BC – 500 AD. Leiden; Boston: Brill, 2009. 651 p. (Probleme der Ägyptologie, vol. 29)
- Traunecker 1982 – *Traunecker C.* Estimation des dimensions de l'obélisque ouest du VIIe pylône // Karnak. 1982. Vol. 7. P. 203–208.
- Vittmann 1974 – *Vittmann G.* Zur Lesung des Königsnamens [symbol] // Orientalia. 1974. Vol. 43. P. 12–16.

References

- Allen, J.P. (1999), *Middle Egyptian. An Introduction to the Language and Culture of Hieroglyphs*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- Beckerath, J., von (1969), “Zu den Namen des kuschitischen Königs Pi(anch)y”, *MDAIK*, vol. 24, pp. 58–62.
- Bianchi, R.S. (2004), *Daily Life of the Nubians*, Greenwood Press, Westport, USA.
- Budge, E.A.W. (1926), *Cleopatra's Needles and Other Egyptian Obelisks*. London, UK.
- Castle, E.W. (1993), “The Dedication Formula ‘ir.n.f m mnw.f’”, *The Journal of Egyptian Archaeology*, vol. 79, pp. 99–120.
- Gabolde, L. (2007), “An Atlas of the Obelisks of Karnak in Preparation”, *Egyptian Archeology*, vol. 31, pp. 33–35.
- Gauthier, H. (1916), “Le Livre des rois d'Égypte, recueil de titres et protocoles royaux, 4, de la XXe dynastie à la fin des Ptolémées, no. 20”, *MIFAO*, vol. 4.
- Gardiner, A.H. (1957), *Egyptian Grammar. Being an Introduction to the Study of Hieroglyphs*. 3rd ed., revised, Griffith Institute, Oxford, UK.
- Gozzoli, R.B. (2003), “Piye imitates Thutmose III: Trends in a Nubian historiographical text of the early phase”, Hawass, Z. and Pinch Brock, L. *Egyptology at the Dawn of the Twenty-first Century*, New York, USA, pp. 204–212.

- Grimal, N. (1981), “La stèle triomphale de Pi-ankh-y au musée du Caire, JE 48862 et 47086-47089”, *Études sur la propagande royale Égyptienne*, part 1, Le Caire, Egypt. (MIFAO, vol. 105)
- Harris, J.R. (1961), *Lexicographical Studies in Ancient Egyptian Minerals*. Akademie Verlag, Berlin, Germany.
- Harkless, N.D. (2006), *Nubian Pharaohs and Meroitic Kings. The Kingdom of Kush*. AuthorHouse, USA.
- Haynes, C.J. (2012), “Gebel Barkal”, in Fisher, M.M., Lacovara, P., Ikram, S. and D’Auria, S. (eds.), *Ancient Nubia. African kingdoms on the Nile*, American University in Cairo Press, Cairo, Egypt.
- Janssen, J. (1968), “The Smaller Dākhlā Stela (Ashmolean Museum No. 1894. 107 b)”, *JEA*, vol. 54, pp. 165–172.
- Kastl, H. (1973), *Der Lateranensische Obelisk in Rom*, Edizioni del Mondo, Wiesbaden, Germany, Roma, Italy.
- Kormysheva, E. (1984), *Religiya Kusha* [The Religion of Kush], Nauka, Moscow, Russia.
- Kormysheva, E. (1994), “Le nom d’Amon sur les monuments royaux de Koush. Études lexicographiques”, *Hommages à J. Leclant*, vol. 2: Nubie, Soudan, Éthiopie. IFAO, BdE, Le Caire, Egypt, pp. 251–261.
- Kormysheva, E. (2000), *Mir bogov Meroe* [The world of the Meroe gods], Letnii sad, Moscow, Russia.
- Kormysheva, E. (2018), “The remnants of a temple complex at Abu Erteila I”, in Honegger, M. (ed.), *The Quarry Landscape at Meroe, Sudan. Nubian Archaeology in the 21st Century. Proceedings of the Thirteenth International Conference for Nubian Studies. Neu-châtel, 1st – 6th September 2014*, Peeters, Leuven, Belgium, Paris, France, Bristol, UK.
- Lacovara, P. (2018), “Pyramids and Obelisks Beyond Egypt”, *Aegyptiaca. Journal of the History of Reception of Ancient Egypt*, no. 2, pp. 124–137.
- Lacau, P. and Chevrier, H. (1977), *Une chapelle d’Hatshepsout à Karnak*, Le Caire, Egypt.
- Leclant, J. (1966), “The reading of the king’s name”, *OLZ*, vol. 61, p. 152.
- Leprohon, R.J. (2013), *The great name Ancient Egyptian Royal Titulary*, Society of Biblical Literature, Atlanta, USA.
- Niedziolka, D. (2003), “Were Queen Hatshepsut’s Eastern Obelisks at Karnak Erected Twice?”, in Popielska-Grzybowska, J. (ed.), *Proceedings of the Second Central European Conference of Young Egyptologists: Egypt 2001. Perspectives of research, Warsaw 5–7 March 2001*, pp. 101–111. (Światowit, Supplement series E. Egyptology, vol. 3)
- Panov, M.A. (2019), “Inscription on the stela of the pharaoh Taharqo (Kawa V)”, *Sovremennye issledovaniya sotsial’nykh problem*, vol. 11, no. 3, pp. 102–128.
- Parker, R.A. (1966), “King Py, a Historical Problem”, *Zeitschrift für Ägyptische Sprache und Altertumskunde*, Bd. 93, pp. 111–114.
- Porter, B. and Moss, R.L.B. (1951), *Topographical Bibliography of Ancient Egyptian Hieroglyphic Texts, Reliefs and Paintings*, vol. 7: Nubia, the Deserts, and Outside Egypt, Clarendon Press, Oxford, UK.

- Priese, K.H. (1968), *Nichtägyptische Namen und Wörter in den ägyptischen Inschriften der Könige von Kush I*, Berlin, Germany. (MIO, vol. 14).
- Reisner, G.A. (1931), "Inscribed monuments from Gebel Barkal", *ZÄS*, Bd. 66, pp. 76–100.
- Rilly, C. (2001), "Une nouvelle interprétation du nom royal Piankhy", *Bulletin de l'Institut Français d'Archéologie Orientale*, vol. 101, pp. 351–368.
- Ritner, K.R. (2009), *The Libyan Anarchy: inscriptions from Egypt's third intermediate period*, Society of Biblical Literature, USA.
- Selim, A.-K. (1991), *Les obélisques égyptiens. Histoire et archéologie*, Paris, France. (CASAE, vol. 26)
- Shih-Wei Hsu (2019), "The Inefficient Communication of Kingship in the Twenty-fifth Dynasty", in Budka, J. (ed.), *Egyptian royal ideology and kingship under periods of foreign rulers: case studies from the first millennium BC*, Staatund Gesellschaftfrüher Hochkulturen, Königtum, Germany, vol. 4, 6.
- Török, L. (1997), *The Kingdom of Kush. Handbook of the Napatan – Meroitic Civilization*, Brill, Leiden, Netherlands, New York, USA, Köln, Germany.
- Török, L. (2009), "Between Two Worlds: The Frontier Region Between Ancient Nubia and Egypt 3700 BC – 500 AD", *Probleme der Ägyptologie*, vol. 29, p. 651.
- Traunecker, C. (1982), "Estimation des dimensions de l'obélisque ouest du VIIe pylône", *Karnak*, vol. 7, pp. 203–208.
- Vittmann, G. (1974), "Zur Lesung des Königsnamens [symbol]", *Orientalia*, vol. 43, pp. 12–16.

Информация об авторе

Звиади В. Махачашвили, Институт востоковедения РАН, Москва, Россия; 107031, Россия, Москва, ул. Рождественка, д. 12;

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; zwiady@yandex.ru

Information about the author

Zviady V. Makhachashvili, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; bld. 12, Rozhdestvenka St., Moscow, Russia, 107031;

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; zwiady@yandex.ru

УДК 8(091)

DOI: 10.28995/2686-7249-2021-10-152-160

Historia, annales, res gestae
как названия исторических сочинений
римских авторов эпохи Республики

Ольга В. Сидорович

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, varro52@mail.ru*

Аннотация. Античные историки, как правило, не давали названия своим сочинениям. Эти названия появляются со временем в результате деятельности грамматиков или встречаются в качестве таковых в сочинениях авторов более позднего времени. Так было прежде всего с сочинениями первых римских историков, писавших по-гречески и на родном языке. На основании исследования возможных вариантов названий этих сочинений – historia, annales, res gestae – ставится проблема их жанровой принадлежности, исходя из содержания обозначавших эти сочинения терминов. Их анализ позволил сделать следующие выводы: в процессе становления анналистической формы повествования о прошлом «анналы» стали отличаться от «истории» как сочинения, в которых излагались современные автору события. «Деяния» же (по содержанию данного термина) были близки к тому, что греки называли историей.

Ключевые слова: анналы, история, деяния, римские историки эпохи Республики, Фабий Пиктор, М. Порций Катон, Семпроний Азеллион

Для цитирования: Сидорович О.В. Historia, annales, res gestae как названия исторических сочинений римских авторов эпохи Республики // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2021. № 10, ч. 2. С. 152–160. DOI: 10.28995/2686-7249-2021-10-152-160

Historia, annales, res gestae as the titles
for the writings of Roman Republican historians

Olga V. Sidorovich

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
varro52@mail.ru*

Abstract. Ancient historians as a rule didn't entitle their own works. Those titles appear over time as a result of the work of grammarians or are found as such in the works of authors of later times. First of all that practice could

© Сидорович О.В., 2021

be applied to the works that were written in Greek and native language by early Roman historians. On the basis of the study in the possible titles of those works – historia, annales, res gestae – the issue of their genre is raised, judging by the content of the terms that denoted those works. Their terminological analysis led to the following conclusions: in the process of the formation of the annalistic narration as a form of account about the past, the “annals” began to be distinguished from the “history” as a work in which events contemporary to the author were represented. On the contrary the content of the term *res gestae* was close to what the Greeks called *historia*.

Keywords: annales, historia, res gestae, Roman historians of the Republic, Fabius Pictor, M. Porcius Cato, Sempronius Asellio

For citation: Sidorovich, O.V. (2021), “Historia, annales, res gestae as the titles for the writings of Roman Republican historians”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 10, part 2, pp. 152–160, DOI: 10.28995/2686-7249-2021-10-152-160

Греческие историки классической эпохи не давали названия своим сочинениям, как это принято в современной литературной практике. Впоследствии названия их сочинениям по начальным словам вступления, в котором определялся предмет изложения, давали современники или потомки, как правило, грамматиков, основным занятием которых было чтение, толкование и упорядочивание текстов¹. Такая же ситуация характерна и для сочинений первых римских историков, писавших по-гречески. Условные названия их произведений встречаются в сочинениях авторов позднего времени, которые, заимствуя нужную им информацию, ссылались на сочинения своих предшественников с указанием названия произведения и номера книги. Правда, какого-то единообразия в названиях не наблюдалось: даже сочинение одного и того же автора могло называться по-разному, иногда в зависимости от того, какого рода информация из него извлекалась. Так, например, Диодор (7.5.4) называет сочинение Фабия Пиктора «Деяния римлян», что больше соответствует произведению, ориентированному на современную историю, а Дионисий Галикарнасский (7.71.1) – «Ромаика» (т. е. собрание разнообразной относящейся к Риму

¹ Так, сочинение Геродота получило свое название от александрийских грамматиков, которые также разделили текст на 9 книг. Такая же практика существовала и в Риме. Светоний (Gram. 2) сообщает, что грамматиков обрабатывали «Пуническую войну» Невия, разделив ее на 7 книг, «Анналы» Энния и сатиры Луцилия.

информации), что больше подходит к произведению, состоящему из этнографических и географических очерков [Timpe 1972, p. 940. Anm. 32]. Такое же разнообразие названий встречается и у римских авторов относительно написанного по-гречески сочинения Авла Постумия Альбина, которое Цицерон называл историей², а Макробий – то *res Romanae*, то *анналами*³. Поэтому, обращаясь к проблеме возможных названий исторических сочинений римских авторов, необходимо остановиться на всех вариантах применимых к ним наименований, которые сохранились в сочинениях авторов более позднего времени, и ответить на вопрос, указывают ли они на жанровую принадлежность сочинений, к которым относятся.

Латинский язык не знал слова «анналист» при широком распространении существительного *annales*, которое в паре с другим существительным – *auctor* – образовывало словосочетание *auctor annalium*, аналогичное существующему в современных европейских языках термину «анналист». Это ставит перед нами проблему содержания понятия *annales* как отражающего своеобразие сочинения, повествующего о прошедших событиях.

В латинском языке существуют два основных термина, обозначающих произведения, рассказывающие о событиях прошлого – *historia* и *annales*. Случай употребления каждого из них обобщены в сочинении Авла Геллия «Аттические ночи» (5.18.1-7), отрывок из которого всегда находится в центре внимания исследователей данного вопроса. Итак, на что обращает внимание Геллий, когда говорит об отличии истории от *анналов*? В целом его рассуждения можно свести к следующему утверждению: история – описание современных автору событий, которое осуществляется различными способами: через изложение (*expositionem*), точное описание событий (*demonstrationem*), или рассказ ведется каким-то иным способом (...*alio nomine id dicendum est*). В *анналах* же последовательно излагаются события многих лет при сохранении очередности каждого года, т. е. отличие истории от *анналов* как разновидности исторических сочинений сводится к способу организации материала в них: любая манера изложения, допускаемая для исторического сочинения, противопоставляется последовательному, погодному изложению событий как характерному признаку *анналистического* повествования.

В научной литературе часто встречается утверждение, что подобное противопоставление *анналов* (как повествования о не

² Cic. Brut. 81; Acad. Prior. 2. 137: "...legi... A. Albinum... doctum sane hominem ut indicat ipsius historia scripta graece..."

³ Macrob. Sat. I. Praef. 14.

современных автору событиях) и истории (как рассказу о современных автору событиях) восходит к Веррию Флакку, антиквару эпохи Августа. Действительно, Геллий в данном случае ссылается на четвертую книгу сочинения Флакка *De significatione verborum* («О значении слов»). Однако ситуация гораздо сложнее, чем выглядит на первый взгляд. В данном отрывке из сочинения Геллия (N.A. 5.18.1-2) присутствуют три пласта информации. Во-первых, по поводу отличия анналов от истории Веррий Флакк передает лишь существующую точку зрения, которая, однако, не является широко распространенной⁴, во-вторых, сам же в ней и сомневается, в-третьих, он полагает, что есть некоторый смысл в том утверждении, что греческий термин «история» означает исследование текущих событий. Далее Геллий (N.A. 5.18.3-6) передает, что обычно на анналы смотрят как на подвид истории: история рассказывает о совершенных деяниях, и, если они охватывают продолжительный отрезок времени и излагаются в хронологической последовательности, их можно рассматривать как анналы. Итак, на основании данного отрывка можно говорить о двух взглядах на различие между анналами и историей, причем, судя по всему, они сформировались в разное время: один относится ко времени Веррия Флакка (I в. н. э.), но отражает особое мнение («у некоторых есть такое мнение»), другой – ко времени Авла Геллия (2-я пол. II в. н. э.) и является «обычным» взглядом на проблему, согласно которому анналы и история представляют собой взаимозаменяемые понятия [Verbrugge 1989, pp. 192–230]. Похоже, что это мнение окончательно утвердилось в ту эпоху, когда анналы как вид исторических сочинений стали неактуальными для римской историографии, и вопрос о жанровом своеобразии анналов и истории потерял свою остроту. Конечно, для нас наибольший интерес представляет свидетельство Веррия Флакка как более раннее, которое относится ко времени окончательного оформления анналистики в качестве одного из жанров римской историографии. Смущает только то, что оно отражает мнение немногих.

В связи с этим следует обратить внимание на характеристику двух видов исторических сочинений, данную Семпронием Азеллионом (ок. 160–91? гг. до н. э.), историком рубежа II и I вв., того времени, когда анналистика начала выделяться в самостоятельный жанр исторической прозы. Азеллион был автором исторического сочине-

⁴ Взгляд на историю как на повествование, в котором описываются современные автору события, в противоположность анналам, в которых ведется рассказ о прошлом, впоследствии встречается у Сервия (Aen. 1.373) и Исидора (Orig. 1.44.4).

ния, в котором описывались события, близкие к нему по времени и те, свидетелем которых он был сам. Известно, что в должности военного трибуна он участвовал в Нумантинской войне и описал эти события⁵, был современником политических бурь 30-х годов II в. до н. э. и оставил характеристику их участников – Тиберия Гракха⁶, Публия Красса Муциана⁷, полководца Эмилия Павла⁸.

Взгляды Азеллиона на историю Геллий (N.A. 5.18.7) перемежает своими собственными, предваряя прямое цитирование своего предшественника указанием на то, что события могут описываться не только по годам, но и по дням; историю такого рода греки называли словом «дневник», латинский перевод которого дается в первой книге Семпрония Азеллиона. На основании этого мы можем утверждать, что Азеллион был хорошо знаком с теорией греческого историописания, которая к этому времени сформулировала особенности работы историка со своим материалом, противопоставив ее работе поэта⁹. В данном случае Азеллион говорит о двух разновидностях хронографического повествования – погодном изложении событий и дневниковых записях, причем последние по своему замыслу полностью совпадают со временем жизни автора записок, а значит, в большей мере, чем погодное изложение, соответствуют тому, что греки называли историей.

Геллий выбирает из сочинения Азеллиона два самостоятельных отрывка, объединенных тем не менее общей темой изложения – установлением различий между анналами и историей. По мнению современных исследователей, оба фрагмента происходят из предисловия к первой книге сочинения Семпрония Азеллиона¹⁰. Следует обратить внимание на то, что свои рассуждения Азеллион (Gell. N.A. 5.18.8) начинает с указания существующего среди авторов различия: одни хотели оставить анналы (*qui annales relinquere voluissent*), другие пытались описать деяния, совершенные римлянами (*qui res gestas a Romanis perscribere conati essent*), т. е. он делит исторические сочинения на «анналы» и «деяния». Из последующего текста становится ясным, что анналы, в которых отмечается только то, какое событие и в каком году произошло, по своему содержанию близки дневни-

⁵ Gell. N.A. 2.13.3.

⁶ Gell. N.A. 2.13.4–5.

⁷ Gell. N.A. 1.13.9–13.

⁸ Gell. N.A. 13.3.6.

⁹ Arist. Poet. 1451 b 5–10. Об особенности исторического повествования и об отличии истории от трагедии см. также: Polyb. 1.14.6–8, 2.56.10–12.

¹⁰ The Fragments of the Roman Historians. Vol. 3: Commentary / Ed. by T.J. Cornell. Oxford: Oxford Univ. Press, 2013. P. 277.

ковым записям, тогда как в деяниях показано, по какому замыслу и расчету это совершено. Как и его современник Цицерон, Азеллион отмечает погодное сухое изложение фактов как характерный признак анналов и противопоставляет их повествованию, направленному на выявление причин событий, в чем проявляется его следование взглядам Полибия (Polyb. 2.56.11)¹¹. Как и Полибий, который видел основную задачу истории в «правдивой записи деяний», Семпроний Азеллион называет сочинения, направленные на отыскание истины, деяниями (*res gestae*), что, по сути дела, соответствует греческому термину «история». Эту же мысль он развивает дальше (Sempr. Asell. ap. Gell. N.A. 5.18.9), конкретизируя содержание анналов и деяний. В анналах фиксируются начало и конец войн, упоминаются имена триумфаторов, причем выясняется, что в эпоху Азеллиона датировка событий дается по консульским парам¹². Этот факт (как и другие свидетельства) позволяет говорить о том, что анналы как особый жанр исторических сочинений окончательно оформились уже в 30-е гг. II в. до н. э. В то же время анналы, хотя и выглядят как простой перечень событий, включают далеко не все произошедшее. В частности, в них не упоминаются происходившие на войне события, а также принятые в это время постановления сената, законы или внесенные законопроекты, и, конечно, не указано, по каким причинам это было сделано. Значит, весь этот материал охватывают сочинения другого уровня и жанра, которые, как уже было отмечено, Семпроний Азеллион называет деяниями, а греки – историей. Итак, первое, на что надо обратить внимание – разделение деяний (что является переводом на латинский язык греческого термина «история») и анналов как сочинений, относящихся к разным жанрам историописания, на римской почве впервые было сформулировано Семпронием Азеллионом под влиянием не только теоретических рассуждений греков, но и уже сложившейся во второй половине II в. до н. э. римской практики написания анналов – погодного изложения событий прошлого.

¹¹ Восприятие взглядов Полибия могло произойти в результате личного знакомства Семпрония Азеллиона с греческим историком во время военной службы под командованием Сципиона Эмилиана при осаде Нуманции. В настоящее время Азеллион считается первым истинным последователем Полибия среди римских историков [Walbank 1945, p. 15].

¹² Возможно, что такая практика изложения событий прошлого сложилась раньше, в первой половине II в. до н. э. По свидетельству Плиния Старшего (H.N. 7.36. = Gell. N.A. 9.4.15), произошедшее в Казине событие датировалось консульской парой, находившейся в должности в Риме в 171 г. до н. э.

Рассмотрим конкретные примеры наименования сочинений латиноязычных историков II–I вв. до н. э., встречающиеся у авторов позднего времени. Сочинение Кассия Гемини Авл Геллий (N.A. 17.21.3) называет анналами, когда заимствует из него сведения, относящиеся ко времени до основания Рима, при этом он даже указывает номер книги. Макробий (Sat. 1.16.21) ссылается на вторую книгу «историй» (historiarum) Кассия, когда извлекает из нее информацию о благоприятных и неблагоприятных днях. В таком же значении он использует термин «истории» (historiae) применительно к сочинению Лициния Макра (Macrob. Sat. 1.10.17), у которого он заимствует рассказ об Акке Ларенции. Цицерон (Brut. 106) употребляет термин «анналы» применительно к сочинению Л. Кальпурния Пизона как название его произведения; точно так же Варрон (L.L. 5. 149) называет сочинение Пизона, где он нашел одну из версий рассказа о Меттии Курции и его подвиге. Сочинение Клавдия Квадригария Сенека (De benef. 3.32.2) и Авл Геллий (N.A. 2.2.13) называют анналами с указанием книг, к которым они обращаются. Но у Геллия (N.A. 3.8. praef.) также встречается обозначение сочинения Клавдия как истории. Разночтения подобного рода можно встретить у Геллия в названии сочинения другого автора I в. до н. э. Валерия Анциата. Геллий называет его сочинение анналами с указанием номера книги, когда речь идет об отдаленных во времени событиях. Совсем иная ситуация, когда Геллий (N.A. 6.19.7) работает с той частью сочинения Анциата, в которой изображаются современные автору события. Но, заимствуя из сочинения Анциата рассказ о Пирре, Геллий (N.A. 3.8.4) ссылается на его труд просто как на сочинение по истории без указания номера книги. В диалогах, посвященных ораторскому искусству, Цицерон трижды упоминает сочинение историка Гая Фанния – сподвижника Сципиона Африканского. Когда Цицерон (De orat. 2.270) хочет озаглавить его сочинение, он называет его анналами, но иногда Цицерон (Brut. 229) упоминает Фанния как автора сочинения, повествующего о событиях прошлого, которое он называет «историей». Подобное словопользование свидетельствует о том, что термины *annales* и *historia* применялись строго дифференцированно. Термин *annales* (анналы или летопись) в сочетании с номером книги, как правило, выполнял роль названия произведений, в которых повествуется о событиях древности.

Еще один важный аспект отличия истории (или деяний) от анналов заключается в степени достоверности описываемых в них событий. Поскольку в истории, как мы видели, описывались дела, в которых принимал участие сам автор, то сочинения этого жанра

считались более достоверными по сравнению с анналами¹³. При этом даже рассказы о чудесных явлениях, попавшие в сочинения исторического содержания, выглядели как достоверные события по сравнению с событиями далекого прошлого, если эти чудеса происходили на глазах автора¹⁴.

Итак, с самого начала своего возникновения анналы предполагали изложение материала в хронологической последовательности, которая определялась сменой консульских пар в Римской республике, что не позволяло историку-анналисту пропустить даже те года, которые не были отмечены важными событиями [Сидорович 2011, с. 121–136]. Этот прием датировки распространялся не только на то, что происходило в Риме, но и за его пределами. Отличие истории от анналов формировалось в процессе становления анналистической формы повествования и выделения ее в качестве самостоятельного жанра из массива исторических сочинений, в том числе и тех, которые излагали события, синхронные времени жизни автора, и назывались историей. Пока не произошло окончательного размежевания этих жанров, термины «история» и «анналы» могли заменять друг друга, но только в том случае, когда существительное *historia* употреблялось во множественном числе – *historiae* – и обозначало «собрание историй», из которых, в сущности, состояло сочинение историка-анналиста.

Литература

- Сидорович 2011 – *Сидорович О.В.* Форма и содержание: анналистический метод изложения в I декаде «Истории» Тита Ливия // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2011. № 14 (76). С. 121–140.
- Timpe 1972 – *Timpe D.* Fabius Pictor und die Anfänge der römischen Historiographie // Aufstieg und Niedergang der römischen Welt. Berlin, New York, 1972. Bd. 1.2. P. 928–969.
- Verbrugge 1989 – *Verbrugge G.P.* On the Meaning of Annals, on the Meaning of Annalist // Philologus. 1989. Vol. 133. P. 192–229.
- Walbank 1945 – *Walbank F.W.* Polybius, Philinus, and the First Punic War // Classical Quarterly. 1945. Vol. 3. P. 1–18.

¹³ Isid. Orig. 1.44.4-5: ...*historia est eorum temporum quae vidimus, annales verum sunt eorum annorum quos aetas non movit... item inter historiam sunt res verae quae factae sunt.*

¹⁴ Gell. N.A. 9.4.13-15 цитирует Плиния Старшего (H.N. 7.36), который не только сам был свидетелем чудесных явлений, включенных им в «Естественную историю», но и заимствовал их из сочинения своего современника Лициния Муциана, подкреплявшего веру в чудесные превращения личным свидетельством. См. также: Gell. N.A. 5.14.1-30.

References

- Sidorovich, O.V. (2011), *Forma I sodержanie: annalisticheskiy method izlozheniya v 1 de-
cade «Istorii» Nina Liviya*, [Form and Content. Annalistic Narratives in Livy's First
Decade], RSUH/RGGU Bulletin. "History. Philology. Cultural Studies. Oriental
Studies" Series, vol. 76, no. 14, pp. 121–140.
- Timpe, D. (1972), "Fabius Pictor und die Anfänge der römischen Historiographie",
Aufstieg und Niedergang der römischen Welt, Bd. 1.2, pp. 928–969.
- Verbrughe, G.P. (1989), "On the Meaning of Annals, on the Meaning of Annalist",
Philologus, vol. 133, pp. 192–229.
- Walbank, F.W. (1945), "Polybius, Philinus, and the First Punic War", *Classical Quarterly*,
vol. 39, pp. 1–18.

Информация об авторе

Ольга В. Сидорович, доктор исторических наук, доцент, Российский
государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047,
Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; varro52@mail.ru

Information about the author

Olga V. Sidorovich, Dr. of Sci. (History), associate professor, Russian
State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq.,
Moscow, Russia, 125047; varro52@mail.ru

«Основание городов»
как вид исторических сочинений
и основание Рима у Фабия Пиктора

Ольга В. Сидорович

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, varro52@mail.ru*

Аннотация. Такой жанр исторических сочинений, как «основание городов», был широко распространен в грекоязычном мире. Основные структурные элементы этого жанра можно установить исходя из рассказов об основании городов, которые встречаются в сочинениях Геродота (основание Кирены) и Фукидида (основание греческих городов на Сицилии). Этот вид исторических сочинений повлиял на римскую историографию, которая, начиная с Фабия Пиктора, принимала основание Рима как точку отсчета своей истории. В данной статье ставится вопрос о том, что представляло собой основание Рима в сочинении Фабия Пиктора. Анализ данных источников позволяет сделать вывод о том, что Фабий Пиктор включил в рассказ об основании Рима все легенды, сложившиеся вокруг этого события, как предшествовавшие ему, так и следовавшие за ним, вплоть до начала Республики. В этом отношении восприятие Фабием основания города отличалось от того, которое встречается в сочинении грека – Дионисия Галикарнасского, для которого Фабий был одним из источников информации.

Ключевые слова: основание городов в греческой историографии, основание Рима, Фабий Пиктор, Марк Порций Катон, Полибий, Дионисий Галикарнасский

Для цитирования: Сидорович О.В. «Основание городов» как вид исторических сочинений и основание Рима у Фабия Пиктора // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2021. № 10, ч. 2. С. 161–172. DOI: 10.28995/2686-7249-2021-10-161-172

“Foundation tales”
as the literary form of historical writings
and the foundation of Rome by Fabius Pictor

Olga V. Sidorovich

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
varro52@mail.ru*

Abstract. “Foundation of cities” as the case of historical writings was widely spread in Greek speaking area. Based on foundation tales in Herodotus and Thucydides we can realize the composition of such works. Historical models of this kind affected Roman historiography since Fabius Pictor, who took the foundation of Rome as the starting point of native history.

The article deals with a problem what did Fabius Pictor understand as “the foundation of Rome”. Based on the analysis of the sources we came to a conclusion that Fabius Pictor incorporated in Rome’s foundation tale all the legends that reflected the events before and after the foundation itself up to the beginning of the Republic. In this respect the way Fabius understood the concept “the foundation of Rome” differed from that of Dionysius of Halicarnassus who used Fabius’s work as one of his sources.

Keywords: “Foundation of cities” in Greek historiography, the Foundation of Rome, Fabius Pictor, M. Porcius Cato, Polybius, Dionysius of Halicarnassus

For citation: Sidorovich, O.V. (2021), “ ‘Foundation tales’ as the literary form of historical writings and the foundation of Rome by Fabius Pictor”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 10, part 2, pp. 161–172, DOI: 10.28995/2686-7249-2021-10-161-172

Греческая историография, истоки которой восходят еще ко времени до появления сочинения «отца истории» Геродота, представлена разными жанрами историописания. Различные виды исторических сочинений, широко бытовавшие у греков, называет Полибий (9.1.3–4): это – генеалогическая история, рассказы о колониях, об основании городов, о родстве племен. Другой грек, Дионисий Галикарнасский (1.8.3), желая объяснить читателю, какой вид он собирается придать своему труду, перечисляет наиболее распространенные у греков исторические сочинения: в одних описываются войны, в других – государственные устройства (т. е. политики), третьи представляют собой хроники, в которых излагается история Аттики (так называемые «Аттиды»). Однако, начиная свое повествование, Дионисий (1.1.4) прежде всего останавливается на сочинениях о знаменитых городах, написание которых, по его мнению, требует особого усердия со стороны автора. Таким образом, мы видим, что

оба историка называют «основание городов» в качестве широко распространенного у греков вида исторических сочинений, которые удовлетворяли стремлениям местной публики знать свое прошлое и потому писались до тех пор, пока был жив полис – социально-политическая система, породившая этот вид исторической литературы. Подобная литература существовала во всех частях греческого мира, в том числе в Великой Греции. В эпоху эллинизма интерес греков к основанию городов вышел далеко за рамки собственно греческого мира и распространился на сопредельные народы и территории, причем основание даже иноземных городов приписывалось греческим героям. Э. Грюэн назвал этот процесс «эллинским интеллектуальным империализмом» [Gruen 1992, p. 12].

Под влиянием греков римские историки также освоили «основание городов» как один из жанров историописания, правда, применительно к истории своего города – Рима. Начиная с Фабия Пиктора основание Рима становится отправной точкой исторического повествования, которое заканчивается современными автору событиями, при том, что пролегающий между этими крайними точками продолжительный отрезок времени достаточно долго подавался конспективно, в виде кратких рассказов, повествовавших лишь о самых главных событиях (Dionys. 1.5.4). В связи с этим в исследовательской литературе неоднократно поднимался вопрос о том, что понимать под «основанием города» применительно к Риму и что представляло собой основание Рима в сочинении первого римского историка Фабия Пиктора, написавшего свой труд на греческом языке. Чтобы приблизиться к ответу на этот вопрос, необходимо обратиться сначала к сохранившимся фрагментам его сочинения.

На сегодняшний день мы располагаем тридцатью двумя фрагментами, из которых 23 аттестуются как, несомненно, принадлежащие Фабию Пиктору. Следует отметить, что мы исключаем из рассмотрения фрагменты латиноязычного Фабия Пиктора, поскольку они принадлежали другому историку из рода Фабиев – Нумерию Фабию Пиктору. Считается, что именно его упоминает Цицерон в трактате «Брут» (81) и представляет как человека, сведущего в вопросах права, в сочинениях своих предшественников и в древних сказаниях (*et iuris et litterarum et antiquitatis bene peritus*)¹.

¹ Проблема латиноязычного Фабия остается дискуссионной и вряд ли может быть окончательно решена. Цицерон в диалоге «Брут» называет в качестве самостоятельного писателя Сервия Фабия Пиктора. В настоящее время принята поправка при чтении имени собственного от *Ser(vius)* в пользу *Numerius* (*The Fragments of the Roman Historians / Ed. by T.J. Cornell. Oxford, 2013. Vol. 1: Introduction. P. 165, note 19*).

На этом основании можно считать, что Нумерий Фабий был автором сочинения, во многом похожего на произведение Фабия Пиктора, которое он, несомненно, знал и, возможно, даже подражал ему: как и его предок, он излагал легендарное прошлое Рима, которое дополнялось сакральными-правовыми реалиями. Итак, из указанного числа фрагментов 18 приходятся на царское время и раннюю Республику (13+5 соответственно) и 5 фрагментов – на современную Фабиию эпоху. На основании этих фрагментов вырисовывается следующая картина: Фабиию хорошо были известны сказания об Энее, Аскании, весталке Рее Сильвии и ее похищении Марсом, о рождении Ромула и Рема, убийстве Амулия, основании Рима (здесь же он предлагает свою дату основания города), о похищении сабинянок и о предательстве Тарпеи. Фабиию известны Тарквиний Древний и его сыновья, Сервий Туллий и Тарквиний Коллатин. То есть он доводит повествование о начале города до рубежа, отделявшего в ливианской версии римской истории царский период от начала республики. Перед нами мифы и легенды, связанные с территорией Лация и Рима, его основанием и первыми веками существования, все то, что греки относили к хорографическим (краеведческим) сочинениям². Разновидностью хорографических сочинений стали работы, посвященные исключительно основанию городов (ктисис), которые распространились во всех частях греческого мира. Рим стал частью исторической традиции, формировавшейся в Великой Греции, уже в сочинении Тимея Сицилийского (356–250), который, несомненно, был одним из источников для Фабия Пиктора³. Конечно, можно спорить о том, что понимать под термином «ктисис» в сочинении Фабия: основание города Ромулом, царский период в целом или период вплоть до децемvirата, т. е. с включением первых пятидесяти лет Республики в соответствии с традиционными представлениями о времени ее начала. В пользу каждого из утвержде-

² Dionys. Thuc. 5.: «Эти сочинения содержали некоторые рассказы, в которые верили с отдаленного прошлого, и многие драматические рассказы об изменении удачи...». Наиболее известными сочинениями такого рода были произведения по истории Аттики – «Аттиды». О разновидностях сочинений этого жанра см.: *Soltau W. Orientalische und Griechische Geschichte. Breslau, 1913. S. 157.*

³ О влиянии Тимея на Фабия см.: [Momigliano 1990, p. 101]. Помимо сочинения Тимея существовала многочисленная греческая литература о времени царей [Gabba 1966, p. 135]. Например, легенды об основании Рима, в которых присутствовали разные основатели, были известны Плутарху (Rom. 2). Разнообразные версии об основателях Рима, существовавшие у греческих историков, передает Дионисий (1.72.1–6).

ний есть свои аргументы [Northwood 2007, p. 102, notes 15–17]. Но поскольку родоначальниками данного историографического жанра были греки, чтобы разобраться в предмете дискуссии, необходимо обратиться к рассказам об основании городов, сохранившимся в их сочинениях.

Начнем с «отца истории», который щедро включал в свое повествование свидетельства, заимствованные им из сочинений, посвященных основанию городов. Его рассказ (Herod. 4.150–167) об основании Кирены представляет в этом отношении особый интерес. Прежде всего следует обратить внимание на то, что Геродот передает две версии об основании Кирены – греческой колонии на ливийском побережье Африки: одна происходит из метрополии и начинает повествование издалека, излагая события, имевшие место задолго до основания города, другая происходит из самой колонии и выбирает точкой отсчета своей истории основание города. Местная версия основания Кирены иначе передает историю своего основателя. Если абстрагироваться от многочисленных подробностей, которыми изобилует рассказ Геродота, можно составить представление о содержании сочинений, авторы которых работали в жанре ктисис. Эти рассказы включали в себя присутствие божественного начала, что выражалось для греков в общении будущего основателя, который всегда назывался по имени, с Дельфийским оракулом; далее упоминалось детство основателя и отмечались отличительные особенности его внешности; основание самого города и отношения (мирные и/или военные) с местными племенами; наконец, перечислялись все его преемники, которые составляли идущую от основателя династию (в случае с Киреной династия состояла из шести царей), и подробно рассказывалось о событиях, составлявших содержание данного периода в истории города. Среди последних обращалось внимание на рост населения, раздел земли, войны с соседями, распри внутри правящего дома, изменения в государственном устройстве, противостояние правителей и общества, их изгнание, попытка вернуть власть и провал этого предприятия.

Обращение к сочинению Фукидида – младшего современника Геродота – подтверждает сделанные наблюдения. Фукидид также пользуется сочинениями подобного рода, когда говорит об освоении греками Сицилии, которое сопровождалось основанием множества городов. Правда, прагматик Фукидид (6.3–5) не прибегает к обширным экскурсам геродотовского типа, а заимствует из соответствующей литературы самое, с его точки зрения, важное. Однако и на основании этих разрозненных свидетельств выстраивается аналогичная картина, которая в то же время может быть

дополнена некоторыми деталями: окружение города стеной, упоминание законов и учреждений, обращение к топографическим подробностям; почти каждый раз речь идет о населении и пополнении его рядов вновь прибывшими группами, а счет лет ведется от основания города. Приведенные примеры убеждают нас в том, что любое сочинение об основании города включало примерно один и тот же набор тем, которые выходили далеко за пределы самого акта его основания, захватывая не только предысторию основания города, но и следующий за ним период на протяжении двух и более веков⁴.

Посмотрим теперь, как сложилась судьба данной традиции описания основания городов на римской почве. Применительно к Риму она выразилась в создании легенды об основании города. Одного из таких авторов – Диокла с Пепарефоса, который стал основным информатором для Фабия Пиктора, называет Плутарх (Rom. 3). О Диокле почти ничего не известно, но на том основании, что его сочинением пользовался Фабий, можно сказать, что жил он не позже III в. до н. э.⁵ Ф. Якоби предположил, что сочинение Диокла называлось «Основание Рима», хотя это признается не всеми⁶. По утверждению Плутарха, Фабий Пиктор принял рассказ Диокла «почти без изменений». В таком случае получается, что персонажем легенды об основании Рима у Диокла был Эней, потомки которого правили в Альбе⁷. Среди них названы Нумитор и Амулий, но альбанская династия в целом не присутствует в рассказе, хотя и предполагается⁸. Может быть, ее опустил сам Плутарх, или Диокл имел о ней слабое представление. Во всяком случае здесь мы видим попытку синтеза двух легенд – о Ромуле и Энее через создание пока еще подобия «альбанской династии», что стало актуальным после того, как Эратосфен (282–202) вычислил дату падения Трои, обнажив тем самым хронологический разрыв между Энеем и Ро-

⁴ В одном случае Фукидид (6.4.2) говорит о 245 годах от основания города, в другом (6.4.3) – о 45-ти годах, в третьем (6.4.4) – о 108 годах.

⁵ Краткое упоминание о нем сохранилось у историка Деметрия из Скепсиса (Athen. 2.22), который писал в первой половине II в. до н. э.

⁶ The Fragments of the Roman Historians. Vol. 1: Introduction. P. 174, note 66.

⁷ Первое появление Энея на италийской почве относится к концу VI – началу V в. до н. э. Эней как основатель Рима появляется у Гелланика (Dionys. 1.72.2), но только около 300 г. до н. э. он появляется в связи с латинами и Римом [Galinsky 1969, pp. 57–58, 103, 105–106].

⁸ Plut. Rom. 3: ...«порядок наследования привел к власти двух братьев – Нумитора и Амулия».

мулом. Однако у Диокла и Фабия фигурируют только два представителя альбанского правящего дома, имена которых изначально не зависели от списка альбанских царей и отражали ранний этап формирования легенды о Ромуле [Ogilvie 1965, pp. 44, 47]. Первым заполнил временной промежуток между Энеем и Ромулом Катон, основываясь на местных традиционных рассказах⁹.

Итак, пример Диокла свидетельствует о том, что ктисис, даже в понимании самих греков, выходил за рамки собственно основания города (вывод, который мы уже сделали на примере описаний основания городов у Геродота и Фукидида), то есть эта литературная модель была подвижной, зависимой прежде всего от идеологических установок автора и материала устной традиции, бытовавшей в том регионе, о котором он писал.

Для расширения наших представлений о содержании понятия «ктисис» у римских авторов есть смысл обратиться к сочинению родоначальника латинской прозы Марка Порция Катона, поскольку его роль в становлении римского историописания сопоставима с ролью Фабия Пиктора: один начал римскую историографию на греческом языке, другой переложил ее на родной язык. Содержание сочинения Катона *Origines* определяется как генеалогии городов, которые, как мы уже видели, включали не только персональную историю непосредственных основателей, но и рассказы об их предках. А как обстоит дело с потомками основателей городов? Является ли судьба их потомства частью легендарной истории основания города? Применительно к Риму на этот вопрос можно ответить утвердительно. Ведь город без населения не имеет будущего. Решение этой проблемы взял на себя Ромул, организовав похищение сабинских девушек, тем самым положив начало римскому народу, который мыслился потомством героя-основателя [Сидорович 2019, с. 299–308]. Для римлян это было отправной точкой их конституционного развития, завершившегося установлением свободы, олицетворением которой стала *res publica* как особое состояние государства.

Началом любого государства, по утверждению Полибия (6.47.1), являются обычаи и законы. Эту же идею он применяет и к Риму, к исследованию конституции которого приступает в шестой книге своего сочинения¹⁰. Поэтому с большой долей вероятности можно утверждать, что описанию римской конституции в сочине-

⁹ Cato fr. 13 P. См. также: [Ogilvie 1965, p. 34].

¹⁰ Polyb. 6.3.4: «...требуется необыкновенное внимание и тщательность изыскания того, кто захотел бы представить себе отличительные черты римского государства» (пер. Ф. Мищенко).

нии Полибия предшествовала утраченная «Археология», которая должна была показать конституционные изменения в Риме, приведшие к установлению смешанной конституции как наилучшей формы правления. Отдельные замечания, уцелевшие от этого экскурса, позволяют присоединиться к существующему в науке мнению, что «Археология» заканчивалась 450 г. до н. э. [Brink 1954, pp. 113–114; Walbank 1990, p. 148]. Взгляды Полибия на римскую конституцию нашли дальнейшее развитие в трактате Цицерона «О государстве». При всем своеобразии взглядов Цицерона¹¹ римлянин, проследившая путь развития своего государства, также заканчивает историческую часть повествования 450 г. до н. э. Конечно, можно объяснить совпадение этих дат в сочинениях обоих авторов зависимостью Цицерона от Полибия как своего источника [Brink 1954; Walbank 1990, p. 114]. Однако уже в начале исторического экскурса Цицерон (*De rep.* 2.1–3) ссылается на авторитет Катона, подчеркивая тем самым, что при описании римских дел он предпочитает осведомленность соотечественников отвлеченным рассуждениям греков. Значит, 450 г. до н. э. был для Цицерона рубежом в длительном процессе становления Римского государства и его институтов и воспринимался им как завершение основания города с его последующим конституционным развитием. Такое же понимание «ктисис» присутствовало и у Катона, которого изучал Цицерон, а следовательно, оно вело свое начало от Фабия Пиктора, историографической модели которого следовал Катон. Таким образом, подобное содержание понятия «ктисис» (и здесь следует подчеркнуть, что оно в целом совпадало у римских историков с представлениями греческих авторов) позволяет нам присоединиться к точке зрения Д. Тимпе, что автор, работавший в подобном жанре, акт основания города дополнял рассказом о следовавших за ним событиях [Timpe 1972, S. 932–940].

Сторонники ограничения ктисис исключительно основанием города обращаются за поддержкой к сочинению Дионисия Галикарнасского, для которого писавший по-гречески Фабий Пиктор был основным источником информации о древнейшем периоде римской истории (*Dionys.* 1.6.2). Главным аргументом становится понимание ктисис самим Дионисием, который ограничивал его применительно к Риму основанием города Ромулом, отделяя тем самым основание города от следовавших за ним событий (*Dionys.* 1.5.2). В таком случае следует задать вопрос: имел ли ктисис то же самое значение и для Фабия Пиктора?

¹¹ Об особенностях взглядов Цицерона на развитие римской конституции см.: [Сидорович 1996, с. 49].

Дионисий не только перечисляет свои источники, но и кратко характеризует их, отмечая главным образом недостатки, свойственные сочинениям его предшественников. Сочинения греков были отмечены небрежностью в отборе материала, и потому они отличались краткостью изложения. Точно также выглядели и сочинения писавших по-гречески римлян, среди которых Дионисий (1.6.1–2) называет Квинта Фабия и Луция Цинция. Каждый из них (но для нас важен только Фабий) коснулся лишь в общем тех событий, которые случились после основания Рима. Как бы ни интерпретировать подобное замечание Дионисия [Northwood 2007, р. 103], ясно, что его строгость по отношению к Фабиям (и другим) объясняется стремлением превзойти предшественников и внушить читателям убеждение, что ему удалось изложить древнейшую историю Рима не только лучше греков, но и лучше самих римлян. Но, как мы видели, именно на время после основания Рима и до децемвирата приходится наибольшее число фрагментов, происходящих из сочинения Фабия, и они отражают отнюдь не поверхностное для его времени знакомство римского автора с этим периодом истории своего города. Поможет ли это разобраться в том, как понимал ктисис Фабий Пиктор? Вернемся к Дионисию. Он утверждает, что до его времени о римлянах не появилось ни одного исторического сочинения на греческом языке, за исключением кратких рассказов о самых главных событиях. Это замечание относится и к грекоязычному сочинению Фабия Пиктора, которого Дионисий (1.5.4, 6.1–2) помещает в компанию писавших о Риме греков. Подобно греческим историкам, Фабий записал то, что смог собрать или услышать о первых веках существования Рима, т. е. его сочинение больше тяготеет к образцам хорографических сочинений, разновидностью которых были истории об основании городов, сопровождавшиеся описанием сопутствующих этому событий. Далее из текста Дионисия (1.5.3) выясняется, что об основании городов можно узнать также из исторических сочинений, в которых подобный сюжет был лишь частью разветвленного повествования. Именно такое сочинение написал сам Дионисий, и потому ктисис имел в нем жесткие временные границы и занимал небольшое место в сравнении с описанием последующих событий вплоть до I Пунической войны. Итак, мы можем говорить о том, что содержание понятия ктисис у Фабия и Дионисия не совпадало. Для Фабия основание Рима подразумевало включение легенд, сложившихся вокруг этого события как предшествовавших основанию города, так и следовавших за ним вплоть до начала Республики. Различие между двумя историками можно увидеть и в дальнейшем. Хорографическое повествование Фабия не предполагало анналистическо-

го изложения событий [Сидорович 2005, с. 108–109], чего нельзя сказать о сочинении Дионисия: историю республики, начиная с ее первых шагов, Дионисий излагает, строго следуя анналистическому канону повествования, которому следовали при описании истории Рима авторы I в. до н. э., особенно Валерий Анциат и другие, сочинения которых Дионисий (1.7.3) отождествляет с эллинскими хронографиями¹². Очевидно, отдав должное столь популярной у греков теме основания городов, Дионисий, работая над историей Рима, следовал все же окончательно сложившемуся у римлян к его времени анналистическому канону изложения.

Литература

- Сидорович 1996 – *Сидорович О.В.* Теория смешанной конституции и развитие государственных институтов в раннереспубликанском Риме // Древнее право – *Ius antiquum*. 1996. № 1. С. 47–52.
- Сидорович 2005 – *Сидорович О.В.* Анналисты и антиквары: римская историография конца III – I в. до н. э. М.: РГГУ, 2005. 289 с.

¹² Приводимый Дионисием перечень римских авторов, сочинения которых он сравнивает с эллинскими хронографиями, начинается с Порция Катона. За ним следует Фабий Максим, который иногда отождествляется с Фабием Пиктором (*Дионисий Галикарнасский*. Римские древности. Т. 1: Пер. с древнегреч. / Отв. ред. И.Л. Маяк. М.: Рубежи 21, 2005. С. 16, примеч. 14). Подобное отождествление сомнительно, поскольку Дионисий упоминает Фабия Максима в ряду латиноязычных римских авторов, череда которых справедливо начинается с Порция Катона. Для сравнения следует обратить внимание на перечень римских грекоязычных авторов, которым Дионисий (1.6.2) дополняет ряд греческих историков, писавших о Риме, и который начинается с имени Квинта Фабия. Преномен и номен этого автора совпадают с именем первого римского историка – Квинта Фабия Пиктора. Что касается Фабия Максима, то под этим именем следует понимать родственника и современника историка Фабия – Квинта Фабия Максима Веррукоза – диктатора 217 г. до н. э. Фабий Максим был понтификом и главой коллегии авгуров и, возможно, написал сочинение по религиозным вопросам. О большом внимании Фабия Максима Веррукоза к вопросам римской религии см.: [Frier 1999, p. 283]. Авторство одной из работ по понтификальному праву приписывается еще одному представителю рода Фобией – Квинту Фабию Максиму Сервилиану, консулу 142 г. до н. э. [Duck 2004, p. 126, note 27]. Еще один возможный автор латиноязычного сочинения – Нумерий Фабий Пиктор – родственник первого римского историка. О нем речь шла выше.

- Сидорович 2019 – *Сидорович О.В.* Семейные и брачные узы в легенде об основании Рима // Диалог со временем. 2019. № 67. С. 299–308.
- Brink 1954 – *Brink C.O.* The Construction of the 6th Book of Polybius // *Classical Quarterly*. 1954. Vol. 48. P. 32–40.
- Dyck 2004 – *Dyck A.R.* A Commentary on Cicero, *De Legibus*. Ann Arbor, 2004. 236 p.
- Frier 1999 – *Frier B.W.* *Libri Annales Pontificum Maximorum*. The Origins of the Annalistic Tradition. Ann Arbor, 1999. 345 p.
- Gabba 1966 – *Gabba E.* Considerazioni sulla tradizione litterari sulle origini della Repubblica // *Entretiens sur l'antiquite classique*. Geneve, 1966. Vol. 13. P. 45–58.
- Galinsky 1969 – *Galinsky G.K.* *Aeneas, Sicily, and Rome*. Princeton, 1969. 278 p.
- Gruen 1992 – *Gruen E.S.* *Culture and National Identity in Republican Rome*. N.Y., 1992. 271 p.
- Momigliano 1990 – *Momigliano A.* *The Classical Foundations of Modern Historiography*. Berkeley, 1990. XIV + 162 p.
- Northwood 2007 – *Northwood S.* Quintus Fabius Pictor. Was He an Annalist? // *Corolla Cosmo Rodewald* / Ed. by N. Sekunda. Gdansk, 2007. P. 97–114.
- Ogilvie 1965 – *Ogilvie R.M.* *A Commentary on Livy Books 1–5*. Oxford, 1965. XIII + 774 p.
- Timpe 1972 – *Timpe D.* Fabius Pictor und die Anfänge der römischen Historiographie // *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt*. 1972. Bd. 1.2. P. 928–969.
- Walbank 1990 – *Walbank F.W.* *Polybius*. L., 1990. 201 p.

References

- Brink, C.O. (1954), “The Construction of the 6th Book of Polybius”, *Classical Quarterly*, vol. 48, pp. 32–40.
- Dyck, A.R. (2004), *A Commentary on Cicero, De Legibus*, Ann Arbor, Michigan, USA.
- Frier, B.W. (1999), *Libri Annales Pontificum Maximorum: The Origins of the Annalistic Tradition*, Ann Arbor, Michigan, USA.
- Gabba, E. (1966), “Considerazioni sulla tradizione litterari sulle origini della Repubblica”, *Entretiens sur l'antiquite classique*, vol. 13, pp. 45–58.
- Galinsky, G.K. (1969), *Aeneas, Sicily, and Rome*, Princeton, USA.
- Gruen, E.S. (1992), *Culture and National Identity in Republican Rome*, New York, USA.
- Momigliano, A. (1990), *The Classical Foundations of Modern Historiography*, Berkeley University Press, California, USA.
- Northwood, S. (2007), “Quintus Fabius Pictor. Was He an Annalist?”, in Sekunda, N. (ed.), *Corolla Cosmo Rodewald*, Gdansk, Poland, pp. 97–114.
- Ogilvie, R.M. (1965), *A Commentary on Livy Books 1–5*, Oxford, Oxford University Press, USA.
- Sidorovich, O.V. (1996), “The Theory of Mixed Constitution and the Development of State Institutions in the Age of Early Republic”, *Drevnee parvo Ius antiquum*, no. 1, pp. 47–52.

- Sidorovich, O.V. (2005), *Annalisti i antiquari: rimskaya istoriografiya kontza 3–1 v. do n. e.* [Annalists and Antiquarians: Roman Historiography by the End of the 3rd and During the 1st century B.C.], RGGU, Moscow, Russia.
- Sidorovich, O.V. (2019), *Semeinie i brachnie uzy v legende ob osnovanii Rima* [Marriage and Family Bonding in the Roman Foundation Tale], *Dialog so vremenem, Almanac intellectualnoi istorii*, no. 67, pp. 299–308.
- Timpe, D. (1972) “Fabius Pictor und die Anfänge der römischen Historiographie”, *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt*, bd. 1.2, pp. 928–969.
- Walbank, F.W. (1990), *Polybius*, London, UK.

Информация об авторе

Ольга В. Сидорович, доктор исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, varro52@mail.ru

Information about the author

Olga V. Sidorovich, Dr. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; varro52@mail.ru

Викторианский роман как жанр: к постановке проблемы

Екатерина И. Самородницкая

*Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ,
Москва, Россия, samorodnitskaya-ei@ranepa.ru*

Аннотация. В статье рассматривается проблема викторианского романа в историческом, историко-культурном и жанровом аспектах. В исследовательской литературе не существует единой точки зрения на данное явление: одни исследователи пользуются термином в хронологическом смысле (викторианская литература относится к эпохе правления королевы Виктории [1837–1901]); другие синонимически употребляют понятия «викторианский» и «реалистический»; третьи пытаются выявить специфику явления через внелитературные факторы (отношение к социальной проблематике, философский контекст и пр.). Подобные подходы, при всей их обоснованности, не проясняют природу викторианского романа как целого. Автор статьи выдвигает гипотезу о том, что викторианский роман представляет собой жанровую разновидность классического романа XIX в., и в качестве его отличительных черт можно выделить следующие: внимание сосредоточено на действии (фабуле), а не на персонаже; социальная проблематика оказывается в тени внимания к действию; наличие брачного сюжета и счастливой развязки. Вышеперечисленные характеристики не являются исчерпывающими, но позволяют наметить дальнейшие перспективы исследования викторианского романа как жанра. Выявить и сформулировать жанровое своеобразие викторианского романа важно и в аспекте изучения его русской рецепции, ибо в противном случае подобное компаративное исследование не будет иметь специфики.

Ключевые слова: английская литература, викторианский роман, жанр, реализм, поэтика романа

Для цитирования: Самородницкая Е.И. Викторианский роман как жанр: к постановке проблемы // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2021. № 10, ч. 2. С. 173–186. DOI: 10.28995/2686-7249-2021-10-173-186

The Victorian novel as a genre. An issue statement

Ekaterina I. Samorodnitskaya

*The Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Moscow, Russia, 119571;
samorodnitskaya-ei@ranepa.ru*

Abstract. The article deals with the issue of the Victorian novel in the historical, cultural and genre aspects. There is no single point of view on that phenomenon in the academic literature: some scholars use the term in a chronological sense (Victorian literature referring to the era of the reign of Queen Victoria [1837–1901]); others synonymously use the concepts of “Victorian” and “realistic”; some try to identify the specifics of the phenomenon through non-literary factors (attitude to social issues, philosophical context, etc.). Such approaches, for all their validity, do not clarify the nature of the Victorian novel as a whole. The author of the article hypothesizes that the Victorian novel is a sub-genre of the classic 19th century novel, and the following can be distinguished as its distinctive features: attention is focused on the action (plot), and not on the character; social issues are subordinate to the action; the presence of a marriage plot and a happy ending. The above characteristics being not comprehensive, allow outlining further prospects for the study of the Victorian novel as a genre. It is also important to identify and formulate the genre originality of the Victorian novel in the aspect of studying its Russian reception, because otherwise such a comparative study will not have specifics.

Keywords: English literature, Victorian novel, genre, realism, poetics of a novel

For citation: Samorodnitskaya, E.I., (2021), “The Victorian novel as a genre. An issue statement”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 10, part 2, pp. 173–186, DOI: 10.28995/2686-7249-2021-10-173-186

Викторианский роман, одно из крупнейших явлений прозы XIX в., трудно назвать малоизученным, библиография посвященных ему работ поистине огромна. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что точного, специфического определения викторианского романа не существует и что исследователи склонны трактовать на первый взгляд понятное явление весьма разнообразно.

Самая очевидная трактовка – *хронологическая*: викторианской принято считать английскую литературу времен правления ко-

ролевы Виктории (1837–1901). Л. Джеймс в своей монографии “The Victorian Novel” (2007) говорит о викторианском романе как об удобном общепринятом понятии, уточняя, что термин не содержательный, а исключительно хронологический [James 2007, p. 1]. Такая трактовка встречается в работах самых разных эпох и исследовательских школ: в отечественном литературоведении как в советское время в трудах В.В. Ивашевой [Ивашева 1974] и Е.Ю. Гениевой [Гениева 1991, с. 327–324], так и в современной монографии о реалистическом романе [Вайсман и др. 2020, с. 5–36]. Отметим, что в отечественном литературоведении мы практически не обнаружим понятия «викторианский роман» почти на всем протяжении советской эпохи. По-видимому, в самом слове «викторианский» слышалась идея роялистской лояльности; и конечно же, оно никак не помогало описать английский роман XIX в. как анализирующий и критикующий действительность. Упоминания о «викторианском» романе и писателях-викторианцах если и встречались, но, как правило, либо в критическом ключе [Кондратьев 1955, с. 3], либо просто в ходе перечисления, мельком [Аникин, Михальская 1975, с. 257–318, 324–340; Аникин 1986; Клименко 1971].

Впрочем, и в англоязычном литературоведении существует достаточное количество исследователей, пользующихся термином «викторианский роман» исключительно в хронологическом смысле [Quiller-Coach 1927; Leavis 1948; Кеттл 1966; Williams 1974; Brantlinger, Thesing 2005; и др.], вне зависимости от того, как строится предлагаемый ими анализ английской литературы XIX в.: традиционно-описательно, как в книге А. Куиллер-Коуча, с позиций марксистской критики, когда романы Диккенса, Теккерея, Дж. Элиот и других писателей рассматриваются с точки зрения их вклада в фиксацию классовой борьбы и изображение буржуазного общества [Кеттл 1966, с. 105–219] (нельзя не отметить очевидную типологическую близость подобных работ к классическим отечественным исследованиям советского периода и оценку английского XIX в. с позиций критического реализма) или максимально энциклопедически широко, как в фундаментальном исследовании “A Companion to the Victorian Novel” (2005) под редакцией П. Брантлингера и У. Тизинга [Brantlinger, Thesing 2005], в котором собраны наиболее значимые контексты викторианской эпохи, проанализированы репрезентативные жанровые разновидности романа (ньюгейтский, исторический, готический, индустриальный роман, роман воспитания и пр.), а также рассмотрена критическая рецепция викторианской прозы. Однако и в последнем случае не предложено никакой внятной дефиниции викторианского романа;

по-видимому, авторы понимают его, во-первых, хронологически; во-вторых, как совокупность определенных жанров и контекстов.

Целый ряд ученых, признавая расплывчатость понятия «викторианский роман», предпочитают говорить *об английском реалистическом романе XIX в.* Так, И. Уильямс, автор монографии “The Realist Novel in England: a Study in Development” (1974), пользуется определением «викторианская литература», но отмечает, что коль скоро это определение описывает период в истории литературы, включающий в себя и поздний романтизм, и модернизм, оно не может быть работающим теоретическим инструментом [Williams 1974, p. IX–X]. Соответственно, понятие «реалистический» видится исследователю более адекватным, когда речь идет о «средне-викторианском» (mid-Victorian) романе. Представляется интересной (любопытной / продуктивной) и его идея о принципиальной дифференциации английского и французского романов середины XIX в. исходя из их отношения к романтическому наследию: если французский реалистический роман возникает в полемике с романтическим идеализмом, то «средне-викторианский» роман словно не видит этой эволюции и полемики и стремится к примирению противоположностей. Во-первых, Уильямс отказывается от термина «викторианский» роман, однако он предлагает важнейшую рабочую гипотезу, объясняющую специфику викторианского романного сюжета на основе его генезиса. Во-вторых, фиксируя существовавшее в сознании современников противопоставление Диккенса и Теккерея как идеалиста, верящего в примирение противоположностей, и сатирика и критика действительности, а также представление о Теккерее как о более интеллектуальном писателе, Уильямс поначалу как будто недоговаривает: считая обоих писателей реалистами и (хронологически) викторианцами, он не останавливается на их общих чертах. Однако в главе о Дж. Элиот исследователь отмечает, что писательница успешно соединила в своем творчестве основные принципы поэтики Диккенса и Теккерея “with amore detached intellectual view point than either” [Williams 1974, p. 174]. Стало быть, напрашивается вывод о том, что специфика викторианского романа как явления существует, и в качестве типично викторианского можно рассматривать именно художественный метод Дж. Элиот.

Аналогичным образом и монография П.К. Гаррета “The Victorian Multiplot Novel: Studies in Dialogical Form” (1980) [Garrett 1980], посвященная принципам повествования и системе точек зрения в романах Ч. Диккенса, У. Теккерея, Дж. Элиот и Э. Троллопа, представляет собой исследование английского реалистического романа середины XIX в., вновь не проясняющее понятие литературного

викторианства. Понятие «викторианский реализм» используется и в исследовании Дж. Бити “Misreading ‘Jane Eyre’”: A Postformalist Paradigm” (1996); точнее, «викторианский» и реалистический выступают как синонимы. Говоря о романе воспитания, написанном от первого лица, автор отмечает такую его особенность, как отражение перехода от романтического эгоцентризма к викторианскому соционцентризму [Beaty 1996, p. 47–48]: соционцентризм и типизация не являются исключительной чертой викторианского романа, но скорее романа реалистического. Впрочем, понятие «реалистический» Бити употребляет аккуратно, относя рассматриваемый роман Ш. Бронте скорее к некоей промежуточной стадии «романтического реализма» [Beaty 1996, p. 222].

Не претендуя на полноту библиографического обзора, отметим, что анализ викторианского романа как реалистического видится нам вполне оправданным, но при этом резко сужающим специфику явления, причем сужающим не только до произведений первого ряда, но даже и первый ряд оказывается представленным в сильно усеченном виде. Так, Ф.Р. Ливис, рассуждая о великих английских романистах XIX в., сужает их перечень до Дж. Элиот, Г. Джеймса и Дж. Конрада [Leavis 1948, p. 1]. По-видимому, критерием отбора в данном случае является принадлежность писателя к реалистическому направлению, причем к реализму, что называется «высшей пробы»: так, завершая главу о Дж. Элиот, Ливис сопоставляет ее творчество с толстовским, и это явно наивысшая оценка романа [Leavis 1948, p. 125]. Трудно согласиться с тем, что традиция английского романа рассматривается исключительно на материале реалистических текстов. На мой взгляд, богатство и специфика викторианского романа как раз и состоит в разнообразии жанровых разновидностей; но можно понять и стремление автора сузить поле для исследования. Более продуктивной, если двигаться в данном направлении (анализа викторианского романа в аспекте реализма), нам представляется позиция К. Понд, не приравнивающая викторианский роман к реалистическому и не расставляющая приоритеты в отношении большей или меньшей значимости различных разновидностей викторианского романа, но предлагающая анализ «Миддлмарч» в эпистемологическом ключе [Pond 2015, p. 471–481].

Еще один способ рассматривать викторианский роман сводится к *тематическому или идеологическому подходу*: это анализ либо проблематики романов (таких исследований довольно много), либо различных внелитературных контекстов – философских, социальных и т. п. Дж. Ливайн, исследуя взаимосвязь викторианской прозы и теории Дарвина и отмечая бесспорную значимость

естественных наук для становления реалистической литературы, обращает внимание на отражение эволюционной теории даже на уровне структуры текста: отстраненное повествование от третьего лица обусловлено в том числе и научным подходом к анализу действительности [Levine 1988, p. 14]. Более того, по мнению ученого, теория эволюции, викторианский реализм и антиреволюционная идеология тесно связаны между собой [Levine 1988, p. 132]: или научный подход, или идеологический роман. Позже Дж.И. Адамс в книге “A History of Victorian Literature” (2009), делая акцент на внелитературных факторах, таких как развитие капитализма и жестокость социальных отношений, а также на социологических аспектах чтения (цена книги и бумаги, целевая аудитория романа) и пр., полагает отличительной чертой викторианского романа брачный сюжет (*marriage plot*), вписанный в реалистическое направление, и возникающее между ними напряжение [Adams 2009]. Подобный подход основан на хронологии и проблематике, а также на социологии чтения; о жанровой специфике явления речь скорее заходит при обсуждении отдельных деталей и нюансов, и общая целостная и системная картина по-прежнему не складывается.

И все же, несмотря на справедливые сомнения и уточнения исследователей, наше сознание склонно воспринимать английский роман викторианской эпохи как нечто целостное и имеющее специфику. Что же объединяет такие разные явления, как Диккенс и Теккерей, сестры Бронте и Дж. Элиот, У. Коллинз и М. Брэддон, Э. Треллоуп и Э. Гаскелл и многих других? И стоит ли объяснять «викторианское» через тематику, социальные или иные внелитературные факторы, или все-таки существуют общие для различных жанровых разновидностей романа структурно-типологические характеристики?

В целом ряде исследований предпринимаются попытки анализа викторианского романа *в жанровом аспекте*. В известной мере они носят фрагментарный характер, что, на наш взгляд, не отменяет их теоретической ценности. Стоит упомянуть о книге Д. Сесила “Early Victorian Novelists” (1943), где «ранними» викторианцами считаются все предшественники Дж. Элиот и где выделяются три отличительные черты викторианского романа: во-первых, маркирующим явлением для английского романа служит творчество Дж. Элиот: роман до нее и после – это принципиально разные жанровые разновидности; во-вторых, значимой структурной особенностью доджордж-элиотовского романа ученый считает отсутствие единства – жанрового, повествовательного и стилизового; в-третьих, особенностью «раннего» викторианского романа Сесил считает его «неровность», смесь сильных и слабых сторон: излишняя чувстви-

тельность, склонность к дешевой мелодраме, плоские характеры, уход от психологизма [Cecil 1943, p. 6–9]. Однако, по мнению ученого, все эти слабые стороны дополняются такими чертами писателей-викторианцев, как умение занимательно рассказывать, способность показать максимально широкую панораму современного общества, умение изобразить живые характеры, даже когда они психологически недостоверны (например, Рочестер [Cecil 1943, p. 16]). Таким образом, по мнению Сесила, викторианский роман не стоит рассматривать как серьезную литературу, но некоторые общие жанровые черты в нем просматриваются; важнейшей из них, на наш взгляд, является внимание к сюжету и повествованию, а также специфика конструирования образов персонажей – живых вопреки невниманию к психологизму.

Д.А. Миллер в своей работе “Narrative and its Discontents: Problems of Closure in the Traditional Novel” (1981) не говорит непосредственно о поэтике либо структурных особенностях викторианского романа; однако, сопоставляя творчество Стендаля, Дж. Остен и Дж. Элиот в контексте анализа традиционного, т. е. реалистического романа, исследователь так или иначе обращается и к специфике повествования в английском романе, и, сравнивая Остен и Элиот, в романе викторианском. Структурные особенности романов Миллер рассматривает сквозь призму проблем повествования и финала, констатируя обязательное напряжение между ними. Финал «Миддларч», по мнению ученого, не столько «открытый финал» в его привычном понимании, сколько это традиционный, «полный» финал, завершающий повествование, сам факт которого в то же время ставится под сомнение [Miller 1981, p. 194]. В сущности, Миллер, как и многие другие (Ливис, Сесил), констатирует особое место романов Дж. Элиот в ряду викторианской прозы, фокусируясь прежде всего на проблеме нарратива, а не социально-философских контекстов; для него имеет значение не интеллектуальная сухость писательницы, а уникальная художественная структура. Другой вопрос, можно ли рассматривать подобную структуру как специфическую для викторианской прозы. Однако, как нам кажется, даже если это невозможно, выбивающееся из общей массы произведение не в меньшей степени позволяет нам анализировать специфику явления.

Монография Л. Джеймса “The Victorian Novel” (2007) рассматривает викторианский роман как проблему: хронологическую, ибо 1837–1901 гг. – эпоха, когда роман существенно эволюционирует, а не является некой фиксированной формой; проблему самосознания, ибо английские писатели и читатели интересующего нас периода далеко не сразу стали ощущать себя «викторианцами»;

наконец, проблему жанровую. Однако в последнем случае Джеймс прежде всего обращает внимание на то, что современниками роман зачастую не осознавался как самостоятельное литературное явление и воспринимался как один из способов разговора о действительности [James 2007, p. 3]. Викторианский роман предстает реалистическим романом определенной эпохи, и именно в этом ключе он сопоставляется с романами Флобера и Золя [James 2007, p. 33]. Наконец, разбирая возникновение детектива (вида прозы и персонажа), Джеймс отмечает, что он знаменует собой «уход от моральной проблематики и серьезного отношения к чтению, составлявшие суть викторианского романа» [James 2007, p. 64]. Итак, по мнению Л. Джеймса, викторианский роман – это английский реалистический роман XIX в., специфика которого отчасти обусловлена внелитературными факторами.

В монографии Д. Амигони “Victorian Literature” (2011) принята попытка описания викторианства как литературного канона. Рассматривая в качестве образцовых текстов «Тяжелые времена» и «Лавку древностей», а также «Женщину в белом» и «Миддлмарч», исследователь выделяет в качестве характерных черт викторианского романа реакцию на эпоху резких перемен и в целом представление о литературе как о «сырье», необходимом для грядущих общественных изменений; при этом он, как и многие другие, отмечает проблему определения понятия [Amigoni 2011, p. 33]. Подчеркивая, что роман стал центральной формой викторианской словесной культуры, автор рассматривает его эволюцию от ранних произведений Диккенса, выросших, в частности, из развлекательной литературы и публицистики, а также из сентиментального семейного романа, к знаменитым романам Коллинза и Дж. Элиот, к сенсационному и реалистическому романам, между которыми очевидны существенные эстетические различия и которые сосредоточены на «качественно различных, но в обоих случаях медицински и философски обоснованных картинах эмоциональной жизни» [Amigoni 2011, p. 71]. При всей фундаментальности монографии Амигони, тщательности анализа текста и обзоров литературы проблема выявления специфики викторианского романа остается открытой. Раздел “Forming a Victorian Canon” в книге есть; описания специфики викторианского канона (или романа) нет. Нам представляется, что следующим логическим продолжением наблюдений ученого должно стать выявление типологического викторианского сюжета, которое позволило бы говорить об особенностях викторианского романа как целого.

Наконец, Х. Шор в статье “Fiction” (2014) [Shor 2014, p. 349–363] предлагает выявлять специфику в сравнении с романом пред-

шествующей эпохи, 1820–1830 гг., для которого характерна более жесткая социальная локализация: роман высшего света, криминальный или ньюгейтский роман, социальный, индустриальный, семейный роман и т. п. На подобном фоне викторианский роман представляется движением от строго разграниченных жанровых разновидностей романа к романам Диккенса или Дж. Элиот, которые трудно вписать в какой-либо жесткий канон. По мнению Х. Шор, викторианский роман – это определенная повествовательная структура и особый подход к материалу. Правда, остается непроясненным, как в подобную концепцию вписывается сенсационный роман (У. Коллинз, Ч. Рид и пр.). Автор не считает его викторианским? А викторианским романом считает только шедевры? На наш взгляд, в этом и заключается проблема определения явления: не будучи только чем-то обусловленным лишь хронологически, викторианский роман обладает определенными структурными особенностями, характерными для литературной продукции разного качества.

Таким образом, анализ викторианского романа как структуры сводится к необходимости выявления специфического викторианского (традиционно реалистического) нарратива, к констатации отсутствия жанрового единства и к пониманию того, что развлекательные жанры (такие, как сенсационный и криминальный роман) тоже необходимо рассматривать как часть целого (викторианского романа); последнее пока, как мы видим, остается только намеченной перспективой. Иными словами, по мнению большинства исследователей, викторианский роман – это не жанр в классическом смысле слова.

И тем не менее очевидно, что существует некий образ викторианского романа: не случайно, употребляя это словосочетание, все так или иначе понимают, о чем идет речь. Если допустить, что *викторианский роман представляет собой жанровую разновидность классического романа XIX в.*, то в качестве его отличительных черт можно выделить следующие.

1. Основное внимание сосредоточено на действии (фабуле), а не на персонаже. Это не значит, что персонажи примитивные или типологически и психологически неправдоподобные; широкое распространение в рассматриваемую эпоху романа воспитания (не только в творчестве Диккенса, Ш. Бронте или Дж. Элиот), сфокусированного на становлении личности, опровергает подобную трактовку. Скорее это означает, что автору важнее рассказать, а читателю, соответственно, прочитать историю, состоящую из последовательности событий. Возможно, в этом кроется одно из ключевых отличий английского романа XIX в. от его французского

и русского аналогов. Однако в отличие от ряда исследователей, которые на этом основании ставят английский роман на второе место по сравнению с упомянутыми выше разновидностями жанра, мы полагаем, что это структурно значимая черта викторианского романа, в частности, позволяющая отказаться от деления на «высокую» и «низкую» словесность (в целом не вполне характерного для эпохи модерности) и анализировать их в рамках единого литературного процесса.

2. Социальная проблематика, критика действительности оказываются в тени внимания к действию. Опять-таки, это не означает, что социальная проблематика не важна; это означает, что рассказываемая история важнее. Странно упрекать в пренебрежении социальной проблематикой Диккенса или У. Коллинза, чьи романы «Муж и жена» (1870) или «Закон и женщина» (1875) посвящены проблемам женского неравноправия, в том числе в браке. Пример Коллинза представляется нам показательным, ибо это писатель, воспринимавшийся публикой как автор сенсационных романов; однако в занимательно рассказанную историю Коллинз вплетает острые социальные вопросы.

3. Marriage plot и счастливая развязка. Хотя принято считать, что интерес к «анатомии брака» в наибольшей степени характерен для женской прозы [Thomson 1963, p. 147], викторианский роман подобную концепцию не подтверждает. В массе своей романы ранней (в периодизации Сесила) или ранней и средней викторианской эпохи описывают историю пути к счастью и к свадьбе. И дело не только в том, что современники ждали от романа успешного преодоления катастрофы [Beaty 1996, p. 159]; дело, как кажется, в том, что в нестабильную эпоху роман предлагает вариант позитивного развития событий¹. В этом отношении показательной представляется идея А. Берман о том, что оригинальная поэтика как русского классического романа, так и Достоевского начинается с преодоления marriage plot [Berman 2021, p. 53]. Однако нам кажется, что дело не в выстраивании литературной иерархии, а в различном понимании актуальных для романа задач. Задача викторианского романа – воспитательно-развлекательная (и не идеологическая): рассказывая читателю занимательную историю, автор подсказывает ему пути решения различных «трудных» задач. Развивая процитированную выше мысль Дж. Ливайна о соотношении викторианского романа с теорией эволюции, отметим, роман предлагает модель выживания. Счастливый брак в этом смысле воспринимается как часть жизненного успеха.

¹ Подробнее о marriage plot см.: [Hinz 1976, p. 900–913].

Перечисленные нами характеристики, разумеется, не являются исчерпывающими и не могут служить достаточным основанием для утверждения, что викторианский роман – это самостоятельная жанровая разновидность классического романа XIX в. Мы сочли необходимым наметить дальнейшие перспективы исследования, которое, несмотря на многотомную, выборочно проанализированную нами библиографию, далеко от завершения. Вместе с тем выявить и сформулировать жанровое своеобразие викторианского романа важно и в аспекте изучения его зарубежной, в том числе русской рецепции, ибо в противном случае подобное компаративное исследование не будет иметь специфики.

Литература

- Аникин, Михальская 1975 – *Аникин Г.В., Михальская Н.П.* История английской литературы. М.: Высшая школа, 1975. 528 с.
- Аникин 1986 – *Аникин Г.В.* Эстетика Джона Рёскина и английская литература XIX века. М.: Наука, 1986. 319 с.
- Вайсман и др. 2020 – *Вайсман М., Вдовин А., Клигер И., Основат К.* «Реализм» и русская литература XIX в. // Русский реализм XIX века: Общество, знание, повествование. М.: НЛЮ, 2020. С. 5–36.
- Гениева 1991 – *Гениева ЕЮ.* Английская проза 50–60-х годов [XIX в.] // История всемирной литературы: В 8 т. / АН СССР; Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. Т. 7. М.: Наука, 1991. С. 327–334.
- Ивашева 1974 – *Ивашева В.В.* Английский реалистический роман XIX в. в его современном звучании. М.: Худож. лит., 1974. 464 с.
- Кеттл 1966 – *Кеттл А.* Введение в историю английского романа / Пер. с англ. В. Воронина, М. и В. Тарховых; предисл. В. Ивашевой. М.: Прогресс, 1966. 446 с.
- Клименко 1971 – *Клименко Е.И.* Английская литература первой половины XIX века: (Очерк развития). Л.: ЛГУ, 1971. 143 с.
- Кондратьев 1955 – *Кондратьев Ю.М.* Введение // История английской литературы. Т. 2. Вып. 2. М.: АН СССР, 1955. С. 3–35.
- Adams 2009 – *Adams J.E.* A History of Victorian Literature, John Wiley & Sons, Incorporated, 2009. 462 p.
- Amigoni 2011 – *Amigoni D.* Victorian Literature, Edinburgh University Press, 2011. 233 p. (Edinburgh Critical Guides to Literature)
- Beaty 1996 – *Beaty J.* Misreading “Jane Eyre”. A Postfomalist Paradigm. Columbus: Ohio State University Press, 1996. 259 p. (The Theory and Interpretation of Narrative Series)
- Berman 2021 – *Berman A.* Dostoevsky ant the (Missing) Marriage Plot // Dostoevsky at 200. The Novel in Modernity / Ed. by K. Bowers, K. Holland. Toronto, Buffalo, London: University of Toronto Press, 2021. P. 41–60.

- Brantlinger, Thesing 2005 – *A Companion to the Victorian Novel* / Ed. by P. Brantlinger, W. Thesing. John Wiley & Sons, Incorporated, 2005. 528 p.
- Cecil 1943 – *Cecil D.* Early Victorian Novelists. L.: Constable & Co, 1943. 332 p.
- Garrett 1980 – *Garrett P.K.* The Victorian Multiplot Novel. Studies in Dialogical Form. New Haven; L.: Yale University Press, 1980. 227 p.
- Hinz 1976 – *Hinz E.J.* Hierogamy versus Wedlock. Types of Marriage Plots and Their Relationship to Genres of Prose Fiction // PMLA. 1976. Vol. 91, no. 5. P. 900–913.
- James 2007 – *James L.* The Victorian Novel. Blackwell Publishing, 2007. 274 p. (Blackwell Guides to Literature. Series ed. Wordsworth, Jonathan)
- Leavis 1948 – *Leavis F.R.* The Great Tradition. L.: Chatto & Windus, 1948. 266 p.
- Levine 1988 – *Levine G.* Darwin and the Novelists. Patterns of Science in Victorian Fiction. Boston, MA: Harvard University Press, 1988. 319 p.
- Miller 1981 – *Miller D. A.* Narrative and its Discontents. Problems of Closure in the Traditional Novel. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1981. 300 p.
- Pond 2015 – *Pond K.A.* What do we Know? Reconsideration of Victorian Realism and Epistemological Doubt // Literature Compass. 2015. No. 12/9. P. 471–481.
- Quiller-Coach 1927 – *Quiller-Coach A.* Dickens and Other Victorians. Cambridge: Cambridge University Press, 1927. 224 p.
- Shor 2014 – *Shor H.M.* Fiction // A New Companion to Victorian Literature and Culture. New Companion to Victorian Literature and Culture / Ed. by H.F. Tucker. John Wiley & Sons, Incorporated, 2014. P. 349–363.
- Thomson 1963 – *Thomson P.* The Three Georges // Nineteenth-Century Fiction. 1963. Vol. 18, no. 2 (Sept.). P. 137–150.
- Williams 1974 – *Williams I.* The Realist Novel in England. A Study in Development. London: Macmillan, 1974. 221 p.

References

- Adams, J.E. (2009), *A History of Victorian Literature*, John Wiley & Sons, Incorporated.
- Amigoni, D. (2011), *Victorian Literature*, Edinburgh University Press, Edinburgh, UK.
- Anikin, G.V. (1986), *Estetika Dzhona Reskina I angliiskaya literatura XIX veka* [The Aesthetics of John Ruskin and English Literature of the 19th century], Nauka, Moscow, Russia.
- Anikin, G.V. and Mikhal'skaya, N.P. (1975), *Istoriya angliiskoi literatury* [History of English Literature], Khudozhestvennaya literatura, Moscow, Russia.
- Beaty, J. (1996), *Misreading "Jane Eyre". A Postfomalist Paradigm*, Ohio State University Press, Columbus, USA.
- Berman, A. (2021), "Dostoevsky ant the (Missing) Marriage Plot", in Bowers, K. and Holland, K. (ed.), *Dostoevsky at 200. The Novel in Modernity*, University of Toronto Press, Toronto, Buffalo, London, Canada, UK, pp. 41–60.

- Brantlinger, P., and Thesing, W. (ed.), (2005), *A Companion to the Victorian Novel*, John Wiley & Sons, Incorporated.
- Cecil, D. (1943), *Early Victorian Novelists*, Constable & Co, London, UK.
- Garrett, P.K. (1980), *The Victorian Multiplot Novel. Studies in Dialogical Form*, Yale University Press, New Haven, London, UK.
- Genieva, E.Yu. (1991), "English Prose of the 1850–1860s", in *Istoriya vseмирnoi literatury* [History of World Literature], vol. 7, Nauka, Moscow, Russia, pp. 327–334.
- Hinz 1976 – Hinz, E.J. (1976), "Hierogamy versus Wedlock. Types of Marriage Plots and Their Relationship to Genres of Prose Fiction", *PMLA*, vol. 91, no. 5, pp. 900–913.
- Ivasheva, V.V. (1974), *Angliiskii realisticheskii roman XIX v. v ego sovremennom zvuchanii* [English Realistic Novel of the 19th Century in its Modern Context], Khudozhestvennaya literatura, Moscow, Russia.
- James, L. (2007), *The Victorian Novel*, Blackwell Publishing.
- Kettle, A. (1966), *Vvedenie v istoriyu angliiskogoromana* [An Introduction to the English Novel], Progress, Moscow, Russia.
- Klimenko, E.I. (1971), *Angliiskaya literature pervoi poloviny XIX veka (Ocherk razvitiya)* [English Literature of the First Half of the 19th Century (An Essay on Development)], Leningradskii gosudarstvennyi universitet, Leningrad, Russia.
- Kondrat'ev, Yu.M. (1955), "Introduction", in *Istoriya angliiskoi literatury* [History of English Literature], vol. 2, no. 2, AN SSSR, Moscow, Russia, pp. 3–35.
- Leavis, F.R. (1948), *The Great Tradition*, Chatto & Windus, London, UK.
- Levine, G. (1988), *Darwin and the Novelists. Patterns of Science in Victorian Fiction*, Harvard University Press, Boston, USA.
- Miller, D.A. (1981), *Narrative and its Discontents. Problems of Closure in the Traditional Novel*, Princeton University Press, Princeton, New Jersey, USA.
- Pond, K.A. (2015), "What do we Know? Reconsideration of Victorian Realism and Epistemological Doubt", *Literature Compass*, no. 12/9, pp. 471–481.
- Quiller-Coch, A. (1927), *Dickens and Other Victorians*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- Shor, H.M. (2014), "Fiction", in Tucker, H.F. (ed.), *A New Companion to Victorian Literature and Culture*, John Wiley & Sons, Incorporated, pp. 349–363.
- Thomson, P. (1963), "The Three Georges", *Nineteenth-Century Fiction*, vol. 18, no. 2, pp. 137–150.
- Vaisman, M., Vdovin, A., Kliger, I. and Ospovat, K. (2020), " 'Realism' and Russian literature of the 19th century", in *Russkii realizm XIX veka. Obshchestvo, znanie, povestvovanie* [Russian realism of the 19th century. Society, knowledge, narration], NLO, Moscow, Russia, pp. 5–36.
- Williams, I. (1974), *The Realist Novel in England. A Study in Development*, Macmillan, London, UK.

Информация об авторе

Екатерина И. Самородницкая, кандидат филологических наук, доцент, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия; Россия, 119571, Москва, пр-т Вернадского, д. 82; samorodnitskaya-ei@ranepa.ru

Information about the author

Ekaterina I. Samorodnitskaya, Cand. of Sci. (Philology), associate professor, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia; bld. 82, Vernadsky Av., Moscow, Russia, 119571; samorodnitskaya-ei@ranepa.ru

Формирование образа викторианского романа в «Вестнике Европы» (1870-е гг.)

Екатерина И. Самородницкая

*Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ,
Москва, Россия, samorodnitskaya-ei@ranepa.ru*

Аннотация. В статье рассматривается формирование образа викторианского романа в журнале «Вестник Европы» 1870-х гг. на материале критических откликов на актуальные публикации. В журнале представлена достаточно репрезентативная картина современной английской литературы, охватывающая как писателей «первого» ряда (Э. Троллоп, Дж. Элиот), так и авторов массовой литературы (У. Коллинз, М. Браддон, Р. Боутон и др.). Отзывы критиков зачастую демонстрируют определенную субъективность (А.-А. Реньяр), но, как правило, для них характерна попытка целостного описания современного романа как явления. Он рассматривается и оценивается с точки зрения соответствия принципам реалистической поэтики и внимания к социальной проблематике. Неудивительно, что предпочтение отдается Э. Троллопу и Дж. Элиот, а «сенсационный» роман вызывает затруднения: критика либо невысоко его ставит из-за сосредоточенности на внешней занимательности (Л.А. Полонский), либо пытается обнаружить в нем достойные черты, такие как интерес к острым социальным вопросам (Н.А. Таль). Автор статьи приходит к выводу о том, что критика замечает сложность и неоднородность викторианского романа (не употребляя этого понятия), однако при его анализе скорее пытается вписать рассматриваемое явление в заранее заданную парадигму, что не может не привести к упрощению.

Ключевые слова: «Вестник Европы», английская литература, викторианский роман, сенсационный роман, Э. Троллоп, Джордж Элиот, У. Коллинз, А.-А. Реньяр, Л.А. Полонский, Н.А. Таль

Для цитирования: Самородницкая Е.И. Формирование образа викторианского романа в «Вестнике Европы» (1870-е гг.) // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2021. № 10, ч. 2. С. 187–198. DOI: 10.28995/2686-7249-2021-10-187-198

The formation of the image of the Victorian novel in the “Vestnik Evropy” (1870s)

Ekaterina I. Samorodnitskaya

*The Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Moscow, Russia;
samorodnitskaya-ei@ranepa.ru*

Abstract. The article examines the formation of the image of the Victorian novel in the journal “Vestnik Evropy” of the 1870s on the basis of critical responses to current publications. The magazine presents a fairly representative picture of modern English literature, covering both the writers of the “first” literary row (A. Trollope, G. Eliot), and the authors of popular fiction (W. Collins, M. Braddon, R. Boughton, etc.). Critical reviews often show a certain subjectivity (A.-A. Renyard), but, as a rule, they are characterized by an attempt to comprehensively describe the modern novel as a phenomenon. It is considered and evaluated from the point of view of compliance with the principles of realistic poetics with attention to social issues. Not surprisingly, the preference is given to A. Trollope and G. Eliot, while the “sensational” novel causes difficulties: critics either put it low because of its focus on external entertainment (L.A. Polonsky), or try to find worthy features in it, such as an interest in acute social issues (N.A. Tal’). The author of the article comes to the conclusion that literary criticism notices the complexity and heterogeneity of the Victorian novel (without using such a notion), but when analyzing it, he rather tries to fit the phenomenon under consideration into a predetermined paradigm, which can not but lead to simplification.

Keywords: “Vestnik Evropy”, English literature, Victorian novel, sensation novel, A. Trollope, George Eliot, W. Collins, A.-A. Renyard, L.A. Polonsky, N.A. Tal’

For citation: Samorodnitskaya, E.I. (2021), “The formation of the image of the Victorian novel in the ‘Vestnik Evropy’ (1870s)”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 10, part 2, pp. 187–198, DOI: 10.28995/2686-7249-2021-10-187-198

Рассматривая проблему русской рецепции викторианского романа, недостаточно обращаться только к произведениям, выходящим отдельными изданиями. Существенная часть актуальной литературной продукции переводилась быстро и печаталась в периодике, прежде всего в журналах. Одним из наиболее показательных нам представляется «Вестник Европы» – журнал, изначально задуманный как проводник европейской культуры в

России. Английская литература занимает в журнале существенное место, второе после традиционно важнейшей французской. При этом английская литература представлена исключительно разнообразно.

Репрезентацию английской литературы в «Вестнике Европы» можно условно разделить на две категории: во-первых, это публикация «источников», т. е. переводов, зачастую сокращенных, а также переводных текстов, в основном биографического характера, посвященных отдельным писателям; во-вторых, это критическая литература¹. Поскольку никаких данных о принципах редакционной политики в отношении зарубежной литературы в опубликованных источниках нам обнаружить не удалось (скажем, К.К. Арсеньев в воспоминаниях о журнале и о Стасюлевиче довольно много говорит о русской литературе в журнале и ни слова – об иностранной)², будем довольствоваться данными библиографическими.

Абсолютным фаворитом «Вестника Европы» можно считать Э. Тrolлопа – более пяти публикаций за десятилетие, не говоря уже об упоминаниях в критике: «Как мы теперь живем» (1875), «Премьер-министр» (1876), «Джон Колдигейт» (1879) и др.³ Тrolлопа переводит и пропагандирует преимущественно Л. Полонский. За Тrolлопом следуют (в количественном отношении) Байрон, Диккенс и Фрэнсис Бернард (Francis Burnand). Переводы из Байрона (известные и узнаваемые вещи – из «Чайльд-Гарольда», «Манфреда» и пр.) публикуются чуть ли не в каждом номере; несколько номеров посвящено биографии Диккенса – так выглядит в журнале английская классика; о более ранней эпохе, до XIX в., речь не идет. Ф. Бернард, чрезвычайно плодовитый и популярный в свое время писатель-юморист, в том числе драматург, в рассматриваемое десятилетие минимум трижды печатается в «Вестнике Европы»: перевод-пересказ журнальных колонок

¹ См. [Чикалова 2017, с. 81–83].

² См.: Арсеньев К.К. Взгляд на прошлое «Вестника Европы» (1866–1908) // Вестник Европы. 1909. № 1. С. 216–232.

³ См.: Полонский Л.А. Очерки английского общества в романах А. Тrolлопа // Вестник Европы. 1870. Кн. 8. С. 613–675; *Он же*. Женские типы в романах А. Тrolлопа // Вестник Европы. 1871. Кн. 8. С. 513–568; *Л. А.-в. (Полонский Л.)*. Как мы живем нынче. Очерки из романа А. Тrolлопа // Вестник Европы. 1875. Кн. 12. С. 726–779; *Он же*. Эпизод из жизни министра: Очерки из романа Тrolлопа // Вестник Европы. 1877. Кн. 6. С. 500–526; Счастливый враг: Очерки из нового романа Тrolлопа: John Caldigate // Вестник Европы. 1879. Т. 6, кн. 12. С. 663–991.

“Happy Thoughts” (1876), «Мое здоровье. Из самонаблюдений Бёрнарда» (1879) и пр.⁴

И хотя бы по одному разу на страницах журнала встречаются переводы, а чаще переводы-пересказы произведений таких авторов, как Б. Дизраэли, к этому времени гораздо более известного как политика, нежели как писателя (роман «Римские происки» [“Lothair”], 1870)⁵; У. Коллинз (перевод-пересказ романа «Муж и жена» [“Manand Wife”], 1870, о котором мы еще скажем ниже)⁶; Мэри Брэддон (роман “Takenat the Flood” [1874])⁷; Рода Броутон (отрывок из романа “Goodbye, sweetheart”, 1875)⁸; и, наконец, сокращенный перевод романа Джордж Элиот «Даниэль Деронда» (1876)⁹.

Картина актуальной английской литературы выглядит весьма пестрой; другой вопрос, есть ли в ней логика. В журнале представлены как классика, так и современная словесность, причем последняя как в виде «вершин», литературы первого ряда, так и в виде массовой литературы (прежде всего заметно присутствие в журнале «сенсационных» романов Коллинза, Брэддон и Броутон)¹⁰. Если обратиться к критической литературе, которая по идее отражает позицию редакции, то это статьи Л.А. Полонского «Очерки английского общества в романах А. Треллопа» (1870), «Женские типы в романах А. Треллопа» (1871) и «Современный роман в Англии.

⁴ Современный английский юморист: Happy Thoughts, by Burnard / Пер. Л.П. // Вестник Европы. 1876. Т. 6, кн. 12. С. 743–773; Мое здоровье: Из самонаблюдений Бёрнарда / Пер. Л.П. // Вестник Европы. 1879. Кн. 2. С. 457–504.

⁵ Иезуиты в современной Англии. “Lothair”, by B. Disraeli / Пер. Л.П. // Вестник Европы. 1870. Кн. 5. С. 319–360.

⁶ *Таль Н.А.* Шотландский брак и английская молодежь. Manand Wife, by Wilkie Collins // Вестник Европы. 1871. Кн. 1. С. 256–311.

⁷ [Брэддон М.] Куй железо, пока горячо: Новый английский роман. “Taken at the Flood”, by the author of “Lady Auldlay’s Secret”, “Strangers and Pilgrims” etc. / Пер. А.Э. // Вестник Европы. 1874. Кн. 1. С. 331–378; Кн. 2. С. 768–801; Кн. 3. С. 281–294; Кн. 5. С. 251–313; Кн. 6. С. 721–770; Кн. 7. С. 305–370; Кн. 8. С. 707–768; Кн. 9. С. 294–368.

⁸ Сама себе враг: Психологический очерк из романа Роды Броутон “Goodbye, sweetheart” / Пер. О. П-ской // Вестник Европы. 1875. Кн. 8. С. 476–526.

⁹ Сцены и характеры из нового романа Эллиота “Daniel Deronda” / Пер. О. П-ской // Вестник Европы. 1877. Кн. 5. С. 117–199.

¹⁰ О жанре «сенсационного» романа подробнее см.: [Brantlinger 1982, p. 1–28; Rykett 2011].

Литературные очерки» Л.А. Полонского (1875)¹¹; статья Н.А. Таль (псевдоним Н.И. Утиной-Корсини) «Шотландский брак и английская молодежь» (1871), в которой, помимо уже упомянутого перевода-пересказа романа Коллинза «Муж и жена», содержится и критическая оценка поэтики писателя и жанра «сенсационного» романа; и серия статей (более десяти) под общим заглавием «Наука и литература в современной Англии» А. Реньяра, лондонского корреспондента «Вестника Европы», состоящих преимущественно из обзоров английских книжных новинок и печатающихся на протяжении нескольких лет, из номера в номер¹².

Лондонские письма – живая книжная летопись, где речь идет не только и не столько о литературной жизни, сколько о книгах исторических, о политике и пр.; в целом ряде писем о художественной литературе нет ни слова. Реньяр выступает скорее в роли хроникера литературного процесса, откликается на новинки, не скрывает собственных эстетических предпочтений (к его бесспорным литературным фаворитам относится А.-Ч. Суинберн) и о Чарльзе Риде пишет с гораздо большей симпатией («Нельзя отрицать его добрых намерений, но все, что можно сказать в заключение и ему в похвалу, это – что у него гораздо больше сердца, нежели ума»¹³), нежели о Дж. Элиот. Последнему роману писательницы, перевод которого будет опубликован в журнале в том же 1877 г., дается весьма суровая оценка:

Половина книги посвящена отвлеченным тирадам <...>. Ее произведение перестает быть романом, но становится трактатом о нравственности: мы имеем дело не с людьми, но с рассеченными трупами¹⁴.

Приговор английской прессы об этом романе был далеко не такой лестный, как о «Миддльмарче». ...Следует отдать справедливость некоторым качествам автора: чистоте и энергии ее слога, силе, с которой она умеет изображать иные характеры, наконец ее

¹¹ Полонский Л.А. Современный роман в Англии: Литературные очерки // Вестник Европы. 1875. Т. 6, кн. 11. С. 245–282.

¹² Реньяр А. Наука и литература в современной Англии. Письма 1–11 // Вестник Европы. 1875. Т. 51, кн. 1; Т. 54, кн. 7; 1876. Т. 57, кн. 1; Т. 60, кн. 7; 1877. Т. 63, кн. 2; Т. 66, кн. 7; 1878. Т. 70, кн. 3; Т. 72, кн. 7; 1879. Т. 75, кн. 1; Т. 78, кн. 7; 1880. Т. 81, кн. 1; Т. 84, кн. 7.

¹³ Реньяр А. Наука и литература в современной Англии. Письмо 7 // Вестник Европы. 1878. Т. 2. Кн. 3. С. 261.

¹⁴ Реньяр А. Наука и литература в современной Англии. Письмо 5 // Вестник Европы. 1877. Т. 1. Кн. 2. С. 771.

добросовестности. Но только следует избегать сравнений вполне неуместных, а потому досадных. У Джордж Элиот нет ни реализма Бальзака, Флобера или Золя, ни силы воображения Тургенева, ни жанра и страсти Диккенса или Ричардсона: она не умеет завязать и развязать интригу, а что касается Жорж Занд, с которой ее слишком часто сравнивали, то общего у них – только первая половина имени¹⁵.

Также строг критик и по отношению к Троллопу, зато чрезвычайно комплиментарно отзываясь о Ш. Бронте: «“Джен Эйр” будет читаться потомками, когда Дж. Элиот давно забудут»¹⁶. Если к этому прибавить предпочтения Реньяра в лирике (помимо Суинберна это Байрон и Шелли), то складывается впечатление, что он скорее поклонник романтического направления в литературе, и даже не романтического, а не-реалистического: в подобное определение вписываются и уже упомянутые поэты, и сестры Бронте, и авторы «сенсационных» романов Рид и Уйда¹⁷. В лондонских письмах мы находим не столько опыт целостного описания и анализа современной английской словесности, сколько пристрастный взгляд частного лица, для которого эта словесность чужая.

Целостную картину пробует сложить Л. Полонский в уже упомянутых статьях «Очерки английского общества в романах А. Троллопа» и «Современный роман в Англии. Литературные очерки». Рассматривая литературу как отражение действительности и с этой же точки зрения ее оценивая, критик выстраивает довольно очевидную иерархию, на вершине которой Диккенс и Теккерей. При этом последний видится критику большим и лучшим реалистом, чем его вечный соперник.

«Диккенс обнимает более широкое пространство современной жизни, чем Тэккерей, который из среды аристократической и лакейской выходит только для того, чтобы вступить в любезную ему и мастерски очертанную им среду литературную и артистическую. <...> Поэтому в обыкновенном и неточном смысле слова “реализм” надо бы сказать, что реализма больше у Диккенса, потому что у него больше сцен и типов из народной жизни. Но в истинном значении слова реализм, – т. е. обузданность фантазии, устранение личности писателя и естественность действия – Тэккерей гораздо исключительнее реалист, чем Диккенс»¹⁸.

¹⁵ Реньяр А. Наука и литература в современной Англии. Письмо 5. С. 772–773.

¹⁶ Там же. Письмо 7. С. 263.

¹⁷ См. также: [Конт 1973, с. 265–268].

¹⁸ Полонский Л.А. Очерки английского общества в романах А. Троллопа. С. 617.

Троллоп, по мнению критика, выдающийся писатель, ибо его отличают «естественность, верность природе, точность описания»¹⁹ – по сути, это все те же «обузданность фантазии, устранение личности писателя и естественность действия», которые ранее ставят Теккерея выше Диккенса. Специфику английской литературы Полонский видит в верности описанию обыденной жизни:

Английские беллетристы, в после-байроновский период, наоборот, ничем так часто и обстоятельно не занимались, как изображением обыденной жизни английского образованного общества – everyday Englishlife. <...> Издавна свободное, английское общество было довольно. Оно любило смотреть в зеркало само на себя и требовало от зеркала только верности. Оно не ждало от беллетриста ни утешения в испытаниях, ни выражения в поэтических образах его тайных, загнанных, преследуемых стремлений. <...> Последствием того была совершенная цельность в воззрениях и обычаях всех слоев английского сколько-нибудь образованного общества. Средства, чтобы действовать и жить, так или иначе были различны, но идеал деятельности и образа жизни был у всех один и тот же²⁰.

В контексте «самодовольства» английского общества литература рассматривается как верное отображение действительности и как документ, позволяющий анализировать эволюцию общественно-политической жизни. Реализм, понятый как документальность, на первый взгляд, и есть та мерка, с которой Полонский подходит к английской литературе. Критик выстраивает своего рода иерархию, где наивысшие позиции занимают Троллоп и Дж. Элиот. В статье «Современный роман в Англии. Литературные очерки» Троллоп лишь упоминается один из «лучших, точнейших и беспристрастнейших бытописателей <...> общества», «без сомнения, полнейший хроникер обыденной английской жизни»²¹; однако он не поднимается над изображением высшего общества и среднего класса, в отличие от Элиот. «Наиболее талантливый из новейших английских беллетристов», «Элиот талант первостепенный, преемник Теккерея и Диккенса»²² – статья изобилует подобными комплиментарными оценками, несмотря на то, что и у писательницы есть недостатки. Так, ее

¹⁹ Там же. С. 624.

²⁰ Полонский Л.А. Современный роман в Англии: Литературные очерки. С. 250.

²¹ Там же. С. 256–257.

²² Там же. С. 260, 262.

роман о «новых людях», «Феликс Холт, радикал», не дотягивает до русских аналогов:

У Элиот развязка – что называется – самая благонамеренная, так что на последней странице появляется даже маленький Феликс Голт – дитя счастливого во всех отношениях брака. Что касается политических воззрений этого истинного радикала, то они не могли не показаться слишком узкими последователями радикальных теорий, существующих на континенте²³.

Разочаровывает критика и «неискренность» (точнее, недостаточный радикализм) автора:

Он не вывел на сцену радикала современного, но нарочно перенес действие в давнее время, ...еще близкое к первой избирательной реформе, и таким образом увернулся от необходимости высказать определенительно свои взгляды на современность. Он хотел очертить новый тип, тип человека протестующего против преобладания достаточных классов, но поставил его не среди настоящих, а среди прошедших условий. В этом нельзя не видеть неискренности²⁴.

Гораздо строже критик подходит к авторам «сенсационных» романов М. Брэддон и У. Коллинза, которые, по его мнению, всего лишь ищут внешней занимательности; с этой целью Брэддон переносит действие нового романа в Ост-Индию, с этой же целью Коллинз в романе «Муж и жена» обращается к социальной тематике, да еще и решается на happy-end (который вообще смущает Полонского, как и в «Феликсе Холте», по-видимому, как нереалистичный элемент):

Истинное значение этих романов то же самое, как и прежних романов Коллинза; они... прежде всего, sensational, т. е. написаны с целью занять читателя необыкновенными приключениями²⁵.

Впрочем, happy-end и в другом романе Коллинза, «Новая Магдалина» (“The New Magdalen”, 1873), представляется критику неорганичным:

²³ Полонский Л.А. Современный роман в Англии: Литературные очерки. С. 261.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же. С. 266–267.

...заметим, что В. Гюго и Дюма-сын уморили своих героинь, не решаясь осуществить для них счастливой доли, а Коллинс преспокойно выдал свою героиню замуж за отличного человека, как настоящий практический британец: уж если есть искупление, то почему же не поощрить его наградой?²⁶

Критик подробно и не вполне доброжелательно разбирает роман «Муж и жена», но в заключение отмечает, что «Коллинс решил относиться отрицательно к прежнему идеалу английской жизни и указать достаточным классам на присущий им самим элемент дикости» (с. 271). Иными словами, замечен поворот в сторону социального романа, внимание к действительности, а не к сенсации, и похвальное движение к реализму.

Вывод Полонского сводится к тому, что общество изменилось, а литературная манера – еще нет, и только «весьма крупному таланту посильно такое дело: продолжение новых путей»²⁷ (с. 275). Идеальная словесность, по мнению критика, состоит из отражения и критики действительности; это уже присутствует в континентальной литературе, как во французской, так и в русской, а английской литературе надо бы к этому идеалу стремиться. Английская литература, таким образом, оказывается у Полонского не столько зарубежным образцом, своего рода потенциальным учеником относительно русской литературы, к этому времени более преуспевшей в развитии реализма.

О «сенсационном» романе пишет и Н.А. Таль в статье «Шотландский брак и английская молодежь. – *Man and Wife, by Wilkie Collins*»²⁸. Текст словно распадается на три части: первая часть отведена «сенсационному» роману, вторая – пересказу романа «Муж и жена», третья – социальной проблематике романа. «Сенсационность» критику не близка: «эти романы рассчитаны на сенсацию»; «романы читаются преимущественно в известном кругу и пишутся для известного круга. Высшие и средние классы являются исключительно их потребителями»²⁹, потому что у них есть время для чтения, и им нечем заняться;

читателям давно надоело постоянно видеть перед глазами их собственные фотографические снимки. <...> Она [читательница. – Е. С.] ищет чего-то, выходящего из ряда обыденных событий и открываю-

²⁶ Там же. С. 272.

²⁷ Там же. С. 275.

²⁸ Таль Н.А. Шотландский брак и английская молодежь. С. 256–311.

²⁹ Там же. С. 256–257.

щего перед ней другие сферы, недоступные ей условиями света. Ей нужен роман с «сенсацией»³⁰.

Однако, пересказав роман Коллинза, критик переходит к «важным вопросам», затронутым в тексте.

«Новое произведение талантливого пера Уильки-Коллинса обращает на себя внимание более вследствие заданных в нем вопросов, высказанных мыслей, нежели характеристикою отдельных лиц. <...> Обратившись к жизни людей всех слоев общества и входя в их круг действий и образ мыслей, романисту, разумеется, пришлось задеть вопросы, составляющие главную основу убеждений этих людей и мотивы их поступков. Вот почему многие из новейших романистов являются писателями тенденциозными; но... и новейшая жизнь, выходя из своих прежних канонов, сама преисполнена тенденций»³¹, следовательно, не тенденциозным и не публицистически-ориентированным писателю быть нельзя.

Таким образом, сенсационная составляющая романа Коллинза критика раздражает, ибо предназначена для развлечения скучающих читательниц, зато социальная проблематика вызывает интерес и заслуживает похвалы. Н.А. Таль стремится вписать романы Коллинза в привычную систему координат и вместе с тем пытается объяснить их популярность, очевидную, несмотря на то, что в заданную систему координат эти тексты не вписываются.

Целостная картина по-прежнему не складывается. Английская литература все еще представляется «собранием пестрых глав», где есть и классика, и современность во всем ее многообразии, где есть разные, порой противоречащие друг другу взгляды критиков на эту литературу (мы видим, как они расходятся в отношении Дж. Элиот и У. Коллинза, но это не единственный пример). Можно ли считать подобное многообразие редакционной стратегией?

Интерес к английской литературе может быть основан просто на мониторинге актуального литературного процесса: редакция отслеживает новинки и заказывает их переводы. Но возможно, публикуемые романы являются частью того образа Англии, который складывается на страницах журнала. Она воспринимается как образец «политической свободы» и, в целом, правильная модель развития государства, науки и предпринимательства³². Неудивительно, что журнал, позиционирующий себя как центристский, заинтересовался конституционной монархией и считал ее полезным

³⁰ Таль Н.А. Шотландский брак и английская молодежь. С. 256–257.

³¹ Там же. С. 309–311.

³² Подробнее см.: [Горбашова 2008, с. 43–52].

примером для изучения. В журнале «науки, политики и литературы» собственно литература как предмет интереса оказалась вторичной; сама Англия важна как материал для исследования (и в этом смысле позитивистски-социологический подход Полонского вполне уместен). А литература – важная составляющая образа Англии, а стало быть, значимый «чужой», заслуживающий внимания и изучения.

Благодарности

Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Acknowledgements

The article was written on the basis of the RANEPА state assignment research programme.

Литература

- Горбашова 2008 – *Горбашова Г.В.* Отражение повседневной жизни викторианцев на страницах «Вестника Европы» // Запад–Восток. 2008. № 1. С. 43–52.
- Конт 1973 – *Конт Ф.* Альбер-Адриен Реньяр – корреспондент «Вестника Европы» // Россия и Запад: из истории литературных отношений / Отв. ред. М.П. Алексеев. Л.: Наука, 1973. С. 258–268.
- Чикалова 2017 – *Чикалова И.Р.* Великобритания: изучение в Российской империи (XIX – начало XX в.). СПб.: Алетейя, 2017. 576 с.
- Brantlinger 1982 – *Brantlinger P.* What is “Sensational” about the “Sensation Novel”? // *Nineteenth-Century Fiction*. 1982. Vol. 37. No. 1. P. 1–28.
- Pykett 2011 – *Pykett L.* *Nineteenth-Century Sensation Novel*. Tavistock: Northcote House Publishers, 2011. 180 p.

References

- Brantlinger, P. (1982), “What is ‘Sensational’ about the ‘Sensation Novel’?”, *Nineteenth-Century Fiction*, vol. 37. no. 1, pp. 1–28.
- Chikalova, I.R. (2017), *Velikobritaniya: izuchenie v Rossiiskoi imperii (XIX – nachalo XX v.)*, [Great Britain. Study in the Russian Empire (19th – early 20th centuries)], Aleteiya, Saint Petersburg, Russia.

- Gorbashova, G.V. (2008), "Reflection of Victorians' daily life in 'Vestnik Evropy' ", *West-East*, no. 1, pp. 43–52.
- Kont, F. (1973), "Albert-Adrien Renyard – Correspondent of 'Vestnik Evropy' ", in Alekseev, M.P. (ed.), *Rossiia i Zapad: izistorii literaturnykh otnoshenii* [Russia and the West. From the history of literary relations], Nauka, Leningrad, Russia, pp. 258–268.
- Pykett, L. (2011), *Nineteenth-Century Sensation Novel*, Northcote House Publishers, Tavistock, UK.

Информация об авторе

Екатерина И. Самородницкая, кандидат филологических наук, доцент, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия; Россия, 119571, Москва, пр-т Вернадского, д. 82; samorodnitskaya-ei@ranepa.ru

Information about the author

Ekaterina I. Samorodnitskaya, Cand. of Sci. (Philology), associate professor, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia; bld. 82, Vernadsky Av., Moscow, Russia, 119571; samorodnitskaya-ei@ranepa.ru

Ориентализм в творчестве В.И. Даля

Бахтиер Р. Рахманов

*Российско-Таджикский (Славянский) университет,
Душанбе, Таджикистан, rbrregar@mail.ru*

Аннотация. Владимир Иванович Даль известен как лексикограф, военный врач, этнограф, фольклорист и писатель. В контексте русско-восточных литературных связей творчество В.И. Даля привлекает внимание исследователей ориентальными мотивами, которые известны узкому кругу исследователей и читателей. И поэтому цель статьи – дать представление об особенностях проявления ориентализма в творчестве В.И. Даля. В произведениях В.И. Даля представлены картины истории Востока, они знакомят русского читателя с фольклором и этнографией татар, башкир и казахов. Эти ориентальные произведения можно разделить условно на группы: произведения научного характера, восточные притчи, восточные повести, произведения об исторических личностях. К первой группе можно отнести произведения этнографического характера. Русский читатель обогатился сведениями научного характера, сведения о жизни и быте восточных народов – глазами русского пленного или со слов представителей Азии. К другой группе можно отнести восточные притчи. Анализ произведений В.И. Даля из цикла «Восточные притчи и сказки» позволил отнести к нравоучительным – притчи «Солейман и сова», «Солейман и ворона», «Калиф-художник, а к религиозным – притчи «Гальяс-учитель и ученик», «Сон падишаха», «Вор и утайщик», «Шейх Наджмуддин». Из широкого круга произведений В.И. Даля на ориентальные мотивы литературоведением изучены произведения, связанные с жанром восточной повести – «Бараны», «Сказка о царевне Милонеге...». Ориентальный материал связан с историческими лицами – «Жизнь Джингизхана» (1843), «Повествование об Аксак-Тимуре» (1838) – и имеет основой жизнь и деятельность исторического лица. Подобные произведения основаны на документальных трудах (современников описываемого) или на восточных народных сказаниях и легендах. Основой произведений являются исторические события, вперемежку «с баснословными преданиями», украшенные «небывальщиною».

Причина обращения Даля к ориентальной тематике банально проста: непозволительно не знать и стыдно пренебрегать словесностью азиатских народов Российской империи.

© Рахманов Б.Р., 2021

Ключевые слова: ориентализм, В.И. Даль, притча, восточная повесть, русско-восточные литературные связи

Для цитирования: Рахманов Б.Р. Ориентализм в творчестве В.И. Даля // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2021. № 10, ч. 2. С. 199–211. DOI: 10.28995/2686-7249-2021-10-199-211

Orientalism in the work of V.I. Dahl

Bakhtiyor R. Rakhmanov

*Russian-Tajik (Slavic) University, Dushanbe, Tajikistan,
rbrregar@mail.ru*

Abstract. Vladimir Ivanovich Dahl is known as a lexicographer, military doctor, ethnographer, folklorist and writer. In the context of Russian-Oriental literary ties, the work of V.I. Dahl attracts the attention of researchers by oriental motives, which are known to a narrow circle of researchers and readers. And therefore, the purpose of the article is to give an idea of manifesting the orientalism specifics in V.I. Dahl works. Pictures of the Orient history are presented in V.I. Dahl works, acquainting Russian reader with Tatars, Bashkirs and Kazakhs folklore and ethnography. These oriental works can be loosely divided into following groups: scientific works, oriental parables, oriental stories, and works about historical figures. The first group includes works of an ethnographic nature. Russian reader was enriched with scientific information, information on the Oriental people's life through the eyes of a Russian prisoner or from the words of Asia people. Another group includes oriental parables. Analysis of V.I. Dahl works from the cycle "Oriental parables and fairy tales" allowed to refer the parables "Soleiman and the owl", "Soleiman and the crow", "Caliph painter" to the moralizing ones and the parables "Gallas – teacher and student", "Padishah's dream", "The Thief and the Concealer", "Sheikh Najmuddin" to the religious. From a wide range of V.I. Dahl works on oriental motives the literary criticism studied works related to the genre of oriental stories, for instance "Sheep", "The Tale of Princess Milonega...". Oriental material associated with historical figures – "The Life of Dzhingizkhan" (1843), "The Story of Aksak-Timur" (1838) is based on the life and activities of a historical person. Such works are based on documentary works (contemporaries of the described one) or on the oriental folk tales and legends. The basis of the works is historical events, interspersed with "fabulous legends" and decorated with "extravagance".

The reason for Dahl's appeal to oriental themes is banally simple: it is impermissible not to know and it is shameful to neglect the literature of the Asian peoples of the Russian Empire.

Keywords: orientalism, V.I. Dahl, parable, oriental story, Russian-oriental literary ties.

For citation: Rakhmanov, B.R. (2021), "Orientalism in the work of V.I. Dahl", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 10, part 2, pp. 199–211, DOI: 10.28995/2686-7249-2021-10-199-211

Владимир Иванович Даль известен широкому кругу читателей как составитель «Толкового словаря живого великорусского словаря», которому посвятил более 50 лет жизни. В то же время он – военный врач, этнограф, фольклорист и писатель.

Напомним, В.И. Даль с 1833 по 1841 г. служил в Оренбурге чиновником особых поручений и по долгу службы общался с татарами, башкирами, казахами и другими восточными народами, участвовал в Хивинском походе. В контексте русско-восточных литературных связей творчество В.И. Даля привлекает внимание исследователей ориентальными мотивами, которые известны узкому кругу исследователей и читателей. И поэтому цель статьи – дать представление об особенностях проявления ориентализма в творчестве В.И. Даля.

Без особого труда можно заметить, что труд Даля-лексикографа отразил слова-заимствования из языков восточных народов. Можно привести пример: «Аксакол, белая борода. Так татарские народы вообще называют почетных стариков своих, даже тогда, когда у них и нет белой бороды. Между кочевыми племенами патриархальное уважение к Аксаколам доселе строго соблюдается, и в особенности каждый глава семейства пользуется уважением и повиновением целого поколения, раздробившегося, по многоженству, на множество семей и отраслей...»¹

В произведениях В.И. Даля представлены картины истории Востока, они знакомят русского читателя с фольклором и этнографией татар, башкир и казахов. Эти ориентальные произведения можно разделить условно на группы: произведения научного характера, восточные притчи, восточные повести, произведения об исторических личностях.

К первой группе можно отнести произведения этнографического характера. Русский читатель обогатился сведениями научного характера: «Нечто о кумысе» (1843), «Верблюд». Сведения

¹ *Даль В.И.* Энциклопедический лексикон (1839). С. 2. URL: <https://philolog.petsru.ru/vdahl/html/pdf/LEKSIKON.pdf> (дата обращения 10.09.2021).

о жизни и быте восточных народов – глазами русского пленного («Рассказ вышедшего из хивинского плена» (1839), «Рассказ пленника Якова Зиновьева» (1839)); или со слов представителей Азии («Повествование потомков шахов Афганских об Афганистане» (1843), «Рассказ Абдурахмана Ишана, Афганца и Муллы Мирзы» (1843), «Рассказ лезгинца Асана о похождениях своих» (1856)).

К другой группе можно отнести восточные притчи. «Восточные притчи и сказки» В.И. Даля были уже рассмотрены автором в статье «Жанровое своеобразие восточной притчи в творчестве В.И. Даля». Отмечено, что ориентальные мотивы интересовали писателя и отражены в произведениях описанием жизни и быта, нравов и обычаев, истории и религии восточных народов. «Жанр притчи позволил автору отобразить общечеловеческие проблемы. Так, нравоучительные притчи знакомят русского читателя с восточной мудростью. Религиозные притчи путем логических рассуждений воздействуют на людей и подталкивают к духовному совершенству» [Рахманов 2021, с. 240]. Анализ семи произведений В.И. Даля из цикла «Восточные притчи и сказки» позволил нам отнести к нравоучительным – притчи «Солейман и сова», «Солейман и ворона», «Калиф-художник», а к религиозным – притчи «Гальяс-учитель и ученик», «Сон падишаха», «Вор и утайщик», «Шейх Наджмуддин».

В жанре восточной повести написана «восточная сказка» «Бараны». Мудрый монарх – Халиф – «озабоченный общим благом, спокойствием и счастьем народа»², соответствует образу правителя просветительской восточной повести. Традиционно он инкогнито ходит меж народа и узнает сам о недостатках и ошибках правления. И был огорчен: судья (казы), пользуясь самовластием и самоуправством, обогащается и нарушает закон, чем бросает пятно на имя правителя. «Надобно его ограничить; надобно придать ему помощников, которые свяжут произвол его...»³. И к Кази посадили еще двух судей – слева и справа, а над этими тремя судьями надзирал пристав. Но оказалось, надежда правителя не сбылась: верный слуга Мелег сообщил о неудачной попытке восстановить справедливость. Раньше был один судья и, остерегаясь гнева халифа, берег свою голову от казни. Теперь же страх разделен на четверых, и беззакония продолжают. Тогда правитель решил изменить ситуацию, «одно лицо действует самопроизвольно, а где нужно согласие многих, там правда найдет более защиты»⁴. И судили теперь семь

² *Даль В.И.* Бараны (1845). С. 1. URL: <https://philolog.petrstu.ru/vdahl/html/pdf/BARANY45.pdf> (дата обращения 10.09.2021).

³ Там же. С. 4.

⁴ Там же. С. 8.

судей, «многочисленный оплот противу зла и неправды». И опять халиф услышал стенания на корысть и жалобы на судей. И на его недоумения мудрый Хуршит с веселой усмешкой объяснил суть дела. Когда был один судья, несли одного барана, потом – двух. Теперь легче стало – «гуртом гоняем».

В.И. Даль обратился к жанру восточной повести, чтобы завуалированно высказаться о набравшей и традиционно злободневной проблеме (коррупция в судопроизводстве). А под восточными одеяниями, как отмечает Т.Ж. Юсупов, «обнаруживаются различные по сути типологические ряды: повесть по преимуществу ориентальная, ориентальная притча, повесть просветительская, повесть философско-нравоучительная, повесть социально-политическая, любовно-авантюрная и т. д.» [Юсупов 1993, с. 70]. Научные исследования свидетельствуют, что к разновидностям восточной повести также можно отнести сказание и аполог, восточную сказку, кавказскую повесть и даже басню [Рахманов 2020, с. 268].

Содержание произведения свидетельствует, что Даль обратился к восточной просветительской повести. В своем исследовании о развитии жанра восточной повести В.Н. Кубачева пишет: «Допуская некоторую условность, “восточные” повести в русской литературе можно разделить на три группы: 1) морально-этические с религиозной окраской; 2) развлекательные, авантюрно-галантные; 3) просветительские философско-сатирические и нравоучительные» [Кубачева 1962, с. 300]. Этот жанр восточной просветительской повести ассоциировался как идеологический жанр, отражающий злободневные философские противоречия, и как сатирический жанр. Кубачева указала ряд обстоятельств, благоприятствовавших успеху жанра: восточное прикрытие от цензуры, «метод изображения западного мира через восприятие наивного восточного жителя», модный жанр способствовал популяризации философских идей.

Н.С. Сербина в статье «Жанр восточной повести в литературном творчестве В.И. Даля» проанализировала восточную сказку «Бараны» и выделила некоторые особенности произведения. Нет отвлечений от линии повествования (деталей быта, этнографических экскурсов, автор сдерживает себя: порой имитирует цветистые восточные обороты, создает ориентальный колорит). И исследователь рассуждает: «Налицо основные признаки притчи: аллегоричность, афористичность, тяготение к умозаключению, ориентированность на многозначность слова (“легче”), отсутствие психологического рисунка, лаконизм» [Сербина 2007, с. 66]. И приходит к выводу, что жанр произведения – это ориентальная притча.

С чем мы не согласны. В исследовании Кубачевой говорится: «По всей вероятности, вначале “восточную” повесть чаще всего воспринимали у нас как нравственно-философскую притчу, отвлеченную и беспристрастную» [Кубачева 1962, с. 301]. Необходимо выделить отличия притчи. Во-первых: «В жанровом отношении притча ближе к басне, тяготеет она и к поучительному рассказу» [Махдиев 2000, с. 91], главная цель произведения – «преподать мораль». Во-вторых, сам Даль определил произведение «Бараны» как «восточная сказка».

Другое произведение В.И. Даля – «Сказка о прекрасной Царевне Милонеге-Белоручке...» – включает в себя восточную просветительскую повесть «О Халифе Багдадском, о семи славных мудрецах его и прокаженной». В произведении представлено традиционное для восточных повестей противостояние Истины и Власти.

Халиф, до наследования трона обладавший чутким ухом, зорким глазом, пронизательным умом и правотою сердца, после восцарения потерял свои достоинства. В чертогах правитель видел и слышал, но за пределами дворца становился глух и слеп. Надеялся халиф на семь мудрецов, которые должны были стать его глазами и ушами. Как оказалось, он ошибался. «Правоверные жаловались; угнетенные плакали; могучие злочинствовали – юный Халиф потешался, следовал советам мудрецов своих и верил, что народ его блаженствовал»⁵.

Халиф тщетно сзывал целителей и ждал выздоровления, даже был фирман (приказ) для подданных об изложении снов, в которых мог быть путь к исцелению. «Бедному Халифу, объезжая столицу, объезжая землю свою, оставалось делать только одно: он брал с собою мудрецов своих и располагал ими, как онемевшими чувствами своими и неупотребимыми членами: ты, будь у меня головой; ты, рукой; ты, ногой; ты, глазами; ты, ногами; ты, ухом и брюхом, и прочее»⁶. Халиф был доволен, а мудрецы продолжали бесчинствовать и писали хвалебные изречения.

Некому Факиру привиделся сон, толкование мудрецов не удовлетворило его. Сон пояснила ему прокаженная, которая побиралась подаянием. Все, что пояснила прокаженная, сбылось: факир увидел во сне спрятанное сокровище, благодаря которому ему удалось спасти свою жизнь. Спасенный отблагодарил и спросил,

⁵ Даль В.И. Сказка о прекрасной Царевне Милонеге-Белоручке, по прозванию Васильковий глазок, и трехстах тридцати трех затяжных волокитах и поклонниках ее (1838). С. 19. URL: <http://philolog.petrstu.ru/vdahl/html/pdf/MLNG38.pdf> (дата обращения 10.09.2021).

⁶ Там же. С. 21.

почему всеведущая безобразна и отвратительна: «Взор твой несносен для глаз моих, а голос твой резок и нестерпим для слуха!»⁷. Всмотрелся Факир в прокаженную и пленился ею, и не смог более с ней расстаться. «Безобразие в глазах его исчезло совершенно; он полюбил ее страстно»⁸.

Халифу, который узнал о прокаженной, Факир рассказал: это безобразное существо, которое правителю не полюбится. «Ни кем в мире подруга моя не бывает любима, кроме бедными, и низкого сословия людьми: каждая степень, кою человек приближается ко двору твоему, повелитель, уносит и удаляет его от подруги моей; здесь же, в серале, нет ничего с нею общего, и она здесь терпима быть не может»⁹. Она видит все, и ее искусство – говорить, что видит, за это ее не терпят люди и прозвали прокаженной.

Услышав о желании Халифа встретиться с прокаженной, все придворные разволновались – никому не хотелось попасться ей на глаза. Во время беседы наедине с прокаженной Халиф узнал историю гостя – истины. Три сестры – истина, совесть и правосудие – подкидыши, не знающие своих родных. Совесть потеряла рассудок и сидит в доме для умалишенных: «Совесть сошла с ума на безмене; ее взвешивали, дробили на литры и драхмы, доколь она не рехнулась...»¹⁰. Правосудие не может ходить – пятки и подошвы избиты, и лежит в богадельне и питается подаванием. Истину загоняли и наругались, ей приходится прятаться, стать посмешищем.

Она указала причину болезни Халифа: им оказались семь его мудрецов, которые злодейскими замыслами сделали правителя калекой, а подданных – мучениками. И захотел Халиф оставить спасительницу при себе, но она исчезла. И передали Халифу слова истины: «...что юродивая и прокаженная дева, которую узнал он в первые под именем истины, никогда при дворе Халифском жить не может; что самый мудрый и благомыслящий властелин должен считать себя счастливейшим, если она хотя мельком заглянет в сераль его»¹¹.

Мотив правосудия и истины относится к традиционным темам ориентальной литературы. Русские писатели видели возможность высказаться об актуальности этой проблемы. В.И. Даль, используя жанр восточной просветительской повести, высказывает ряд своих мыслей. Не в почете правосудие и совесть у сильных мира сего,

⁷ Там же. С. 25.

⁸ Там же.

⁹ Там же. С. 26.

¹⁰ Там же. С. 27.

¹¹ Там же. С. 29–30.

и им необходима истина, чтобы вернуть им способность слышать, видеть и думать. Истина близка простым и бедным людям. Власть и истина далеки друг от друга. Видеть правду или услышать ее не всем по нраву. И полубит ее человек, подобный Факиру, отрекшийся от гордыни и тщеславия, живущий с помыслами о Боге.

«Сказку о прекрасной Царевне Милонеге-Белоручке...» проанализировала М.В. Русакова в монографии «Восточные мотивы в малых жанрах русской прозы конца XIX – начала XX века» и сопоставила с главой «Спасская полость» из «Путешествия из Петербурга в Москву» А.Н. Радищева и «Сказкой о Сказке» Вл. Дорошевича. В монографии отмечаются особенности произведений. Героиня произведения А.Н. Радищева, Прямовзора, странница, пришла к правителю открыть глаза. И встреча правителя и Истины связана с дидактической направленностью произведения. Дорошевич знаком с «Путешествием...», и оно было основой его сказки. «Он изобразил намерение Истины проникнуть во дворец халифа не в драматических тонах, а иронично» [Русакова 2020, с. 39]. В.И. Даля характерна проповедь идей Просвещения: писатель за годы службы на окраине Российской империи видел много несправедливости и ошибок управления. И хотел повлиять своим творчеством на ситуацию, указав сатирически на отношение власти к правосудию и истине.

И правильно сделан вывод о сказках Даля и Дорошевича в исследовании Русаковой. «Таким образом, мотивы из сказки В. Даля схожи со сказкой В. Дорошевича, но, в отличие от приема обличения русских просветителей, последний использует юмор и сатиру и показывает истинное лицо правящих кругов» [Русакова 2020, с. 40–41].

Ориентальный материал связан с историческими лицами – «Жизнь Джингизхана» (1843), «Повествование об Аксак-Тимуре» (1838) – и имеет основой жизнь и деятельность исторического лица. И основаны подобные произведения на документальных трудах (современников описываемого) или на восточных народных сказаниях и легендах. В Примечаниях к произведениям сам автор (как переводчик текста) написал: «Книга, из которой я взял сказку эту, названа на Русской половине заглавия: Жизнь Джингиз-Хана и Аксак-Тимура, с присовокуплением разных отрывков и пр. Она напечатана, на Татарском языке, Лектором этого языка Хальфином, в Казани, в 1822 г.; а им заимствована из какой-то старинной рукописи, отысканной в Татарской деревеньке»¹².

¹² *Даля В.И.* Жизнь Джингизхана (1834). С. 44. URL: <https://philolog.petsru.ru/vdahl/html/pdf/JINGIZ.pdf> (дата обращения 10.09.2021).

Основой сказки, пишет Даль, являются исторические события, вперемежку «с баснословными преданиями», которые украшены «небывальщиною» и изменены «странностями уносчивого Восточного воображения». Причина обращения Даля к переводу этих произведений банально проста: непозволительно не знать и стыдно пренебрегать словесностью азиатских народов Российской империи. Так, воодушевленный идеей ознакомить русского читателя с образом Тимура, В.И. Даль показал видение восточного правителя татарским рассказчиком.

«Повествование об Асак-Тимуре» начинается с предсказания о рождении. Джедай-хан, сын Джингизхана, царствовавший в городе Индостане, видел пророческий сон об угрозе смерти. Гадатели пояснили: у Трагая из селения Алмалык жена беременна: «от содержимого в утробе ее дитяти постигнет тебя смерть и конец твой». И решил хан изменить назначение Высочайшего и Присносущего: приказал умертвить ребенка, оставляя в живых мать. Беременную женщину повалили и топтали. Джедай-хан решил, что избавился от беды.

Обратимся к труду Г.Н. Потанина «Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе», который тщательно собирал фольклорные и исторические легенды, предания и сказания, связанные с прошлым восточных народов. Среди тюркских и кавказских народов распространено много сказаний о хромом Тимуре, некоторые из них связаны с завоевателем Тамерланом или Аксак-Тимуром. «Татарский рассказ, записанный г. Радловым (Proben, IV, 307) под Аксак-Тимуром подразумевает знаменитого туркестанца; Цодей-хан¹³ повелел избить всех младенцев, находящихся в утробе матерей; визирь пожалел одну беременную женщину и ограничился тем, что нажал только на ее живот; родился хромой мальчик Аксак-Тимур»¹⁴.

Женщина родила хромого сына, и в племени, носившем название «барлас», сказали: «поелику ребенок этот не погиб, не смотря на все истязания, а перенес все, и родился, то душа его верно железная; по какому поводу и назвали сына этого Аксак-Тимур (хромой-железный)»¹⁵. Ребенок рано остался сиротой и с юности нанялся к казахам Язгуз Тамокы в пастухи.

¹³ Потанин считает, что татарская легенда основывается на монгольском сказании.

¹⁴ Потанин Г.Н. Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе. М., 1899. С. 398.

¹⁵ Даль В.И. Повествование об Аксак-Тимуре (1838). С. 3. URL: <https://philolog.petsu.ru/vdahl/html/pdf/TIMUR38.pdf> (дата обращения 10.09.2021).

Следующее предопределение судьбы юноша увидел в случае с муравьем. Хромой и кривой муравей на глазах Тимура несколько раз пытался преодолеть препятствие и упорством добился своего. И, беря пример с муравья, юноша решил: «Итак, если бы я, чрез постоянное терпение, соделался ханом, забирал бы города и народы, положил бы основание владениям, то не было бы в этом ничего удивительного и непонятного, если только всемогущий Бог допустит это»¹⁶. И эта мысль заняла его надолго. Несколько раз он удостоверился в своем предназначении. Во время игры со сверстниками-пастухами он своим умением и рассудительностью доказал свое право на главенство (хан). В другом случае он принимает решение как хан.

И тогда он собрал единомышленников под свое управление и стал грабить богатых и караваны. Со временем вокруг него было две-три сотни единомышленников и не было проходу караванам. Тогда Джедай-хан решил безуспешно навести порядок. «Благородный эмир» Аксак-Тимур казнил хана и захватил город Индостан. В этом, говорится в повествовании, ему сопутствовал всемогущий Бог – он был орудием Божиим. «Все дурное и все хорошее бывает только властью и определением Божеским...»¹⁷.

Завоевание мира Тимур-Аксак начинает с похода на город Египетский: штурм и захват города сгубил много народа. Город Царьград (Истамбул) был захвачен хитростью. Печальная участь разорения ожидала города Шамаху, Хаджи-Тархан (Астрахань), Болгары. В городе Буляр Самет-хан узнал, что войску Аксак-Тимура незримо покровительствует пророк Ильяс, и поэтому сдался.

Как бы рассказчик ни старался восхвалить деяния «благочестивого эмира», в строках повествования читатель встречает «вырезал народ», «испужать народ», город «был взят и разорен». Рассуждения эмира, а вслед ему и повествователя, сводятся к мысли: все страдания народов были обусловлены грехами и неправдой. О чем и говорят народные представители: «О, народы! Нам должно признать бедствие это карою за грехи и беззаконие наше; если бы не так, что мог нам сделать этот Аксак-Тимур? Но видно было таков завет Всевышнего, Всемогущего Бога!»¹⁸.

Поход на Москву был остановлен у стен Владимира, пророк Ильяс предостерег от сражения с русским войском, и правитель продолжил свои завоевания в сторону Бохары.

Во время продвижения на Бохару была распространена вера на земле Кья. От ханов и народа требовалось отказаться от монголь-

¹⁶ Даль В.И. Повествование об Аксак-Тимуре (1838). С. 5.

¹⁷ Там же. С. 13.

¹⁸ Там же. С. 22.

ских традиций и нравов, сделаться правдивыми мусульманами: признать истинного Бога, обязаны пятикратно молиться, поститься, «учинять омовение, очищать имущество свое податью, закатом», по мере возможности совершить паломничество.

Благочестивый эмир далее направил распространять свои владения в города Бохара, Ташкенд и Яркенд, Самарканд. В Самарканде настигло его предопределение, и там он погребен.

Считаем, что распространенность легенд и сказаний о Тимуре закономерна – он изменил ход жизни народов Средней Азии, Кавказа, Ирана, Ирака, Турции, Индии. Не случайно его называют архитектором степи. Вольно или невольно он способствовал окончательному избавлению Руси от монголо-татар, спас Европу от Баязета.

Переводчик, говоря о «Повествовании о Тимур-Аксаке», употребил фразу «баснословные предания», поскольку произведение, имеющее в основе историю жизни Тимура, предстало в совершенно ином виде. Герой мифологизирован: от рождения до последних мгновений жизни он предстает в повествовании защитником и распространителем ислама. Следует вспомнить традиции восточной литературы, когда писатели-панегирики оставляли потомкам строки о справедливых деяниях правителя, его заботу о народе и вкладе в распространение ислама.

Это ориентальное произведение В.И. Даля – «Повествование об Аксак-Тимуре» – преследовало цель познакомить русского читателя с образом Тимура с точки зрения представителя восточного мира.

Напомним о видении В.И. Далем Русской земли. «Русскую землю составляют разные народы, отличные по происхождению и языку» (перечисляет: армяне, грузины, латыши, татары, башкиры, киргиз-кайсаки, калмыки, буряты, самоеды, вотяки, черемисы, чувашаи, народы Сибири и Кавказа и много других), – все они должны стоять «друг за друга, за землю, за родину свою как односемьяне» [Порудоминский 1985, с. 22]. С этим связан его интерес к изучению языка и культуры татар, башкир, казахов и ознакомление русского читателя с духовными достижениями восточных народов.

Благодарности

Работа выполнена в рамках реализации проекта «Учебно-методическое обеспечение деятельности Славянских университетов» (государственное задание, паспорт № 2881-21).

Acknowledgements

The work has been carried out within the framework of the project “Educational and methodological support for the activities of Slavic universities” (state task, passport No. 2881-21).

Литература

- Кубачева 1962 – *Кубачева В.Н.* «Восточная» повесть в русской литературе XVIII – начала XIX века // XVIII век: Сб. 5. М.; Л., 1962. С. 295–315.
- Махдиев 2000 – *Махдиев С.* Из истории прозы таджикско-персидской литературы. Пенджикент: Иршод, 2000. 402 с.
- Порудоминский 1985 – *Порудоминский В.* Жизнь и слово: Даль. Повествование / Послесл. В.П. Аникина. М.: Молодая гвардия, 1985. 222 с.
- Рахманов 2000 – *Рахманов Б.Р.* Персидско-таджикская литература в контексте русско-восточных литературных связей. Душанбе, 2020. 313 с.
- Рахманов 2021 – *Рахманов Б.Р.* Жанровое своеобразие восточной притчи в творчестве В.И. Даля // Вестник Таджикского национального университета. Серия «Филология». 2021. № 3. С. 234–244.
- Русакова 2020 – *Русакова М.В.* Восточные мотивы в малых жанрах русской прозы конца XIX – начала XX века. Душанбе: РТСУ, 2020. 163 с.
- Сербина 2007 – *Сербина Н.С.* Жанр восточной повести в литературном творчестве В.И. Даля // Вестник Башкирского университета. 2007. Т. 12. № 4. С. 65–68.
- Юсупов 1993 – *Юсупов Т.Ж.* Развитие русской прозы XVIII века: (Проблематика, поэтика, восточные мотивы). М.: Изд-во МПГУ, 1993. 86 с.

References

- Kubacheva, V.N. (1962), “ ‘Eastern’ story in Russian literature of the 18th and early 19th centuries”, in *XVIII vek, sbornik 5* [18th century, collection of 5], Moscow, Leningrad, Russia, pp. 295–315.
- Makhdiev, S. (2000), *Iz istorii prozy tadzhiksko-persidskoi literatury* [From the history of prose of Tajik-Persian literature]. Irshod, Penjikent, Tajikistan.
- Porudominskii, V. (1985), *Zhizn’ i slovo: Dal’. Povestvovanie* [Life and Word: Dal. Narration], Molodaya gvardiya, Moscow, Russia.
- Rakhmanov, B.R. (2020), *Persidsko-tadzhikskaya literatura v kontekste rusko-vostochnykh literaturnykh svyazei* [Persian-Tajik literature in the context of Russian-Oriental literary ties], Dushanbe, Tajikistan.
- Rakhmanov, B.R. (2021), “The genre originality of the oriental parable in the works of V.I. Dahl”, *Bulletin of the Tajik National University. Series Philology*, no. 3, pp. 234–244.

- Rusakova, M.V. (2020), *Vostochnye motivy v malykh zhanrakh russkoi prozy kontsa XIX – nachala XX veka* [Oriental motives in small genres of Russian prose of the late 19th – early 20th centuries], RTSU, Dushanbe, Tajikistan.
- Serbina, N.S. (2007), “The genre of the oriental story in the literary work of V.I. Dahl”, *Bulletin of the Bashkir University*, vol. 12, no. 4, pp. 65–68.
- Yusupov, T.Zh. (1993), *Razvitie russkoi prozy XVIII veka (Problematika, poetika, vostochnye motivy)* [Development of Russian prose of the 18th century (Problematics, poetics, oriental motives)], Publishing house of Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Бахтиер Р. Рахманов, доктор филологических наук, профессор, Российско-Таджикский (Славянский) университет, Душанбе, Республика Таджикистан; 734025 Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, д. 30, rbrregar@mail.ru

Information about the author

Bakhtiyor R. Rakhmanov, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian-Tajik (Slavonic) University, Dushanbe, Republic of Tajikistan; bld. 30, M. Tursunzade St., Republic of Tajikistan, Dushanbe, 734025; rbrregar@mail.ru

Микромир логико-модальных частиц: штрихи к лингвистическому «портрету» *даже*

Карен С. Акопян

Российско-Армянский (Славянский) университет,
Ереван, Армения, karen.hakobyan@rau.am

Аннотация. В настоящее время в контексте современной антропоцентрической лингвистики, когда особенно актуальным становится изучение прагматического аспекта функционирования языковой системы, многие ученые обратились к исследованию частиц – универсальных выразителей семантико-прагматических значений (см. работы А. Вержбицкой [Вержбицка 1968; Wierzbicka 1976], Т.М. Николаевой [Николаева 1985], И.М. Богуславского [Богуславский 1979; Богуславский 1985; Богуславский 1996], Ф. Гаста [Gast 2017] и мн. др.). Несмотря на весьма активное и довольно плодотворное изучение частиц, долгое время оставшихся на периферии исследовательских интересов, целый ряд их категориальных свойств все еще недостаточно исследован. Наша статья посвящена исследованию поведения частицы *даже* в утвердительных и отрицательных контекстах. Языковым материалом исследования послужили несколько сконструированных нами предложений, представляющих базовые синтаксические структуры анализируемых высказываний, и многочисленные примеры из основного корпуса электронного ресурса «Национальный корпус русского языка». Основной целью статьи является изучение семантико-прагматических импликатур, входящих в семантику частицы *даже*, и их модификаций, в том числе возникающих под воздействием отрицания. Кроме того, мы оспариваем мнение И.М. Богуславского о необходимости изъятия скалярной импликатуры из толкования данной частицы, к которому он пришел из-за недостаточно строгого разграничения двух шкал в двойной скалярной импликатуре. Для этого мы используем следующие методы: 1) анализ семантических и прагматических пресуппозиций и импликатур, порождаемых частицей *даже* в утвердительных высказываниях и высказываниях с отрицанием в результате взаимодействия семантики частицы и отрицания; 2) анализ функционирования *даже* в градационных конструкциях; 3) сопоставительный анализ ее функционирования в контекстах нейтрального и противопоставительного отрицания, что позволяет выявить специфику двойной скалярной импликатуры и импликатуры неожиданности, входящих в ее семантико-прагматическую структуру.

© Акопян К.С., 2021

Ключевые слова: частицы, скалярная импликатура, импликатура неожиданности, градация, отрицание

Для цитирования: Акопян К.С. Микромир логико-модальных частиц: штрихи к лингвистическому «портрету» *даже* // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2021. № 10, ч. 2. С. 212–231. DOI: 10.28995/2686-7249-2021-10-212-231

The microworld of the logical and modal particles. Outlines to linguistic “portrait” of *dazhe*

Karen S. Hakobyan

*Russian-Armenian (Slavonic) University, Yerevan, Armenia,
karen.hakobyan@rau.am*

Abstract. In recent times, in the context of the contemporary anthropocentric linguistics, when the study of the pragmatic aspect of the language system functioning becomes particularly relevant, many linguists turned to an issue of particles that are the universal explicators of the semantic and pragmatic meanings (refer to works of A. Wierzbicka, T.M. Nikolaeva, I.M. Boguslavskiy, V. Gast and many others). Despite very active and rather fruitful studying of particles, that for a long time had remained on the periphery of research interests, a whole set of their categorical features has been under investigated. Our article is devoted to the functioning of the particle *dazhe* [даже “even”] in the affirmative and negative contexts. As an example of research language material, we constructed several sentences representing the basic syntactic structures of the analyzed utterances, and many examples from the main corpus of the electronic resource “Russian National Corpus”. The main purpose of the article is to study semantic and pragmatic implicatures that are included in the semantics of the particle *dazhe*, and their modifications, including those arising under the influence of negation. Moreover, we dispute the opinion of I.M. Boguslavsky on the need to remove the scalar implicature from the interpretation of that particle, to which he came because of the insufficiently strict separation of the two scales in the double scalar implicature. The methods of conducting the research were 1) the analysis of the semantic and pragmatic presuppositions and implicatures generated by *dazhe* in the affirmative utterances and negative utterances utterances with negation as a result of interaction of the semantics of the particle and negation; 2) the analysis of *dazhe*’s functioning in the gradational constructions; 3) the comparative analysis of its functioning in the contexts of neutral and contrastive negation that enables to reveal the specifics of the double scalar implicature and that of unexpectedness, which are the components of the semantic and pragmatic structure of the particle in question.

Keywords: particles, scalar implicature, implicature of unexpectedness, gradation, negation

For citation: Hakobyan, K.S. (2021), "The mirroworld of the logical and modal particles. Outlines to linguistic 'portrait' of *dazhe*" // *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 10, part 2, pp. 212–231, DOI: 10.28995/2686-7249-2021-10-212-231

Введение

В статье представлен фрагмент исследования, посвященного комплексному анализу, так называемому лингвистическому портретированию¹, логико-модальных частиц, собственно, частицы *даже* (см. также [Акоюн 2017; Айрапетян, Акоюн 2019]). Рассмотрены семантико-прагматические аспекты функционирования частицы *даже* в утвердительных и отрицательных контекстах.

В современных лингвистических описаниях языковой системы частицы занимают свою особую нишу. Речь идет о специфическом разряде частиц, которые в русской грамматической традиции получили название «модальных» (в работах В.В. Виноградова, в Академических грамматиках 1970 и 1980 гг.). Со временем частицы типа *даже, только, хоть, именно, еще, уже* и некоторые другие стали называться в лингвистической литературе «логическими»/ «смысловыми»/ «пропозициональными» (см. труды А.Т. Кривоносова [Кривоносов 1984], Н.А. Тороповой [Торопова 1980], И.М. Богуславского [Богуславский 1979; Богуславский 1985; Богуславский 1996], Г.Е. Щербань [Щербань 2001] и др.), что довольно просто объясняется: часто рассматривались лишь семантико-синтаксические свойства этих частиц, и никак не освещался их богатый прагматический мир. (Ср.: «...модально-экспрессивные компоненты значения мы оставляем в стороне» [Богуславский 1979, с. 14]). В нашем исследовании они называются *логико-модальными*, поскольку и первое, и второе названия обедняли представление об этих частицах, характеризуя их односторонне, указывая либо на сугубо модальные

¹ Термин «портретирование» по отношению к описанию слов, правда, без «какой-либо заранее определенной процедуры», применил А.К. Жолковский [Жолковский 1964, с. 9]. О важности подобных работ писал Ю.Д. Апресян: «...теоретическая лингвистика сумела получить замечательные по глубине и подробности лексикографические портреты. <...> Такие штудии представляют интерес не только как источник новых общих принципов, но и как сокровищница конкретных результатов, находок и наблюдений...» [Апресян 1990, с. 128].

аспекты их функционирования, либо только на вносимые ими логико-семантические оттенки, в то время как одна и та же частица оказывается способной передать несколько коммуникативных линий одновременно: «они выражают отношение говорящего к слушающему, его установки, отношение к обсуждаемой ситуации, его внутренние предпосылки, его намерения, его эмоции... частицы обладают способностью выражать минимальной ценой весь комплекс прагматических значений» [Wierzbicka 1976, p. 327].

Современная лингвистика соотносит их с так называемыми дискурсивными словами, под которыми «имеются в виду единицы, которые, с одной стороны, обеспечивают связность текста и, с другой стороны, самым непосредственным образом отражают процесс взаимодействия говорящего и слушающего, позицию говорящего: то, как говорящий интерпретирует факты, о которых он сообщает слушающему, как он оценивает их с точки зрения степени важности, правдоподобности, вероятности, и т. п. Именно эти единицы управляют процессом общения: они выражают истинностные и этические оценки, пресуппозиции, мнения, соотносят, сопоставляют и противопоставляют разные утверждения говорящего или говорящих друг с другом, и проч.», – пишут А.Н. Баранов, В.А. Плунгян и Е.В. Рахилина, авторы «Путеводителя по дискурсивным словам русского языка» [Путеводитель 1993, с. 7]. «Такому классу слов, – продолжают они, – в традиционной терминологии нет названия (с некоторой осторожностью можно указать на определенную близость дискурсивной лексики к классу (модальных) частиц)» [Путеводитель 1993, с. 7]. В то же время К.Л. Киселева и Д. Пайар, соредакторы двух сборников статей, посвященных исследованию дискурсивных слов русского языка (1998 и 2003), непосредственно включают данные частицы в состав дискурсивной лексики, более того, считают их, наряду с модальными словами, ее ядром [Дискурсивные слова 1998, с. 7–8].

1. Семантико-прагматическая структура частицы *даже*

1.1. Утвердительный контекст

1.1.1. Базовое толкование

Семантика частицы *даже* освещается во многих лингвистических работах. В рамках Московской семантической школы сформировалось определенное общее представление о значении *даже* [Крейдлин 1975; Апресян 1995; Богуславский 1985; Богуславский 1996]. Это представление можно сформулировать «на специальном формальном метаязыке, имеющем свой словарь и синтаксис» [Апресян 1995, с. 466] в виде следующего семантико-прагматического толкования (1') примера (1):

1) [...Отсутствие Григория Григорьевича заметно было во всем. Хозяйка сделалась словоохотнее и открывала сама, без просьбы, множество секретов насчет делания пастилы и сушения груш.] *Даже барышни стали говорить...* (Н.В. Гоголь. Иван Федорович Шпонька и его тетушка [1831–1832]).

Толкование 1':

- а) Барышни (Q), присутствовавшие в гостиной с хозяйкой и гостями (принадлежащий множеству R), стали говорить (обладает свойством P);
- б) существуют некоторые Q', отличные от барышень, – другие присутствовавшие ($\hat{I} R$), которые тоже говорили (P_Q);
- в) можно было с меньшим основанием ожидать того, что барышни станут говорить, чем того, что заговорят остальные присутствовавшие;
- г) говорящий **не** ожидал того, что барышни станут говорить'.

Как видно, частица *даже* создает структурированный пресуппозиционный фон², в котором выделяются три взаимосвязанных уровня.

Во-первых, она вводит в общую семантику высказывания указание на существование некоторого объекта(-ов) Q', про который(-ые) сообщается, что он(они) так же, как и Q, обладает(-ют) свойством P (компонент б). Этот феномен был назван в лингвистической литературе «**экзистенциальной импликатурой**», или «**импликатурой существования**» [Karttunen-Peters 1979; Богуславский 1996, с. 307]. Замечу, речь идет не об экзистенциальной пресуппозиции, которая в высказывании (1) будет следующей: 'существуют некие барышни'. Экзистенциальная импликатура³ – это семантическая пресуппозиция существования некоторого, формально не выраженного объекта(-ов), вызываемая самой частицей.

² Еще А.М. Пешковский писал: «Всякое усиление выступает всегда на фоне чего-то неусиленного, а этот фон дается (или предполагается) в предыдущей речи. Если мы говорим: “даже он мне не помог”, то перед этим как бы мелькает в сознании “никто не помог”, и с этой отсутствующей речью и связывает данную речь слово “даже» (выделено мной. – К. А.) (Пешковский А.М. Наш язык. Ч. 1: Книга для учителя. М.: Госиздат, [Б.г.] (1-е изд. – 1922 г., цит. по 3-ему изд.). URL: http://elib.gnpbu.ru/text/peshkovsky_nash-yazyk_ch-1_dlya-uchitelya/ [дата обращения 06.09.2021]).

³ Термин «импликатура» используется нами в соответствии с грайсовским пониманием конвенциональных импликатур, связанных с лингвистическим содержанием высказывания, выводимых из значения составляющих его слов.

Во-вторых, в высказываниях с частицей *даже* имеется представление о некоторой пресуппозиционной шкале ожиданий, «на которой частица *даже* производит нечто вроде градуирования» [Крейдлин 1975, с. 105]. Компонент (в) представляет **скалярную импликатуру**, ранжирующую пресуппозиционную шкалу ожиданий и маркирующую позицию выделяемого элемента Q на ней. Скалярная импликатура указывает на то, что элемент Q и элементы Q' – члены множества R – частично упорядочены «в соответствии с тем, насколько вероятным, нормальным, обычным, соответствующим естественному ходу вещей представляется говорящему тот факт, что данный элемент обладает свойством P » [Богуславский 1996, с. 307]. Фактически Q занимает на этой градуированной шкале вероятности **последнее, крайнее место**, как **наименее** вероятный, нормальный, обычный элемент, обладающий свойством P .

И наконец, компонент (г) – **импликатура неожиданности, выражающая значение обманутого ожидания/неожиданности**. Частица *даже*, отсылая к сформированному в сознании говорящего представлению о некотором естественном ходе событий, о некоей норме, указывает на то, что реальное положение дел не соответствует этой норме.

В целом данное толкование восходит к статье Г.Е. Крейдлина «Лексема *даже*» (1975) и в основном к работам И.М. Богуславского «Исследования по синтаксической семантике» (1985) и «Сфера действия лексических единиц» (1996), правда, И.М. Богуславский завершает главу о частице *даже* словами о необходимости изъятия скалярной импликатуры из толкования частицы, в чем мы с ним не согласны.

Анализ функционирования *даже* позволяет заметить большую частотность примеров, в которых валентность R эксплицитно не выражена. В этом случае она представляет собой универсальное ассоциированное множество:

2) [Она [«Одиссея» в переводе Жуковского] вновь даст почувствовать всем нашим писателям ... старую истину: до тех пор не приниматься за перо, пока все в голове не установится в такой ясности и порядке, что] ***даже* ребенок в силах будет понять и удержать все в памяти** (Н.В. Гоголь. Выбранные места из переписки с друзьями [1843–1847]),

где Q – ‘ребенок’, обладающий свойством P – ‘в силах будет понять и удержать все в памяти’ – и входящий в универсальное ассоциированное множество R – ‘читатели (разных возрастов)’. В этом случае говорящий (автор) и слушающий (читатель) «сами производят сужение этого множества, исходя из своего понимания описываемой ситуации» [Богуславский 1996, с. 309].

1.1.2. Модификации толкования

1-ая модификация

В большинстве случаев свойство P принадлежит и Q , и Q' . Но встречаются также случаи, когда элементы множества R предположительно, но вовсе не обязательно обладают свойством P . Более того, модификации может подвергаться толкование самого ассоциированного множества. В примере (3):

3) [То, разметавшись в обворожительной нагоде,] *которую ночной мрак скрывал **даже** от нее [Оксаны] самой*, [она почти вслух бранила себя] (Н.В. Гоголь. Ночь перед Рождеством [1831–1832]) –

вовсе не подразумевается, что обворожительную наготу Оксаны ночной мрак скрывал еще от кого-либо, кроме нее самой. Говорится только, что ночной мрак был настолько непроницаем, что если бы в спальне Оксаны оказались и другие люди, то ее обворожительная нагота была бы скрыта и от них⁴. Следовательно, в множестве R существует или **мог бы существовать** такой элемент(ы) Q' , отличный от Q , который обладает свойством P или **мог бы им обладать**.

Это уточнение позволяет интерпретировать и другие классы предложений-высказываний, плохо согласующихся с утверждением о существовании элементов Q' , которые непременно обладают свойством P :

4) [*Через четверть часа все были в самом оживленном разговоре.*] *Даже Раскольников, хоть и не разговаривал, но некоторое время внимательно слушал* (Ф.М. Достоевский. Преступление и наказание [1866]).

В нем специально оговаривается отсутствие свойства P – ‘разговаривать’ у выделяемого элемента Q : *Раскольников, хоть и не разговаривал...* Уместность же *даже* в данном предложении определяется на основе, скажем так, «текстуальной пресуппозиции». Мы имеем в виду те знания, ту информацию, которую читатель получает о герое произведения (в том числе и его психологический портрет) в предшествующем тексте: в данном случае актуальны такие характерные его черты, как необщительность, замкнутость в себе. Соответственно, уже простая заинтересованность Раскольникова в разговоре фиксируется автором как необычный факт. (Надо заметить, что «оживленный разговор» в этом отрывке идет отнюдь не об убийстве старухи-процентщицы, поэтому он подается писателем как разговор, **не представляющий** интереса для героя. В противном случае, Раскольников не просто вслушивается в каждое слово и интонацию, но становится невероятно мнительным).

⁴ Правда, ночной мрак не скрыл ее от рассказчика.

2-я модификация

Аналогичные модификации в интерпретации валентностей R и P чаще всего наблюдаются в тех предложениях-высказываниях, в которых сферой действия *даже* является предикат. В них частица синтаксически взаимосвязана со словом, которое обозначает некоторое свойство, приписываемое субъекту. Поскольку элемент Q сам становится обозначением свойства, несколько изменяется представление семантико-прагматической структуры частицы. В примере (5):

5) [Этот вопрос, казалось, затруднил гостя, в лице его показалось какое-то напряженное выражение,] *от которого он [Чичиков] даже покраснел...* (Н.В. Гоголь. Мертвые души [1842]) –

эксплицированного элемента Q' нет, но из этого не следует, что из толкования *даже* необходимо исключить валентность R. Данный пример можно интерпретировать следующим образом: 'Чичиков мог бы не покраснеть (Q'), но он покраснел (Q); то, что Чичиков покраснеет, менее всего отвечало ожиданиям говорящего (повествователя)'. Значит, если сферой действия *даже* является предикат, то свойство P, приписываемое элементу Q, есть **актуализованность** в высказывании предиката, принадлежащего множеству всех потенциальных и ситуационно релевантных предикатов, составляющих R.

Но что еще более важно в этих примерах, так это сигнализирование посредством частицы *даже* большей семантико-прагматической значимости актуализированной пропозиции по сравнению с ожидаемой: в данном случае актуализированная пропозиция оказывается «большой», чем ожидаемая, с точки зрения степени проявления интегрального предикативного признака.

Таким образом, частица *даже* формирует одновременно две шкалы градуирования: сигнализирует о наименьшем ожидании реализации Q при наибольшей степени актуализации заданного предикативного признака, когда он доходит до (относительно) максимального предела своего развития.

Приведем несколько примеров:

6) – *Она так талантлива, что мне даже страшно* (Джим Кэри – изнутри и снаружи // Экран и сцена. 2004. 05. 06);

7) *Такой построился ассоциативный ряд, что я даже удивилась* (Светлана Ткачева. Тамара Гвердцители: «Не умею учиться на чужих ошибках» // 100% здоровья. 2003. 01. 15);

8) *[И вот неожиданно одна [туша] у нас с Валентином Михайловичем соскользнула и ударила меня по голове]. Да так сильно, что я даже потерял сознание* (Эльвира Савкина. Если впрягаюсь, то основательно // Дело (Самара). 2002. 05. 03).

1.2. Отрицательный контекст

Данное толкование реализуется в утвердительных контекстах. Однако частица *даже* не менее часто встречается в отрицательных контекстах, причем как в конструкциях с нейтральным отрицанием, так и в конструкциях с противопоставительным отрицанием. При этом в толковании частицы происходят изменения.

1.2.1. Нейтральное отрицание

Контекст нейтрального отрицания кардинально изменяет позицию ядерного элемента Q на градационной «шкале ожиданий»: он переносится с одной крайней позиции – «полюса наименьшей вероятности» – в другую крайнюю позицию – «полюс наибольшей вероятности», т. е. ядерное слово, выделяемое частицей *даже*, на шкале вероятности скалярной импликатуры занимает уже не последнее, наименее вероятное и менее всего ожидаемое место, а первое место, наиболее вероятное и более всего ожидаемое. В этой ситуации «шкала ожиданий **инвертируется**» [Богуславский 1996, с. 351], при этом индекс максимального предела Q сменяется на индекс минимального предела. Это подтверждается и трансформациями в импликатуре обманутого ожидания в толкованиях примеров с подъемом отрицания и заменой *даже* на *хоть*, *хотя бы*⁵.

Нейтрально-отрицательный контекст представлен в примере (9):

9) [– Сидит у меня на шее твой отец! я до сих пор разгадать его не могу. <...> Не захотел выпить *меду*! слышишь, Катерина, не захотел *меду* выпить... <...>] *Горелки даже не пьет!* (Н.В. Гоголь. Страшная месть [1831–1832])

Его можно интерпретировать следующим образом: г) ‘говорящий (Данило) не ожидал того, что отец Катерины не пьет (*даже*) горелки – он ожидал, что отец Катерины (*хоть/хотя бы/по крайней мере*) горелку пьет’.

Примеры с нейтральным отрицанием:

10) *Но это так необыкновенно, что даже Стравинский, гениальный психиатр, вам, конечно, не поверил* (М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита, часть 1 [1929–1940]).

11) *По вынужденной арестантской привычке они разговаривали тихо, так что даже Серафима Витальевна, сидевшая против Нержина, не должна была слышать их* (А. Солженицын. В круге первом, т. 1, гл. 1–25 (1968) // Новый мир. 1990).

⁵ О выражении частицами *хотя бы* и *хоть* значения предела нормы (минимального – в контексте удовлетворительности, и максимального – в контексте допустимости) см. в: [Паршин 2003; Апресян 1999, с. 33–44].

Прежде чем переходить к рассмотрению функционирования частицы *даже* в конструкциях с противопоставительным отрицанием, представляющих собой разновидность градационных синтаксических структур, необходимо рассмотреть *даже* в собственно **градационных конструкциях**. Дело в том, что одной из наиболее частотных для *даже* синтаксических позиций является функционирование в конструкциях с однородными членами, оформленных соединительным союзом *и*. Каноническая модель такой конструкции выглядит следующим образом: а, б и **даже** с (= Q₁, Q₂ и даже Q):

12) *Конечно, почтмейстер и председатель и даже сам полицмейстер, как водится, подшучивали над нашим героем...* (Н.В. Гоголь. Мертвые души [1842])

13) *Были там всякие: и Парамонов, и Пименов, и Пантелеймонов, и даже выглянул какой-то Григорий Доезжай-не-доедешь...* (Н.В. Гоголь. Мертвые души [1842])

14) *Исчезло и скрылось существо, никем не защищенное, никому не дорогое, ни для кого не интересное, даже не обратившее на себя внимания и естество наблюдателя, не пропускающего посадить на булавку обыкновенную муху и рассмотреть ее в микроскоп...* (Н.В. Гоголь. Шинель [1842])

При сопоставлении толкования частицы с семантикой вышеприведенных предложений становится очевидно, что речь идет фактически об экспликации на синтаксическом уровне – в градационных конструкциях – **скалярной имплицатуры**, играющей одну из первостепенных ролей при описании *даже*.

Исследование градационных отношений, оформляемых частицей *даже* в утвердительных конструкциях, обнаружило **две различные их разновидности** – **лексико-семантическую градацию и прагмасемантическую градацию**. Разница между ними заключена в принципе образования ассоциированного множества. В первом случае градационные отношения наличествуют уже на лексико-семантическом уровне, в то время как прагмасемантическая градация устанавливается самой частицей и лишь опосредованно зависит от лексического значения сопоставляемых компонентов. Прагмасемантические градационные отношения мы наблюдаем в примерах (15–16):

15) *Для милого, для обожаемого человека продаст! Вот в чем вся штука-то и состоит: за брата, за мать продаст! Все продаст! ...Свободу, спокойствие, даже совесть, все, все на толкучий рынок снесем. Пропадай жизнь!* (Ф.М. Достоевский. Преступление и наказание [1866]).

16) – *Сейчас больше даём, – сказал референт, – на подземных работах выписываем мясо, молоко и даже рис* (Ю.О. Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 5 [1978]).

Множество R при прагмасемантических градационных отношениях образуется из релевантных в данном контексте элементов, ассоциативно объединенных благодаря актуализации в конкретном высказывании определенного коммуникативно значимого признака в качестве интегрального и ранжируемых в соответствии с индивидуальной нормативно-ценностной картиной мира говорящего. В зависимости от изменения целеустановки говорящего или смены говорящего в процессе коммуникации расположение элементов при прагмасемантической градации может изменяться. Отношение между сопоставляемыми компонентами можно сформулировать как: «а» и даже «В», где «В» по степени проявления коммуникативно актуального признака «больше», чем «а». В прагмасемантических градационных примерах с опущением частицы *даже* отношение градации чаще всего утрачивается.

В примерах (17–18) представлена лексико-семантическая градация:

17) *К аккордеону подсоединились баян и барабан, музыка сделалась объёмистой, громче, смех и даже хохот катались по перрону* (Виктор Астафьев. Пролетный гусь [2000]).

18) *С одной стороны, ей хотелось избить и даже убить Володьку, чтобы не достался никому* (Токарева Виктория. Своя правда // Новый мир. 2002).

При лексико-семантической градации отношение между Q' и Q можно передать следующим образом: «а» и даже «А», где «А» семантически включает (или может включать) «а» и вносит в него поправку, уточнение за счет усиления, нарастания лексически зафиксированного в языке (эмоционально-оценочного) значения: *смех и даже хохот; избить и даже убить*. Перестановка элементов Q' и Q приводит к аномалии: **хохот и даже смех, *убить и даже избить*. В то же время элементы Q' и Q при прагмасемантических градационных отношениях могут подвергаться этой перестановке, правда, с неизбежным изменением смысла высказывания. Ведь при прагмасемантических градационных отношениях часто речь идет о некотором субъективном видении мира: интерпретация градуируемых элементов этих высказываний обусловлена той специфической моделью нормативно-ценностной картины мира и, в частности, моделью текущей – соответственно уникальной – ситуации, которая закодирована в них языковыми средствами говорящим; соотношение градуируемых компонентов носит в них не семантический (в узком смысле), а прагматический характер. Так, пример (15) непосредственно отражает нормативно-ценностную картину мира Ф.М. Достоевского: понятие нравственного выбора, совести является краеугольным камнем в его мировоззре-

нии. Для сравнения допустим, что данный отрывок произносится лермонтовским героем, Печориным (или другим персонажем романтической литературы – байроновским, раннего Пушкина...). Несомненно, «культинационным» элементом градации стала «свобода» (Ср.: «Я готов на все жертвы, кроме этой; двадцать раз жизнь свою, **даже** честь поставлю на карту... но **свободы** моей не продам» (Лермонтов)).

1.2.2. Противопоставительное отрицание

Противопоставительное отрицание распространено так же широко и встречается так же часто, как и нейтральное. Каноническая структура противопоставительного отрицания с частицей *даже* – цепочка однородных членов с союзом *а*: **не А и даже не В, а С** (= не Q'_1 и даже не Q_2 , а Q'_2):

19_а) *Иван купил не Opel и **даже** не Mercedes, а Ferrari.*

20_а) *Петр одолжил Ивану не сто долларов и **даже** не пятьсот, а тысячу.*

19_б) *Иван купил не Ferrari и **даже** не Mercedes, а Opel.*

20_б) *Петр одолжил Ивану не тысячу и **даже** не пятьсот, а сто долларов.*

Сама структура указывает на выражение градационных отношений, причем градация может быть как восходящей (возрастающей по значимости) – примеры (19_а) и (20_а), так и нисходящей (убывающей по значимости) – (19_б) и (20_б) или (в терминологии И.М. Богуславского) – градацией *crescendo* и градацией *diminuendo*. Отметим, что, помимо рассмотренной канонической конструкции, существуют и другие варианты выражения противопоставительного отрицания, различающиеся степенью выраженности элементов А и С, среди которых особенно употребительна структура с отсутствующим А: **даже не В, а С**:

crescendo: 21) *Я имею в виду, естественно, не одного человека и **даже** не одну группу людей, а какое-то множество* (Сергей Старостин, Григорий Зеленко. У человечества был один праязык // Знание – сила. 2003).

22) *Теперь из армии бегут уже не в одиночку и **даже** не мелкими группами, а целыми подразделениями* (Павел Воцанов. Правительство троечников // Новая газета. 2003. 01. 23).

diminuendo: 23) *И чем больше презирал себя за это Тимницын, тем сильнее лез из кожи вон, чтобы заслужить, нет, не любовь, **даже** не благосклонность, а только возможность находиться рядом* (Сергей Шикера. Стень (1998) // Волга. 2009).

24) *Во всякое переходное время подымается эта сволочь, которая есть в каждом обществе, и уже не только безо всякой цели, но*

даже не имея и признака мысли, а лишь выражая собою из всех сил беспокорство и нетерпение (Ф.М. Достоевский. Бесы [1871–1872]).

Согласно И.М. Богуславскому, при восходящей градации элементы располагаются *от самого вероятного к самому неожиданному*, при нисходящей же градации расположение элементов обратное – *от самого неожиданного к самому ожидаемому, естественному, «банальному»* [Богуславский 1996, с. 350–356]; [Богуславский 1985, с. 142–149]). На наш взгляд, уважаемый И.М. недостаточно строго придерживается дифференциации двух скалярных осей – шкалы ожиданий и шкалы интегрального признака. В противоположность его мнению, мы считаем, что *в обоих случаях* на шкале ожиданий градуируемые элементы располагаются только в одном направлении – *в сторону возрастания неожиданности*. В конце концов, это обусловлено самой структурой противопоставительного отрицания – *не А, а В*, предполагающей своего рода полемику: некто (возможно, сам говорящий в прошлом) полагал или мог полагать, что А; говорящий (теперь) отвергает эту точку зрения и противопоставляет ей В. Возникает справедливый вопрос: почему же мы выделяем не только возрастающую, но и убывающую градацию, в которой просто бросается в глаза «бóльшая естественность» элемента С? Ответим: эта «естественность», «стандартность» действительно имеет место, правда, на другой, второй градационной шкале интегрального признака, который в примерах (19 и 20) можно обозначить как *прагматический статус градуируемых элементов*. Перед нами прагматически ориентированная шкала, образуемая в результате синтеза объективных норм, общественно значимых, генерализованных и субъективных оценок, – шкала, являющаяся проекцией нормативно-ценностной картины мира говорящего. Фактически именно на ней происходит возрастание либо убывание градации в анализируемых примерах.

Рассматриваемые две группы примеров сознательно даны нами как конструкции с одинаковой синтаксической структурой и одинаковым лексическим наполнением, но разным порядком следования лексем и, соответственно, различным осмыслением:

19) *Иван купил не Opel и даже не Mercedes, а Ferrari.*

Векторы развертывания градуируемых элементов на двух скалярных осях однонаправленны, совпадают. На шкале ожиданий мы фиксируем *повышение неожиданности* того, что элементы А, В и С обладают свойством Р: ‘говорящий не ожидал, что Иван купит *Ferrari*; он предполагал, что Иван купит *Opel* или – по крайней мере – *Mercedes*’.

На второй скалярной оси перед нами также типичная восходящая градация: прагматический статус элементов А, В и С по мере их линейного развертывания в предложении *возрастает*.

19_о) *Иван купил не Ferrari и даже не Mercedes, а Opel.*

В данном случае векторы развертывания сопоставляемых элементов на двух градационных осях разнонаправленны. На шкале ожиданий вновь происходит *повышение неожиданности*, только в этом предложении для говорящего неожиданнее всего то, что Иван купил *Opel*: он (говорящий) был готов к тому, что Иван купит *Ferrari* или – в крайнем случае – *Mercedes*, но не *Opel*.

На шкале же «прагматического статуса» перед нами *нисходящая* градация, так как прагматический статус элементов А, В и С *убывает* по мере линейного развертывания их в предложении.

Возможность существования в языке подобных конструкций, имеющих одинаковую структуру, но разный тип осмысления, обусловлена различными интерпретациями их семантического наполнения, зависящими от того, каким из двух противоположных способов «погружается в действительность» формальная структура этих конструкций и главное – как она согласуется с нормативно-ценностной картиной мира говорящего.

В конструкциях с градациями *crescendo* и *diminuendo* часто при последнем компоненте С находится некий модификатор, маркирующий положение этого элемента на *второй* градационной шкале. Возрастание либо убывание прагматического статуса фиксируется посредством двух семантических классов слов: интенсификаторами типа *прямо-таки, более того, сразу, целый* и др. при восходящей градации – и словами с ограничительной (лимитативной) семантикой (частицами, наречиями) типа *только, лишь, всего-навсего, всего лишь* и др. при нисходящей градации.

Теперь необходимо рассмотреть семантику самой частицы *даже* в пределах данной структуры. Значение *даже* в этих конструкциях отличается от семантики *даже* в утвердительных и даже в отрицательных, но нейтральных контекстах. В конструкциях с противопоставительным отрицанием мы сталкиваемся с неразрешимой, на первый взгляд, проблемой: элемент Q – выделяемое частицей *даже* слово – занимает, казалось бы, *не крайнее* – самое неожиданное (как при утверждении) или самое ожидаемое (как при нейтральном отрицании), – а некоторое *срединное* между элементами А и С место: ожидаемый А – *менее ожидаемый* = *более неожиданный* В – самый неожиданный С. Именно это обстоятельство заставляет И.М. Богуславского усомниться в необходимости использования градационной шкалы ожиданий при толковании частицы и даже вовсе отказаться от нее: «Необходимо ослабить традиционное толкование *даже*, выведя из него представление о шкале ожиданий» [Богуславский 1996, с. 362]. Между тем анализ этих предложений выявляет

чрезвычайно важный факт: в градационной структуре в контексте противопоставительного отрицания при нейтрализации имплицатуры неожиданности под воздействием противопоставительной семантики союза *a*, смещающей значение «обманутого ожидания» из СД частицы в свою СД, – предельно наглядно отражается специфика двойной скалярной имплицатуры. *Даже* выделяет все-таки крайний, как максимально, так и минимально предельный элемент в ряду однородных, а главное, ситуационно релевантных элементов, т. е. актуализация $Q (=B)$ в представлении говорящего потенциально возможна в заданной ситуации, чего не скажешь об элементе *C*, вводимом союзом *a*. Эту особенность легко продемонстрировать, обратившись к категории нормы: в данном случае *даже* не выражает нарушения нормы, она прагматически связана лишь с фиксированием *крайнего допустимого* предела нормы, с выражением «предела приемлемости» указанного ядерного элемента Q , что эксплицировано выше в комментариях к примерам 19_a и 19_b – в выражениях «по крайней мере», «в крайнем случае». Нарушение же нормы в этих конструкциях вызвано не функционированием частицы *даже*, а противопоставительной семантикой самой структуры с сочинительным союзом *a* и наличием элемента *C*.

Завершая рассмотрение функционирования частицы *даже* в контексте противопоставительного отрицания, обратимся к специфической градационно-уточнительной конструкции, в которой говорящий сначала утверждает нечто об элементе Q , а затем вносит уточнение или даже исправление, говоря, что это утверждение правильнее отнести к элементу Q' . Так же, как и в канонической противопоставительной конструкции, в данной синтаксической структуре мы фиксируем два вида градации – восходящую («*a*» и даже не «*a*», а « A/B ») и нисходящую (« A » и даже не « A », а « a/b »):

Crescendo: 25) [– У вас, значит, и вечерние занятия? – Да, то есть нет, только весной – к отчету подгоняем...] Да скверно, знаете... **Даже** не скверно, собственно говоря, а прямо-таки – подло... (И.А. Бунин. Вести с родины [1893])

26) В последние годы им сделана в дневнике такая запись: “Что мне какой-то там театр? Или цирк? Для меня весь мир театр”. Нет, **даже** не мир, а целая галактика (Ю.О. Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 1 [1978]).

Diminuendo: 27) Никакая логика и ничьи экстазы не разубедят меня в невозможной глупости моего положения, – положения раба божьего, – **даже** не раба, а какой-то спички, которую зря зажигает и потом гасит любознательный ребенок – гроза своих игрушек (В.В. Набоков. Отчаяние [1932]).

28) *Это заиграл первый тетерев. Даже не заиграл, а только попробовал, только показал: здесь, мол, я* (Юрий Коваль. Лесник Булыга [1985]).

В этой нестандартной конструкции значение неожиданности становится наиболее важным при описании семантики *даже*. Особый вес прагматическому блоку «неожиданности» придает то, что он возникает из противоречия предшествующему контексту: неожиданность того, что Q не обладает свойством P, возникает постольку, поскольку говорящий сам только что сказал прямо противоположное. Специфическая черта этой конструкции заключается в следующем «прагматическом эффекте»: говорящий как будто ищет наиболее точное обозначение 'Q' и в конце концов находит – как нечто неожиданное, непредвиденное (по крайней мере для слушающего): в результате этого поиска, этой замедленной «подготовки» слушающего возрастает весомость самого обозначения:

29) – *Позвольте, – говорю, – я этого не утверждал...*

– *Нет, утверждал. Как ты поселился к нам – ты каждый день это утверждаешь. Не словом, но делом. Даже не делом, а отсутствием этого дела. Ты негативно это утверждаешь...* (Венедикт Ерофеев. Москва–Петушки [1970]).

Заключение

Мы постарались представить небольшой фрагмент исследования, посвященного изучению такой специфической языковой единицы, как логико-модальная частица, – этого своеобразного предложенческого «вируса», который, вклиниваясь в структуру высказывания, «заражает» его – создает вокруг него особый семантико-прагматический мир. При противопоставительном отрицании – в конструкциях с восходящей и нисходящей градацией – при нейтрализации импликатуры неожиданности раскрывается механизм актуализации двойной скалярной импликатуры: при сохранении направленности вектора на шкале ожиданий – от наиболее ожидаемого к наименее ожидаемому и, наконец, к неожиданному элементу, вектор на второй шкале – интегрального предикативного признака – получает возможность изменять свое направление от наименьшей к наибольшей степени его актуализации и наоборот. Контекст противопоставительного отрицания также позволяет описать одно из важных свойств скалярной импликатуры: *даже* указывает на «предел приемлемости» ядерного элемента Q, на то, что его актуализация в принципе потенциально возможна в заданной ситуации.

Благодарности

Работа выполнена в рамках реализации проекта «Учебно-методическое обеспечение деятельности Славянских университетов» (государственное задание, паспорт № 2881-21).

Acknowledgements

The research was carried out within the scope of the project “Educational and methodological support for the Slavonic universities’ activities” (state assignment, passport No. 2881-21).

Литература

- Айрапетян, Акопян 2019 – *Айрапетян Г.А., Акопян К.С.* Семантико-прагматические и идиостилистические функции логико-модальных частиц (на примере анализа логико-модальной частицы *даже* в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание») // IV Международная научно-практическая конференция «Русский язык на перекрестке эпох: традиции и инновации в русистике» (26–28 сентября 2019): Сб. научных статей. Ч. 1: Ереван: Изд-во РАУ, 2019. С. 40–46.
- Акопян 2017 – *Акопян К.С.* Микромир частицы *даже*: семантико-прагматические особенности функционирования при отрицании // Вестник РАУ. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2017. № 1. С. 152–166.
- Апресян 1990 – *Апресян Ю.Д.* Формальная модель языка и представление лексико-графических знаний // Вопросы языкознания. 1990. № 6. С. 123–139.
- Апресян 1995 – *Апресян Ю.Д.* Лексическая семантика: Синонимические средства языка // *Апресян Ю.Д.* Избранные труды. Т. 1. 2-е изд., испр. и доп. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. 472 с.
- Апресян 1999 – *Апресян В.Ю.* Уступительность в языке и слова со значением уступки // Вопросы языкознания. 1999. № 5. С. 24–44.
- Богуславский 1979 – *Богуславский И.М.* О соотношении семантических и синтаксических свойств некоторых ограничительных частиц в русском языке. М., 1979. 237 с.
- Богуславский 1985 – *Богуславский И.М.* Исследования по синтаксической семантике. М.: Наука, 1985. 176 с.
- Богуславский 1996 – *Богуславский И.М.* Сфера действия лексических единиц. М.: Школа «Языки славянской культуры», 1996. 464 с.
- Вежбицка 1968 – *Вежбицка А.* Наброски к русско-семантическому словарю // Научно-техническая информация. Сер. 2 «Информационные процессы и системы». № 12. М.: ВИНТИ, 1968. С. 23–28.

- Дискурсивные слова 1998 – Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания / Под ред. К. Киселевой, Д. Пайара. М.: Метатекст, 1998. 446 с.
- Жолковский 1964 – *Жолковский А.К.* Лексика целесообразной деятельности // Машинный перевод и прикладная лингвистика. Вып. 8. М.: Изд-во МГПИИЯ, 1964. С. 67–104.
- Крейдли 1975 – *Крейдли Г.Е.* Лексема *даже* // Семиотика и информатика. Вып. 6. М.: ВИНТИ, 1975. С. 102–114.
- Кривонос 1984 – *Кривонос Б.А.* Имплицирующие частицы английского языка // Грамматика и семантика предложения: Лингвистические исследования, 1984. М.: АН СССР, Ин-т языкознания, 1984. С. 89–97.
- Николаева 1985 – *Николаева Т.М.* Функции частиц в высказывании: (на материале славянских языков). М.: Наука, 1985. 170 с.
- Паршин 2003 – *Паршин П.Б.* Уступка и антиуступка в деонтическом диалоге (функционирование лексемы *хоть*) // Логический анализ языка: Избранное: 1988–1995: Референция и проблемы текстообразования. М.: Индрик, 2003. С. 149–169.
- Путеводитель 1993 – *Баранов А.Н., Плунгян В.А., Рахилина Е.В.* Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М.: Помовский и партнеры, 1993. 207 с.
- Торопова 1980 – *Торопова Н.А.* Семантика и функции логических частиц: (на материале немецкого языка). Саратов: Изд-во СГУ, 1980. 174 с.
- Щербань 2001 – *Щербань Г.Е.* О функциях пропозициональных частиц в актуальном членении текста // Исследовано в России. 2001. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-funktsiyah-propozitsionalnyh-chastits-v-aktualnom-chlenenii-teksta> (дата обращения 06.12.2021).
- Gast 2017 – *Gast V.* *So much as* and *Even* in Downward-Entailing Contexts. A Quantitative Study Based on Data from the British National Corpus // Language Use and Linguistic Structure, Proceedings of the Olomouc Linguistics Colloquium 2016, Czech Republic, 2017. P. 377–399.
- Karttunen-Peters 1979 – *Karttunen L., Peters S.* Conventional Implicature // Syntax and Semantics. Vol. 11: Presupposition / Ed. by Ch. Oh and D.A. Dinneen. New York: Academic Press, 1979. P. 1–56. URL: <https://web.stanford.edu/~laurik/publications/ConvImp.pdf> (дата обращения 06.09.2021).
- Wierzbicka 1976 – *Wierzbicka A.* Particles and Linguistic Relativity // International Review of Slavic Linguistics. 1976. Vol. 1, no. 2–3. P. 327–367.

References

- Apresyan, Yu.D. (1990), “Formal Model of Language and Representation of Lexicographic Knowledge”, *Voprosy yazykoznaniiya*, no. 6, pp. 123–139.
- Apresyan, Yu.D. (1995), “Lexical Semantics. Synonymous Language Means”, *Izbrannyye trudy* [Selected Works], vol. 1, Shkola “Yazyki russkoy kul'tury”, Moscow, Russia.

- Apresyan, V.Yu. (1999), "Concession in Language and the Words with the Meaning of Concession", *Voprosy yazykoznaniya*, no. 5, pp. 24–44.
- Boguslavskii, I.M. (1979), *O sootnoshenii semanticheskikh i sintaksicheskikh svoystv nekotorykh ogranichitel'nykh chastic v russkom yazyke* [On the Correlation of the Semantic and Syntactic Properties of Some Restrictive Particles in the Russian Language], Moscow, Russia.
- Boguslavskii, I.M. (1985), *Issledovaniya po sintaksicheskoy semantike* [Researches in Syntactic Semantics], Nauka, Moscow, Russia.
- Boguslavskii, I.M. (1996), *Sfera deystviya leksicheskikh edinic* [The Scope of Lexical Units], Shkola "Yazyki russkoy kul'tury", Moscow, Russia.
- Kiseleva, K. and Payar, D. (ed.), *Diskursivnye slova russkogo yazyka: opyt kontekstno-semanticheskogo opisaniya* [Russian Discourse Markers: Contextual-semantic Description], Metatekst, Moscow, Russia.
- Gast, V. (2017) "‘So much as’ and ‘Even’ in Downward Entailing Contexts: A Quantitative Study Based on Data from the British National Corpus", *Language Use and Linguistic Structure, Proceedings of the Olomouc Linguistics Colloquium 2016*, Joseph Emonds, Markéta Janebová (eds.). Palacký University Olomouc, Czech Republic, pp. 377–399.
- Hakobyan, K.S. (2017), "The Microworld of the Particle Dazhe ['Even']: Some Semantic and Pragmatic Features of Functioning in Negation", *Vestnik RAU. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, no. 1, pp. 152–166.
- Hayrapetyan, G.A. and Hakobyan, K.S. (2019), "Semantic-pragmatic and Idiostylistic Functions of Logical-modal Particles (Based on the Analysis of the Particle Dazhe ['Even'] in F.M. Dostoevsky's Novel 'Crime and Punishment')", in *IV Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferenciya "Russkiy yazyk na perekrestke epokh: tradicii i innovacii v rusistike". Sbornik nauchnykh statey*. Ch. 1 [4th International Scientific and Practical Conference "Russian Language at the Crossroads of Epochs: Traditions and Innovations in Russian Linguistics"], Izd-fnel'stvo RAU, Yerevan, Armenia, pp. 40–46.
- Karttunen, L. and Peters, S. (1979), "Conventional Implicature", in Dinneen, Ch. Oh and D.A. (ed.), *Syntax and Semantics, vol. 11. Presupposition*, Academic Press, New York, USA, pp. 1–56.
- Kreydlin, G.E. (1975), "Lexeme Dazhe ('Even')", in *Semiotika i informatika, vyp. 6* [Semiotics and Informatics, issue 6], Moscow, Russia, pp. 102–114.
- Krivososov, B.A. (1984), "Implicating Particles of the English Language", in *Grammatika i semantika predlozheniya. Lingvisticheskie issledovaniya, 1984* [Grammar and Semantics of the Sentence. Linguistic Research, 1984], Institut yazykoznaniya, Moscow, Russia, pp. 89–97.
- Nikolayeva, T.M. (1985), *Funkcii chastic v vyskazyvanii (na materiale slavjanskikh yazykov)* [Functions of Particles in Utterance (on Data of Slavic Languages)], Nauka, Moscow, Russia.
- Parshin, P.B. (2003), "Concession and Anti-concession in Deontic Dialogue (Functioning of the Lexeme khot')", in *Logicheskii analiz yazyka. Izbrannoe. 1988–1995* [Logical

- Analysis of Language. Selected: 1988–1995], Indrik, Moscow, Russia, pp. 149–169. (Referenciya i problemy tekstoobrazovaniya)
- Baranov, A.N., Plungyan, V.A. and Rakhilina, E.V. (1993), *Putevoditel' po diskursivnym slovam russkogo yazyka* [Guide to the Discursive Words of the Russian Language], Pomovskii i partner, Moscow, Russia.
- Toropova, N.A. (1980), *Semantika i funkcii logicheskikh chastic (na materiale nemeckogo yazyka)* [Semantics and Functions of Logical Particles (on Data of the German Language)], Izdatel'stvo SGU, Saratov, Russia.
- Shcherban', G.E. (2001), "On the Functions of Propositional Particles in the Relevant Articulation of the Text", *Issledovano v Rossii* [Researched in Russia], available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-funktsiyah-propozitsionalnyh-chastits-v-aktualnom-chlenenii-teksta> (Accessed 6 Dec. 2021).
- Wierzbicka, A. (1968), "Outlines for the Russian-Semantic dictionary", *Nauchno-tekhnicheskaya informaciya. Ser. 2 "Informacionnye processy i sistemy"* [Scientific and technical information, "Information processes and systems" Series 2]. № 12. M. Str. 23–28.
- Wierzbicka, A. (1976), "Particles and Linguistic Relativity", *International Review of Slavic Linguistics*, vol. 1, no. 2–3, pp. 327–367.
- Zholkovsky, A.K. (1964), "Vocabulary of Purposeful Activity", in *Mashinnyj perevod i prikladnaya lingvistika, vyp. 8* [Machine Translation and Applied Linguistics, issue 8], Moscow, Russia, pp. 67–104.

Информация об авторе

Карен С. Акопян, кандидат филологических наук, доцент, Российско-Армянский (Славянский) университет, Ереван, Республика Армения; 0051, Республика Армения, Ереван, ул. Овсепя Эмина, д. 123; karen.hakobyan@rau.am

Information about the author

Karen S. Hakobyan, Cand. of Sci. (Philology), associate professor, Russian-Armenian (Slavonic) University, Yerevan, Armenia; bld. 123, Hovsep Emin St., Yerevan, Armenia, 0051; karen.hakobyan@rau.am

Вопрос о сложноподчиненном предложении
с придаточной частью места
в русской синтаксической науке

Азиз Т. Салоев

*Российско-Таджикский (Славянский) университет,
Душанбе, Таджикистан, saloev_aziz@mail.ru*

Аннотация. Настоящая статья посвящена комплексному описанию вопроса о сложноподчиненном предложении с придаточной частью места в русской синтаксической науке. В современном русском языке нет единой точки зрения относительно классификации сложноподчиненных предложений. В XIX в. в работах А.Х. Востокова и Н.И. Греча был употреблен термин «придаточное предложение». Позднее близкая к сегодняшнему дню классификация, включающая дополнительные (изъяснительные), определительные и обстоятельственные придаточные предложения, была изложена И.И. Давыдовым. Благодаря работам Ф.И. Буслаева вопрос получил дальнейшее развитие. Ему принадлежат попытки классифицировать обстоятельственные придаточные предложения. Среди грамматистов, рассматривавших придаточные предложения, следует особо выделить А.М. Пешковского, В.А. Белошапкова, В.В. Бабайцева, Л.Ю. Максимова. Структурно-семантический принцип в рассмотрении придаточных предложений использовали С.Е. Крючков и Л.Ю. Максимов [Крючков, Максимов 1977]. Этот принцип (в отличие от функционально-семантического) позволяет дать более полную характеристику предложению, так как он рассматривает, к чему и каким образом крепится предложение, учитывая при этом смысловые отношения двух частей сложноподчиненного предложения. Объектом исследования в данной статье является анализ функционально-семантических типов сложноподчиненных предложений с придаточной частью места в современном русском языке на материале произведений русских писателей.

Ключевые слова: сложноподчиненные предложения, придаточные места, пространство, синкретизм, обстоятельственные, компоненты

Для цитирования: Салоев А.Т. Вопрос о сложноподчиненном предложении с придаточной частью места в русской синтаксической науке // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2021. № 10, ч. 2. С. 232–240. DOI: 10.28995/2686-7249-2021-10-232-240

The issue of a complex sentence with adverbial clause of place in Russian syntax

Aziz T. Saloev

*Russian-Tajik (Slavic) University, Dushanbe, Tajikistan,
saloev_aziz@mail.ru*

Abstract. The article is devoted to a comprehensive description of an issue related to the complex sentence with adverbial clause of place in Russian syntax. There isn't unanimous opinion regarding the classification of complex sentences in modern Russian language. The term "subordinate clause" was used in the works of A.H. Vostokov and N.I. Grech in the 19th century. Later, a classification, close to the present day, including additional (explanatory), attributive and adverbial clauses was proposed by I.I. Davidov. Owing to the works of F.I. Buslaev, the issue was developed further. Attempts to classify adverbial clauses belong to him. It is necessary to highlight A.M. Peshkovsky, V.A. Beloshapkov, V.V. Babaytsev and L.Yu. Maximov among the grammarians considering subordinate clauses. The structural-semantic principle in considering subordinate clauses was used by S.E. Kryuchkov and L.Yu. Maksimov. That principle (in contrast to the functional-semantic one) allows more comprehensive characterizing the sentence, since it considers the way the sentence is attached, while taking into account the semantic relations of the two parts of a complex sentence. The object of research is the analyzing of the functional and semantic types of complex sentences with the adverbial clause of place in modern Russian language on the material of Russian writers' works.

Keywords: complex sentences, subordinate clauses of place, space, syncretism, adverbial, components

For citation: Saloev, A.T. (2021), "The issue of a complex sentence with adverbial clause of place in Russian syntax", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 10, part 2, pp. 232–240, DOI: 10.28995/2686-7249-2021-10-232-240

Специфика сложноподчиненных предложений в современном русском языке в последней трети двадцатого века претерпела значительные структурные изменения. По всей вероятности, на это повлияла работа главного управления отделом научного исследования в Московской академии наук. Вместо традиционных понятий грамматических структур сложных предложений были выделены нерасчлененные и расчлененные структуры [Бабайцева 2000].

Действительно, сложноподчиненные предложения с придаточным места могут относиться и к слову в главном предложении и ко всему главному предложению: *Молча порол Григорий лошадь кну-*

том, кружил над головой вожжи, не оглядываясь назад, откуда валом полз хриплый рвущийся вой. Валет некоторое время шел молча, поглядывая то назад, где строилась рота, то на крутой подбородок Ивана Алексеевича, на глубокую круглую ямку, приходившуюся как раз под серединой нижней губы (Шолохов М. Тихий Дон).

Придаточная часть места обозначает место или направление действия главной части сложноподчиненного предложения: *Везде, сказывают, хорошо, где нас нет, но тут и верно было не худо* (Распутин В. Пожар, с. 20). *Тут жизнь, как и везде, из целого числа превращалась в дробь с числителем и знаменателем, где непросто разобраться, что над чертой и что под чертой, и тут бы потихоньку раскошегарилось, раз такое одно на всех нынче время...* (Распутин В. Пожар, с. 9).

Сложноподчиненное предложение имеет в своем составе многочисленные компоненты самого разного значения: лексического, морфологического, синтаксического. Следовательно, такой тип предложения можно считать включающим ядерные части и малоупотребительные.

Ядерная часть сложного предложения дополняется придаточной частью, которая служит обозначением специфических особенностей смыслового содержания речи. В современном русском языке значение сложносочиненных, а также сложных бессоюзных предложений характеризуется в соответствии со структурой сложного предложения с придаточной частью.

Например, сложноподчиненные предложения расчленяются на многочисленные конкретные виды: СПП изъяснительные, атрибутивные, степени качества, меры, образа действия, пространственные, временные, сравнительные, причинные, условные, целевые, уступительные, следственные, присоединительные.

Мы сосредоточили внимание на анализе сложноподчиненного предложения с придаточным предложением места в современном русском языке на материале произведений русских писателей.

Придаточная часть места обозначает место или направление действия главной части сложноподчиненного предложения: *Там, где сердцевина кололась на три отножины и буерак покато стекал тремя черно-сизыми рукавами, волк вышел на чистое и, выгадав с сотню сажень, шибко шел под гору* (Шолохов М. Тихий Дон, с. 116). *Против чьего-то колодца, там, где скотина взмеси́ла осеннюю грязь, неловко оступилась, скользнув ногой по обмерзшей кочке, и, почувствовав резнувшую боль в животе, схватилась за колья плетня* (Шолохов М. Тихий Дон, с. 99). *В углу, там, где лежали попоны, густо толпились казаки – весь первый взвод* (Шолохов М. Тихий Дон, с. 145).

При помощи союзных слов **где, куда, откуда** придаточные места присоединяются к главной части: *У колена, там, где Дон, избочившись, заворачивает влево, образовался затор. Гул и скрежет налетающих крыг доносило до хутора* (Шолохов М. Тихий Дон, с. 112). **Там, где** пролилась эта струйка, остался не зарастающий волосом розовый и веселый косой шрам, будто неведомый зверек лизнул Сашку в бороду, положив след тонюсенького напильчатого языка (Шолохов М. Тихий Дон, с. 106). **Там, где** кончается пшеница, шафранная цветень донника (Шолохов М. Тихий Дон, с. 145).

Они могут восполнять отсутствующее в главной части обстоятельство места: **Там, где** шли бои, хмурое лицо земли оспой взрыли снаряды: ржавели в ней, тоскуя по человеческой крови, осколки чугуна и стали (Шолохов М. Тихий Дон, с. 172). *По степи, до самого желтеющего в дымчатой непрогляди бугра, вздували комочки пыли всадники, а там, где, выбравшись на шлях, скакали они толпою, тянулся к хутору серый хвостиче пыли* (Шолохов М. Тихий Дон, с. 147).

Они могут также раскрывать содержание соотносительных слов-обстоятельств, выраженных местоименными наречиями **там, туда, оттуда**: *Руки царя лежат неподвижно на коленях, а глаза, затененные глубокой мыслью, не мигая, устремлены на восток, в сторону Мертвого моря – туда, где из-за круглой вершины Аназе восходит в пламени зари солнце* (Куприн А. Поединок, с. 10); *Проезжая, заметил, что с левой стороны, там, где она вышла, – пятно и подтек крови на земле гораздо больше и мундир вырван хлопьями* (Шолохов М. Тихий Дон, с. 182). *Вечером пошла Суламифь в старый город, туда, где длинными рядами тянулись лавки менял, ростовщиков и торговцев благовонными снадобьями* (Куприн А. Поединок, с. 24).

Союзные слова обычно образуют пары: **туда – где, там – где, туда – куда, оттуда – откуда** и т. д.: **Оттуда, где** была река, веяло сыростью. *Второй неизвестный уходит туда, куда* ушли Манюшка и Первый неизвестный (Булгаков М. Мастер и Маргарита). **Куда** конь с копытом, **туда** и рак с клешней (посл.); *В сад оттуда, откуда* выходит Богомазов, *выходит Воронцова* (Булгаков. Последние дни). *Он выехал оттуда, откуда* съезжали во двор лошади (Толстой Л. Кавказский пленник). **Откуда** ветер, **оттуда** и счастье (Лермонтов М. Герой нашего времени, с. 36).

Придаточные места могут уточнять обстоятельства места главного предложения, выраженные наречиями **езде, всюду, здесь, сюда, впереди, вдали, налево, направо, назад**: *Кавалеров, как и везде, где не квартирует какой-нибудь уланской бригады, было менее, нежели дам, все мужчины, годные на то, были завербованы* (Пушкин А. Дуб-

ровский, с. 22). *У нас так много народу **везде, куда** ни пойдешь, полон дом* (Чехов А. Три сестры, с. 82). *Вдруг **вдали, где** застрял закат, зашелкал соловей* (Пастернак Б. Доктор Живаго, с. 172). *По горе стоял лес, из него выдвигались в поле две темные пустошки, лес чернел и **вперед, куда** шел от поселка Иван Петрович, но там и совсем редько, за которой начинался залив* (Распутин В. Пожар, с. 32).

Придаточная часть места может занимать по отношению к главной части любое положение: *В углу, **там, где** лежали попоны, густо толпились казаки – весь первый взвод. Григорий, молча раскидывая казаков, протискался вперед* (Шолохов М. Тихий Дон). *Против хутора мелел Дон, и **там, где** раньше быстрилось шальное стремя, образовался брод, на тот берег переходили быки, не замочив спины* (Шолохов М. Тихий Дон). ***Там, где** кончается пшеница, шафранная цветень донника* (Шолохов М. Тихий Дон). *По степи, до самого желтеющего в дымчатой непрогляди бугра, вздували комочки пыли всадники, а **там, где**, выбравшись на шлях, скакали они толпою, тянулся к хутору серый хвостик пыли.*

Функционально-семантические виды сложного предложения определяются в результате однотипности значения в предложении.

В сложноподчиненных предложениях придаточные части выражают:

- а) собственно-пространственные значения. Очень четко и однозначно (значения места, направления, конечного (или исходного) пункта движения, не осложненные никакими дополнительными семантическими оттенками), например: *Там, где нынче мелькает жизнь, как речка на перекате, мелькает настолько, что видно поганенькую ее россыпь, – завтра идет она полноводная, богатая...* (Шолохов М. Тихий Дон, с. 16). *Трупамы истлевали на полях Галиции и Восточной Пруссии, в Карпатах и Румынии – всюду, где полыхали зарева войны и ложился копытный след казачьих коней* (Шолохов М. Тихий Дон, с. 28);
- б) пространственно-причинные структуры, которые получают единичное функционирование: *«Подтянувшиеся к самому берегу подразделения... притаились за горами камней, собранных по полям и на закраинах огородов, поросших крапивой, шипичником, дикимтерном, мальвами, ярко радующимися самим себе там, **где** их не достало огнем, не осекло пулями»* (Астафьев В. Прокляты и убиты, с. 73). (Ср.: *«Подразделения притаились за горами камней, собранных по полям и на закраинах огородов, поросших... мальвами, ярко радующимися самим себе, **потому что** их не достало огнем, не осекло пулями»*);

- в) **«пространственно – условные:** *Он охотно ездил всюду, где находил хороший обед и отличное вино (Масальский К. Стрельцы, с. 128). / Руки царя лежат неподвижно на коленях, а глаза, затененные глубокой мыслью, не мигая, устремлены на восток, в сторону Мертвого моря – туда, где из-за круглой вершины Аназе восходит в пламени зари солнце (Куприн А. Поединок, с. 10). Итак, нет ничего легче, как читать иероглифы: где не выходит смысла по буквам, там должно толковать их метафорически...»* (Сенковский О. Записки домового, с. 4);
- г) **«пространственно-уступительные:** *Против чьего-то колодца, там, где скотина взмесила осеннюю грязь, неловко оступилась, скользнув ногой по обмерзшей кочке, и, почувствовав резнувшую боль в животе, схватилась за колья плетня (Шолохов М. Тихий Дон, с. 9). Впрочем, ему хорошо знаком этот сталинский способ смущать собеседника: выказать недоверие там, где для недоверия нет оснований... (Рыбаков А. Дети Арбата, с. 14).*

С А. Дружинина в своей статье «О синкретичных конструкциях в системе пространственных сложноподчиненных предложений», опираясь на теорию синкретизма (синхронной переходности), предложенную В.В. Бабайцевой, рассматривает довольно подробно синкретичные сложноподчиненные предложения, в которых синтезируются значения пространства и обусловленности, пространства и атрибутивности:

*Молча порол Григорий лошадь кнутом, кружил над головой вожжи, не оглядываясь назад, откуда валом полз хриплый рвущийся вой (Шолохов М. Тихий Дон, с. 124). Трусами истлевали на полях Галиции и Восточной Пруссии, в Карпатах и Румынии – всюду, где полыхали зарева войны и ложился копытный след казачьих коней (Шолохов М. Тихий Дон, с. 158). Руки царя лежат неподвижно на коленях, а глаза, затененные глубокой мыслью, не мигая, **устремлены** на восток, в сторону Мертвого моря – **туда, где** из-за круглой вершины Аназе восходит в пламени зари солнце (Куприн А. Поединок, с. 10).*

С А. Дружинина приходит к мнению, что «синкретизм значений пространства и обусловленности зависит от следующих факторов: от семантики союзного слова, наличия коррелятов с локативным значением, лексического наполнения предложения, соотношения видовременных форм сказуемых главного и придаточного предложений» [Дружинина 2008, с. 62], что проявляет в опорном компоненте в главном предложении, с синтаксической функцией и семантикой этого компонента, со значениями

союзных слов и коррелятов» [Дружинина 2008, с. 62]: *Вечером пошла Суламифь в старый город, **туда, где** длинными рядами тянулись лавки менял, ростовщиков и торговцев благовонными снадобьями* (Куприн А. Поединок, с. 24). *Руки царя лежат неподвижно на коленях, а глаза, затененные глубокой мыслью, не мигая, **устремлены** на восток, в сторону Мертвого моря – **туда, где** из-за круглой вершины Аназе восходит в пламени зари солнце* (Куприн А. Поединок, с. 10). *Он [бедняк] ниже богача по принятию общественному, но нравственно они были одинаковы, следственно, там, **где** не сталкивались их выгоды или **где** самолюбие оставалось в стороне, они могли быть совершенно равными...»* (М. Жукова);

*Там, **где** Дон, выгибаясь, уходит от станицы к Базкам, рукавом в заросли тополей отходит озеро, шириной с Дон в мелководье* (Шолохов М. Тихий Дон, с. 94).

В сложных предложениях отсутствует специфика места, направление движения. В них пространственные отношения обозначают союзные слова **где, куда** и др. Условная семантика в сложных подчиненных предложениях имеет специфическое видовременное использование предикатов: в главном и придаточном предложениях – прошедшее время, несовершенный вид или настоящее время.

В главных предложениях сложного типа функционирует коррелят с пространственным значением *там*, а также лексемы *везде, всюду*.

В данных типах сложноподчиненных предложений функционирует компонент, выраженный существительным *место*, как обстоятельство, обозначающее пространство: *«Несмотря на это видимое превосходство состояния, последний давал первому [мальчик старику] почет **везде, где** только имел случай показать им свое уважение»* (И. Лажечников) (Ср.: *«...последний давал первому почет во всех*).

Но в этих сочетаниях в сложном предложении не используются лексемы *в том месте, во всех(тех) местах* и др., в которых имеются существительные с предметной семантикой, ослабляющей сему пространства как равноправную семой условия: *Там нет ни сестры, ни брата, там нет родства, **если** дело идет о благе отечества. Последний давал первому почет **везде, если** только имел случай показать ему свое уважение* (и т. д.).

Функционирование сложных предложений тенденциозно использованию обобщающих способов выражения самых нужных типов речи. Проявляются пространственно-атрибутивные структуры определенного типа.

Синкретизм пространственных отношений в составе сложного предложения тенденциозен в мировом масштабе, способствует развитию всей системы сложноподчиненных конструкций.

Благодарности

Работа выполнена в рамках реализации проекта «Учебно-методическое обеспечение деятельности Славянских университетов» (государственное задание, паспорт № 2881-21).

Acknowledgements

The work was carried out within the framework of the project “Educational and methodological support for the activities of Slavic universities” (state assignment, passport No. 2881-21).

Литература

- Бабайцева 2000 – *Бабайцева В.В.* Явления переходности в грамматике русского языка. М.: Дрофа, 2000. 6440 с.
- Дружинина 2008 – *Дружинина С.А.* О синкретичных конструкциях в системе пространственных сложноподчиненных предложений // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2008. Вып. 6 (62). С. 66–71.
- Крючков, Максимов 1977 – *Крючков С.Е., Максимов Л.Ю.* Современный русский язык: Синтаксис сложного предложения. М., 1977. С. 85–88.

References

- Babaytseva, V.V. (2000), *Yavleniya perekhodnosti v grammatike russkogo yazyka* [Phenomena of transitivity in the grammar of the Russian language], Drofa, Moscow, Russia.
- Druzhinina, S.A. (2008), “On syncretic constructions in the system of spatial complex sentences”, *Tambov University Review. Series Humanities*, vol. 62, issue 6, pp. 66–71.
- Kryuchkov, S.E. and Maksimov, L.Y. (1977), *Sovremennyyi russkii yazyk: Sintaksis slozhnogo predlozheniya* [Modern Russian language. Syntax of a complex sentence], Moscow, Russia.

Информация об авторе

Азиз Т. Салоев, кандидат филологических наук, Российско-Таджикский (Славянский) университет, Душанбе, республика Таджикистан; 734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, д. 30; saloev_aziz@mail.ru

Information about the author

Aziz T. Saloev, Cand. of Sci (Philology), Russian-Tajik (Slavic) University, Dushanbe Republic of Tajikistan; bld. 30, M. Tursunzade St., Dushanbe, 734025, Republic of Tajikistan; saloev_aziz@mail.ru

УДК 378.016:004

DOI: 10.28995/2686-7249-2021-10-241-249

Преподавание РКИ в университете: современные вызовы и тенденции

Лиана В. Петросян

*Российско-Армянский университет, Ереван, Армения,
lianna.petrosyan@rau.am*

Аннотация. В работе рассматриваются основные тенденции развития современного мира и современной интернет-коммуникации, а также воздействие этих изменений на современного студента. Вследствие этого возникает необходимость пересмотра методики преподавания РКИ в университете. Поэтому учебный процесс должен быть построен с точки зрения образовательной ценности для обучаемых. Целью такого обучения является обеспечение студентов навыками, которые будут необходимы в конкретных жизненных ситуациях и работе. Автор предлагает свое видение организации занятий РКИ, основанных на выработке у студентов необходимых в современном мире практических навыков.

Ключевые слова: методика преподавания РКИ, мышление современного поколения, навыки XXI в., современное образование

Для цитирования: Петросян Л.В. Преподавание РКИ в университете: современные вызовы и тенденции // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2021. № 10, ч. 2. С. 241–249. DOI: 10.28995/2686-7249-2021-10-241-249

Teaching Russian as foreign language at the university. Challenges and trends

Liana V. Petrosyan

*Russian-Armenian University, Yerevan, Armenia,
lianna.petrosyan@rau.am*

Abstract. The paper considers the main trends in the development of the modern world and modern Internet communication, as well as the impact of those changes on the today student. So there is a need to reconsider the methodology of teaching Russian as foreign language at the university. Therefore, the educational process should be built in terms of educational value

© Петросян Л.В., 2021

for the learners. The purpose of such learning is to provide students with the skills that will be essential in specific life situations and work. The author offers his own vision of the organization of classes in Russian as foreign language, based on the development of practical skills needed in modern world.

Keywords: teaching Russian as foreign language, modern generation mindset, skills of the 21st century, modern education.

For citation: Petrosyan, L.V. (2021), "Teaching Russian as foreign language at the university. Challenges and trends", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 10, part 2, pp. 241–249, DOI: 10.28995/2686-7249-2021-10-241-249

Два года пандемии резко изменили наше привычное восприятие действительности, заставили нас переосмыслить все – от привычных жизненных ситуаций до образования. Если и раньше мы много времени проводили в Интернете, то сейчас и вовсе оказались зависимы от глобальной сети и предоставляемых ею услуг. Так, организация We Are Social, которая каждый год проводит мониторинг глобальной сети, представила статистику за июль 2021 г., которая содержит подробные сведения по всем направлениям использования Интернета и предоставляемых им услуг¹. Согласно проведенному исследованию, в 2021 г. Интернетом стало пользоваться 60,9% всего населения планеты, каждый месяц прибавляется 10 млн новых пользователей. В среднем каждый житель проводит в сети около 7 часов. Причем 92% населения Земли использует для этих целей именно мобильные устройства. По статистике, большая часть пользователей посещает Интернет с целью поиска информации, контакта с семьей и друзьями, нахождения новых идей, просмотра видео, чтения новостей, а также совершения покупок. Интерес представляет тот факт, что 93,4% потребляемой продукции – это видео различного содержания, при этом просмотр образовательной видеопродукции занимает лишь десятое место в списке. Больше всего в Интернете покупают одежду, электронику, продукты питания и ухода за собой. На образовательные цели тратят так мало, что оно даже не вошло в рейтинг.

Анализ эмоджи, используемых в Твиттере, показывает, что все самые используемые нами эмоции сводятся к 40. Причем если посмотреть на используемые эмодзи, они очень часто повторяются в разных вариациях цвета и формы. Если раньше владение языком подразумевало использование различных языковых средств для

¹ Глобальная статистика за июль 2021 г. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2021-july-global-statshot> (дата обращения 11.09.2021).

выражения тех или иных эмоций на лексическом, грамматическом, синтаксическом уровнях, с помощью интонации, то сегодня коммуникация переходит на совершенно иной заместительный уровень, где слова заменяются символами. Их функцией становится привлечь внимание, создать позитивную дружескую обстановку и произвести впечатление. Обладателю «клипового сознания», человеку поколения Z, легче нарисовать, чем описать эмоции с помощью слов, легче «воспринимать мир посредством короткого, яркого, предельно артикулированного посыла, воплощенного в форме или видеоклипа, или в любом другом виде» [Азаренок 2009, с. 111].

Цифровизация и технологии – неотъемлемая часть жизни молодых людей. Было обнаружено, что современное поколение, выросшее в ситуации свободного общения с Интернетом и информационными технологиями, самодостаточно, привыкло самостоятельно находить информацию, имеет тягу к самообразованию. Кроме того, работа с технологиями доставляет им удовольствие и играет большую эмоциональную роль в их жизни [Merriman, Valerio 2017]. Они многозадачны, ценят самостоятельность и уважение, лучше всего обучаются через практический опыт. Современные студенты прагматичны и ориентированы на навыки: им нужны те знания и, в большей степени, навыки, которые завтра будут связывать их с конкретными жизненными ситуациями и будущей работой [Schwieger, Ladwig 2018].

Формируемые вызовами века, они развиваются в соответствии с основными потребностями столетия. Ежегодно Ассоциация колледжей и работодателей Job Outlook представляет прогноз тех практических качеств, которые необходимы выпускникам при поступлении на работу. Так, по данным 2020–2021 гг.², работодатели прежде всего ищут в резюме кандидата такие практические качества, как:

умение работать в команде	81%
умение решать проблемы	79%
аналитические навыки	71,6%
коммуникативные навыки (устные)	73,2%
коммуникативные навыки (письменные)	72,7%
инициативность	67,8%
лидерство	67,8%

² Job Outlook 2020–2021 survey. URL: <https://www.naceweb.org/> (дата обращения 11.09.2021).

Окончание табл.

технические навыки	67,8%
гибкость / адаптивность	65,9%
сильная трудовая этика	65,4%
организационные способности	47,1%
навыки стратегического планирования	45,1%
дружелюбие / общительность	29,4%
тактичность	24,5%
креативность	23,5%
свободное владение иностранным языком	2,9%

Необходимо отметить, что представленные выше данные исследования подтверждаются и Рамкой навыков образования XXI в. Гарвардского университета³, созданной при участии учителей, экспертов в области образования и бизнеса и призванной помочь практикам интегрировать навыки XXI в. в преподавание основных академических предметов. Так, по данным Рамки, в навыки XXI в. включаются 4 основных раздела: знание основных тем и проблем XXI в.; образовательные и инновационные навыки; информационные, медийные, технологические навыки; жизненные и карьерные навыки. Интерес представляет тот факт, что большую часть навыков можно отнести к социально-эмоциональной и ценностной сферам, в которых в последнее время мы наблюдаем спад компетенций.

В свете вышеизложенного нам необходимо понимать, что поставленные временем проблемы и вызовы диктуют преподавателям необходимость взглянуть на образование под новым углом: образовательный процесс прежде всего должен обеспечивать образовательную ценность для студента и обеспечивать его теми навыками, которые подготавливали бы его к будущей деятельности в постоянно меняющемся мире. Следовательно, мы не можем больше оставаться на уровне тех стратегий, которые использовали ранее в своей образовательной практике, какими бы хорошими они ни были. И это касается преподавания всех дисциплин, в том числе и русского как иностранного.

В этом смысле роль преподавателя заключается прежде всего в способности вовлечь студентов в образовательный процесс путем подбора инструментов и создания учебного контента, который об-

³ 21st Century Learning. URL: <http://exploresel.gse.harvard.edu/frameworks/3/terms> (дата обращения 11.09.2021).

ладал бы ценностью для студентов. Чтобы изучать русский язык, особенно в отсутствие естественной языковой среды, студент должен понимать, насколько это является актуальным и ценным для него. Наделить ценностью определенный материал – это значит связать обучение с жизнью, показать, как и где можно использовать полученные знания, каким образом пройденное на уроке помогает решить определенные жизненные проблемы. Поэтому для занятий РКИ мы стараемся подбирать материал, который был бы актуален для студентов определенного курса.

Так, первокурсникам на втором сертификационном уровне предлагается тема выбора профессии и профориентации. Как это ни странно звучит, но вопросы, которые ставятся на данном занятии, выявляют проблемы молодого поколения. Несмотря на то что студенты уже учатся по выбранной специальности, они все еще находятся в стадии поиска и постановки вопросов. В ходе дискуссии выясняется, что очень часто выбор был сделан семьей, а не самим студентом, что отражается на выборе профессии. Шаг за шагом они знакомятся с типичными ошибками в выборе профессии, решают проблемы, познавая себя и раскрывая новые смыслы, которые помогают не только осознать выбор, но и понять, кто они и чего они хотят. Так вводится работа над развитием эмоционального интеллекта [Наймушина 2019; Merrell, Gueldner 2010, pp. 23–40], которая помогает справиться с проблемами, возникающими у студентов в разных жизненных ситуациях. И все это, подчеркнем, происходит на уроке русского языка с привлечением необходимой для данного уровня лексики и грамматики.

Все мы хорошо знаем о таксономии компетенций Блума, но насколько часто мы пользуемся ею на практике? Давайте вспомним, что знания – это основание пирамиды. Они бесспорно необходимы, но просто выучить и запомнить что-либо недостаточно. Чтобы превратить полученные знания в необходимые навыки, надо постоянно активно их преобразовывать с помощью различных технологий, то есть создавать так называемые когнитивные связи, что и называется умением учиться. Современные студенты активно пользуются Интернетом, но, к сожалению, не всегда с пользой. Поэтому задачей преподавателя становится направить внимание студента к активной переработке информации. Например, говоря о профессиях будущего, можно дать задание провести исследование, посетив сайт российского образовательного проекта «Атлас новых профессий», который детально описывает все предстоящие изменения в будущем. Студентам дается задание изучить список профессий, которые, по мнению футурологов, исчезнут и/или появятся через 20 лет, выбрать одну из понравившихся областей

и представить ее состояние сейчас и через несколько лет, аргументируя свой ответ. Таким образом, обучающиеся учатся критически мыслить, сравнивать, оценивать и аргументировать информацию, найденную в Интернете. Обязательным условием при представлении своего задания является использование предоставленных опорных конструкций, необходимых для выражения мнений, сравнения и оценки.

Современные студенты – геймеры. Используя это их качество, на занятиях можно предложить ролевые игры, в которых активная роль принадлежит обучающемуся, а не преподавателю. Например, обсуждая проблемы, возникающие между родителями и детьми, можно предложить выступить в качестве психолога и предложить решение проблемы, описанной в задании. Кроме того, многие молодые люди любят читать в соцсетях реальные истории сверстников. В зависимости от темы можно подобрать как тестовый материал, так и материал для аудирования и предложить самостоятельно определить проблему и предложить ее решение. Таким образом, используя актуальный и аутентичный материал, можно проработать все виды речевой деятельности.

Часто мы сталкиваемся с тем, что очень трудно организовать работу в группе, которая обеспечивала бы равноправное сотрудничество в коллективе. А ведь это необходимый навык, который может обеспечить карьерный рост в будущем, так как коммуникативные навыки важны для сотрудников любого уровня, а эффективное общение необходимо для успеха всей компании. Чтобы помочь студентам наладить коммуникацию и организовать работу в группе, можно использовать инструменты Web 2. Используя возможности Adobe, Google-сайтов, документов и презентаций, чатов и заметок, можно с легкостью создать интересный совместный проект, которым можно поделиться и вокруг которого можно устроить интересную дискуссию с привлечением специалистов из других областей.

Развивая творческое мышление, можно подобрать фото с изображением жизни, далекой от окружающей студента действительности, и попросить представить себя в том мире, описав свой день с точки зрения человека из мира, изображенного на фотографии.

Большое внимание должно быть обращено на навыки устной речи, но этот вид коммуникации следует строить, исходя из навыков, которые необходимы для профессионального развития. Например, рассказ о себе «Кто Я?» можно усложнить заданием подготовить выступление в стиле TED. Данную работу можно предварить дополнительным исследованием о том, что собой представляет заданный вид презентации.

Можно еще долго перечислять все виды работ, проводимых на занятиях РКИ. Но все они показывают и доказывают, что в современную эпоху все большую значимость приобретает развитие так называемых мягких навыков, которые «включают в себя коммуникативные навыки, навыки социального взаимодействия и некоторые внутренние характеристики личности. Они охватывают широкий спектр навыков, компетенций, поведенческих моделей, ценностных установок, а также личностных качеств, позволяющих субъекту эффективно ориентироваться в окружающей среде и взаимодействовать с ней, успешно сотрудничать с другими членами общества, продуктивно работать и достигать поставленных целей» [Локтаева 2019, с. 29]. При таком подходе к обучению русскому как иностранному язык выступает инструментом для решения различных функциональных задач [Петросян 2016, с. 86], соотносённых с различными компетенциями, значимыми для студента в его будущей деятельности, а изучаемый язык становится не просто набором скучных и порой необъяснимых правил, а инструментом познания себя, других и мира.

Благодарности

Работа выполнена в рамках реализации проекта «Учебно-методическое обеспечение деятельности Славянских университетов» (государственное задание, паспорт № 2881-21).

Acknowledgements

The research was carried out as part of the project “Educational and methodological support for the activities of Slavic universities” (state task, passport No. 2881-21).

Литература

- Азаренок 2009 – Азаренок Н.В. Клиповое сознание и его влияние на психологию человека в современном мире // Психология человека в современном мире: В 5 т. Т. 5: Личность и группа в условиях социальных изменений. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. С. 110–112.
- Локтаева 2019 – Локтаева Н.Н. Понятие «мягкие навыки» как педагогическая категория: сущность и содержание // Инновационные проекты и программы в образовании. 2019. № 4 (64). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie>

- myagkie-navyki-kak-pedagogicheskaya-kategoriya-suschnost-i-soderzhanie (дата обращения 05.10.2021).
- Наймушина 2019 – *Наймушина Л.М.* Социально-эмоциональное обучение как новое направление развития педагогической науки и практики // Педагогика: история, перспективы. 2019. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-emotsionalnoe-obuchenie-kak-novoe-napravlenie-Raviteja-pedagogicheskoy-nauki-i-praktiki> (дата обращения 01.10.2021).
- Петросян 2016 – *Петросян Л.В.* Электронные ресурсы для преподавания русского языка за рубежом: критерии и принципы организации // Иностранные языки в высшей школе. Вып. 4 (39). Рязань, 2016. С. 83–88.
- Merrell, Gueldner 2010 – *Merrell K.W., Gueldner B.A.* A Social and Emotional Learning in the Classroom. N.Y.: The Guilford Press, 2010. 268 p.
- Merriman, Valerio 2017 – One Tough Customer. How Gen Z is Challenging the Competitive Landscape and Redefining Omnichannel. Ernst & Young Report. Retrieved April 28, 2017. URL: [http://www.ey.com/Publication/vwLUAssets/EY-one-tough-customer/\\$FILE/EY-one-tough-customer.pdf](http://www.ey.com/Publication/vwLUAssets/EY-one-tough-customer/$FILE/EY-one-tough-customer.pdf) (дата обращения 11.09.2021).
- Schwieger, Ladwig 2018 – *Schwieger D., Ladwig C.* Reaching and Retaining the Next Generation. Adapting to the Expectations of Gen Z in the Classroom // Information Systems Education Journal. 2018. No. 16 (3). P. 46–54. Retrieved from <https://files.eric.ed.gov/fulltext/EJ1179303.pdf> (дата обращения 11.09.2021).

References

- Azarenok, N.V. (2009), “Clip Consciousness and Its Influence on Human Psychology in the Modern World”, in *Psikhologiya cheloveka v sovremennom mire. Tom 5. Lichnost' i grupa v usloviyakh sotsial'nykh izmenenii* [Personality and Group in the Conditions of Social Changes], Izdatel'stvo “Institut psikhologii RAN”, Moscow, Russia, pp. 110–112.
- Loktaeva, N.N. (2019), “The Concept of ‘Soft Skills’ as a Pedagogical Category: Essence and Content”, *Innovatsionnye proekty i programmy v obrazovanii*, vol. 64, no. 4, available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-myagkie-navyki-kak-pedagogicheskaya-kategoriya-suschnost-i-soderzhanie> (Accessed 5 Oct. 2021).
- Merrell, K.W. and Gueldner, B.A. (2010), *A Social and Emotional Learning in the Classroom*, The Guilford Press, New York, USA, pp. 23–40.
- Merriman, M. and Valerio, D. (2016), *One Tough Customer: How Gen Z is Challenging the Competitive Landscape and Redefining Omnichannel. Ernst & Young Report. Retrieved April 28, 2017*, available at: [http://www.ey.com/Publication/vwLUAssets/EY-one-tough-customer/\\$FILE/EY-one-tough-customer.pdf](http://www.ey.com/Publication/vwLUAssets/EY-one-tough-customer/$FILE/EY-one-tough-customer.pdf) (Accessed 11 Sept. 2021).
- Naymushina, L.M. (2019), “Social and Emotional Learning as a New Direction in the Development of Pedagogical Science and Practice”, *Pedagogika: istoriya*,

- perspektivy*, no. 3, available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-emotionalnoe-obuchenie-kak-novoe-napravlenie-Raviteja-pedagogicheskoy-nauki-i-praktiki> (Accessed 1 Oct. 2021).
- Petrosyan, L.V. (2016), "Digital Resources for Teaching Russian Abroad: Criteria and Principles of Organization", *Inostrannyye yazyki v vysshei shkole* [Foreign Languages in Higher Education], вып. 4 (39), Ryazan', Russia, pp. 83–88.
- Schwieger, D. and Ladwig, C. (2018), "Reaching and Retaining the Next Generation. Adapting to the Expectations of Gen Z in the Classroom", *Information Systems Education Journal*, vol. 16, no. 3, pp. 46–54. Retrieved from <https://files.eric.ed.gov/fulltext/EJ1179303.pdf> (Accessed 11 Sept. 2021).

Информация об авторе

Лиана В. Петросян, кандидат филологических наук, доцент, Российско-Армянский университет, Ереван, Республика Армения; Республика Армения, 0051, Ереван, ул. О. Эмина, д. 123; liana.petrosyan@rau.am

Information about the author

Liana V. Petrosyan, Cand. of Sci. (Philology), associate professor, Russian-Armenian University, Yerevan, Armenia; bld. 123, Hovsep Emin St., Yerevan, 0051, Armenia; liana.petrosyan@rau.am

УДК 378.016:811

DOI: 10.28995/2686-7249-2021-10-250-258

Проблемно-аксиологический подход к обучению студентов иноязычной речевой деятельности

Марина А. Кочарян

*Российско-Армянский университет, Ереван, Армения,
marina.kocharyan80@gmail.com*

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению проблемного обучения иноязычной речи студентов неязыковых специальностей в контексте проблемно-аксиологического подхода к обучению русскому языку как иностранному. В статье обосновывается практическая ценность проблемного обучения, которое способствует обеспечению активной речевой практики студентов, а также обоснована необходимость развития не только предметных знаний, коммуникативной компетенции, но и формирования духовно-нравственных ценностей. Обращается внимание на текстоцентрический подход к изучению профессионально ориентированных текстов с дальнейшим формированием говорения как вида речевой деятельности на послетекстовом этапе. Приведены конкретные примеры заданий, которые обеспечивают возможность повышения мотивации студентов технических специальностей, обогащения их фоновых знаний, что также ведет к развитию социокультурной компетенции.

Ключевые слова: коммуникативная компетенция, проблемное обучение, аксиологический подход

Для цитирования: Кочарян М.А. Проблемно-аксиологический подход к обучению студентов иноязычной речевой деятельности // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2021. № 10, ч. 2. С. 250–258. DOI: 10.28995/2686-7249-2021-10-250-258

© Кочарян М.А., 2021

The problem-axiological approach to teaching of foreign language for students' non-native speech

Marina A. Kocharyan

*Russian-Armenian University, Yerevan, Armenia,
marina.kocharyan80@gmail.com*

Abstract. The article is concerned with teaching the foreign language speech for students of non-linguistic specialties in the context of the problem-axiological approach to teaching Russian as a foreign language. The author substantiates a practical value of the problem-based learning, which contributes to ensuring active speech practice of students, and also justifies the need of developing not only subject knowledge, communicative competence, but also the formation of spiritual and moral values. The attention is drawn toward the text-centric approach to the study of professionally oriented texts with the further formation of speaking as a type of speech behavior at the post-text stage. Concrete examples of tasks are given that provide an opportunity to increase the motivation of students of technical specialties, enrich their background knowledge, which also leads to the development of socio-cultural competence.

Keywords: problem-based teaching, communicative competence, problem-based teaching, axiological approach

For citation: Kocharyan, M.A. (2021), "The problem-axiological approach to teaching of foreign language for students' non-native speech", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 10, part 2, pp. 250–258, DOI: 10.28995/2686-7249-2021-10-250-258

Различные общественные преобразования, влияние современных технологий цифрового общества приводят к тому, что возникает необходимость изучения наиболее эффективных методов как для развития коммуникативной компетенции при обучении русскому как иностранному, так и воспитания творческой личности, исследующей, умеющей находить нужную информацию, анализировать ее и применять на практике полученные знания, преобразуя их в навыки. При этом важно понимать, что приоритетными являются методы, строящиеся на личностно ориентированном подходе к субъекту образования и предоставляющие широкие возможности для активизации коммуникативных компетенций, активизации личностных качеств студентов. Выбор различных приемов и методов при обучении РКИ обусловлен необходимостью развивать такие компетенции, как умение сравнивать и со-

поставлять различные факты, делать самостоятельные выводы, осуществлять поисковую деятельность, исследовать, высказывать свое мнение, искать решение той или иной проблемы, при этом быть способным к взаимосотрудничеству, что отражается в умении совместной работы, взаимопомощи. В ряду современных вызовов эпохи отметим необходимость формирования умения общаться и работать в команде, развитие навыков самостоятельной деятельности, самооценки, а также обеспечение междисциплинарных связей. Целью обучения становится не только развитие коммуникативной компетенции, а неперенная подготовка к решению различных проблем реальной жизни, развитие навыков исследования, поиска, сотрудничества, необходимых для современного общества. Развитие таких личностных качеств студентов, как мобильность, активность, креативность, самостоятельность, способность творчески подходить к решению различных задач возможно осуществлять в рамках проблемного обучения.

Одной из важнейших задач в обучении иноязычной речи студентов является формирование навыков говорения, развития профессионально-коммуникативной компетенции. Подчеркнем, что в данной статье рассматриваются вопросы развития речевой иноязычной деятельности студентов неязыковых специальностей. Особое внимание уделяем именно этому направлению в связи с определенными трудностями развития речи студентов данных направлений. Прежде всего это связано с малым количеством часов, отведенных на изучение предмета. Также отметим специфичность целевой аудитории, что отражается в низком уровне мотивации студентов, а также в разноуровневом владении речью.

В процессе работы над формированием устной речи студентов прежде всего мы опираемся на известный текстоцентрический подход, при котором различные тексты выполняют функцию предварительной базовой основы для организации дальнейшего обсуждения той или иной темы. Обращает на себя внимание, что при тщательной отработке текста, выполнении всех предтекстовых, притекстовых и послетекстовых заданий вызывает сложность обеспечение активной вовлеченности студентов неязыковых специальностей в процесс обсуждения, дискуссии, то есть на уровне говорения учебный процесс замедляется, и студенты затрудняются участвовать в устном обсуждении темы.

Практика показывает, что при столкновении с вопросами открытого типа, когда нужно высказать свое мнение, обосновать его, создать связный текст на основе заданной темы, студенты проявляют пассивность, предпочитают не высказываться. Во-первых, это объясняется неумением формулировать свою точку зрения, создавать

текст с учетом всех структурных компонентов, а также скудный лексический запас. Во-вторых, как уже было выше отмечено, проблемой является отсутствие мотивации и нежелание участвовать в общих дискуссиях, что проявляется в подавляющем большинстве именно у студентов неязыковых специальностей. Вместе с тем основными целями учебного процесса являются формирование коммуникативной компетенции, навыков работы со спецтекстами, расширение словарного запаса, а также развитие надпредметных компетенций. Непременным условием обучения современных студентов является обеспечение не только языковых, речевых и коммуникативных, но и общих социальных компетенций.

Достижению поставленных целей способствует обозначенное нами проблемное обучение. Обращение к проблемным методам обучения объясняется тем, что данной технологии присущ принцип проблемности, что приводит к активной и мотивированной исследовательской деятельности студентов. Как отмечает А.М. Матюшкин, «процесс усвоения перестает быть только интеллектуальным процессом, он становится процессом личностным», что связано с тем, что проблемная ситуация содержит в себе «мотивы и потребности» учащихся [Матюшкин 1972, с. 95].

Принцип проблемности позволяет развивать такие личностные качества студентов, как самостоятельность, способность творчески подходить к решению проблемной ситуации. При всей актуальности внедрения методов проблемного обучения в современную методику преподавания следует отметить давнюю историю его изучения. Теоретические положения проблемного обучения связаны с идеями Дж. Дьюи, который основал в 1894 г. в Чикаго так называемую «опытную школу» и своей концепцией оказал влияние на систему образования [Селевко 1998, с. 60]. Идеи активного участия учащихся в решении проблем через взаимосотрудничество и самостоятельную поисковую деятельность отразились в исследованиях многих авторов, например таких, как М.И. Махмутов, А.М. Матюшкин, Т.В. Кудрявцев, В. Оконь и многие другие [Кудрявцев 1991; Матюшкин 1972; Махмутов 1975; Оконь 1968].

Использование методов проблемного обучения в рамках текстоцентрического подхода предлагаем осуществлять в процессе работы над спецтекстом. При этом этапы работы с текстом (предтекстовый, притекстовый, послетекстовый) включают в себя задания, вопросы, аудиовизуальные ресурсы, которым присущ проблемный характер. Например, использование заданий проблемного характера, вопросов, допускающих вариативные ответы. Такая работа способствует развитию языковой догадки, критического и творческого мышления, а также активному участию студентов в дискуссии.

Проблема связана с тем, что спецтексты в рамках неязыковых специальностей не содержат в себе темы и материал, позволяющие организовывать дискуссии, поскольку тексты отличаются конкретностью, академичностью, точностью и однозначностью. Поэтому предлагаем, отталкиваясь от изученного спецтекста, при тщательном отборе учебного материала искать связующие темы, позволяющие переходить на уровень дискуссий, в ходе которых студентам предлагается решить тот или иной проблемный вопрос. Особо следует подчеркнуть, что помимо профессионально ориентированных текстов, требующих предварительной работы с терминологией и лексико-грамматическим материалом, крайне важным считаем также одновременное расширение фоновых знаний культурологического характера. Так, обязательный разбор спецтекста предваряется и впоследствии сопровождается организацией обсуждения вопросов глобального значения, при этом используются дополнительные ресурсы (в том числе научно-популярные статьи), заключающие в себе большой информационный потенциал. Однако, помимо формирования вышеперечисленных навыков и личностных качеств, крайне важно в условиях современных реалий и переоценки ценностей обращать внимание студентов на вопросы нравственности. Важным является развитие у студентов духовного потенциала, что позволяет осуществить организацию занятий в контексте проблемно-аксиологического обучения РКИ.

Как известно, аксиология является философской дисциплиной. Согласно «Философскому словарю» И.Т. Фролова, аксиология – «(греч. – *axia* – ценность и *logos* – учение, слово) – философское исследование природы ценностей»¹. Аксиологический подход к обучению включает в себя широкий спектр факторов, необходимых для воспитания и развития личности студентов.

С одной стороны, речь идет о воспитательной роли уроков РКИ, о развитии умения вести диалоги в различных ситуациях общения; взаимоотношения преподавателя и студентов выстраиваются в условиях общения, взаимосодействия, при этом учащиеся являются активными и полноправными участниками учебного процесса, а со стороны преподавателя не должно быть никакого навязывания ценностей, способов решения проблем. С другой стороны, подчеркнем специфику самой дисциплины, ведь русский язык как иностранный (как и любой другой) несет в себе некую аксиологическую ценность для студентов. Кроме того, именно иностранный язык позволяет обращаться к надпредметным темам.

¹ Философский словарь / Под. ред. И.Т. Фролова. М.: Политиздат, 1987. С. 11.

Обращение к изучению аксиологического подхода к обучению является актуальным и требующим дальнейшего исследования. Один из известных исследователей проблемного обучения Е.В. Ковалевская справедливо указывает на недостаточное количество исследований по проблемно-аксиологическому подходу к обучению и предполагает, что в ближайшем будущем возникнет новый этап «развития и распространения проблемного обучения в контексте проблемно-аксиологического обучения и подхода, центрированного на развитии не только интеллектуального, но и духовного потенциала детей. Ковалевская считает, что только соединение этих двух начал (проблемного и аксиологического) позволит добиться высоких результатов, что связано наряду с развитием интеллектуальных способностей с «развитием души» [Ковалевская 2000, с. 151–152].

Особенно актуальным является обращение к обучению в рамках данного подхода студентов неязыковых специальностей, поскольку профессионально ориентированные тексты чаще содержат такой тип проблемных ситуаций, которым присуща информационность, лишенная, позволим себе так выразиться, духовности, возможности обращения к ценностным категориям.

Прежде всего отметим, что проблемное обучение позволяет решить указанные выше задачи. Этапы проблемного обучения, обусловленные решением определенной проблемы, позволяют интегрировать знания из различных предметных блоков, то есть реализации межпредметности.

Методы проблемного обучения, являясь современными технологиями обучения, предполагают организацию познавательной деятельности студентов, которые принимают активное участие в решении той или иной проблемы. Проблемное обучение состоит из следующих ступеней: ощущение затруднения, осознание проблемы, критическое осмысление проблемы, выдвижение гипотезы, проверка гипотезы.

Студенты могут высказывать свои гипотезы решения проблемы, выдвигать идеи, при этом одним из сложных вопросов реализации аксиологического подхода считаем конкретные действия и шаги, способствующие развитию духовно-нравственных ценностей. Вечные истины о необходимости воспитывать уважительность, терпимость, обеспечивать доброжелательную атмосферу на уроках, необходимость осознания равноправных позиций как преподавателя, так и учащихся неоспоримы и известны всем. Возникает другой вопрос, связанный с возможными путями интеграции вышеназванных подходов, с формами и приемами, с помощью которых можно решать те или иные познавательные задачи в контексте духовного развития. Крайне важно, чтобы учебный процесс включал в себя

конкретные и реальные действия, способствующие развитию духовного начала в практическом плане, а не отсылал к отвлеченным и общеизвестным постулатам в теории.

Данный вопрос требует детального рассмотрения, особенно с точки зрения практической стороны его реализации в процессе обучения иностранному языку.

Вместе с тем именно обучение иностранному языку в большей степени позволяет обращаться к эмоциональным сферам, чувствам и ценностным категориям.

Примером реализации проблемно-аксиологического подхода может служить организация занятия, связанного с темой об искусстве, которая позволяет учебный процесс приблизить к ценностным категориям общения и обратиться к аксиологической стороне вопроса. На сегодняшний день молодое поколение (как представители «клипового мышления»), находящееся под влиянием цифровых устройств, не столь активно интересуется темой искусства. Но позволим себе утверждать, что при грамотной и четко продуманной организации работы студентов возможно добиться их активной познавательной деятельности в учебном процессе.

Например, при работе со студентами технического направления проблемный метод нашел свое отражение в использовании как спектров (о турбулентности, о работе ученых в лаборатории квантовой фотоники), так и текстов, цитат, визуальных образов, заключающих в себе дополнительную информацию не только о научных изысканиях, но и об искусстве, при этом некоторые вопросы и задания носят проблемный характер: постарайтесь угадать, какое слово пропущено; объясните связь между фразой и картинками; какая тема может объединять совершенно разные в тематическом плане слова, в какой степени соприкасаются, например, физика и живопись. Специфика преподнесения материала предполагает проблематизацию вопросов, заданий, нацеленных на проявление познавательного интереса у студентов. Например, предлагаются такие вопросы проблемного характера, как: влияет ли наука на искусство, в какой степени, какие есть конкретные тому примеры, благотворно ли влияет, почему, каково влияние науки на жизнь. В ходе совместного исследования разнообразного материала и обсуждения темы студентам предлагается подготовиться к дебатам, нацеленным на поиск ответа на вопросы: «Где грань управления человеком природой? Переходит ли наука предел дозволенного или идет естественный процесс освоения людьми мира?». Во время дебатов группа разделилась на команды: одна команда представляла свою позицию, защищая мир науки, вторая – возражала и доказывала неприемлемость излишнего вмешательства человека в мир естественной природы. Третья команда

выступала в роли экспертов: студенты готовили свои вопросы двум другим командам, разрабатывали рубрики оценивания результатов, с обоснованием которых они должны были выступить в конце.

Таким образом, отобранный учебный материал (несмотря на многообразие и отличие друг от друга в тематическом и стилистическом плане) в итоге объединяется и предлагается студентам в качестве источника информации для подготовки к дискуссии.

При организации занятий в рамках проблемно-аксиологического подхода учитываются такие цели обучения, как мотивация студентов, воспитание творческих личностей, умеющих осознавать связи между изучаемыми предметами и реальным миром, развитие коммуникативных компетенций, умения выступать перед аудиторией, защищать свою позицию, выслушивать, помогать своим товарищам, работать в команде. Следует подчеркнуть, что уже в конце изучения определенной темы в рамках тех или иных текстов студентам может быть предложено заполнение анкеты с последующим обсуждением. Вопросы данной анкеты связаны с духовно-нравственной сферой обучения, они составлены в тесной связи с ценностными категориями.

- Какое решение я предложил?
- Кому я мог бы помочь своей работой, для кого важны полученные результаты?
- Смог ли я работать в команде?
- Удалось ли нам решить проблему, почему?

Фактически обращение к проблемно-аксиологическому обучению позволяет реализовывать принцип интегрированности, что выражается как в комбинировании разнообразных текстов и ресурсов, так и различных методов, а также в обеспечении междисциплинарных связей. Применение данного подхода обеспечивает формирование не только навыков говорения, но и развивает творческое и аналитическое мышление студентов.

Благодарности

Работа выполнена в рамках реализации проекта «Учебно-методическое обеспечение деятельности Славянских университетов» (государственное задание, паспорт № 2881-21).

Acknowledgements

The work was carried out within the framework of the project “Educational and methodological support for the activities of Slavic universities” (state task, passport No. 2881-21).

Литература

- Ковалевская 2000 – *Ковалевская Е.В.* Генезис и современное состояние проблемного обучения: Дис. ... д-ра пед. наук. М., 2000. 417 с.
- Кудрявцев 1991 – *Кудрявцев Т.В.* Проблемное обучение: истоки, сущность, перспективы. М.: Знание, 1991. 80 с.
- Матюшкин 1972 – *Матюшкин А.М.* Проблемные ситуации в мышлении и обучении. М.: Педагогика, 1972. 168 с.
- Махмутов 1975 – *Махмутов М.И.* Проблемное обучение: Основные вопросы теории. М.: Педагогика, 1975. 368 с.
- Оконь 1968 – *Оконь В.* Основы проблемного обучения. М.: Просвещение, 1968. 208 с.
- Селевко 1998 – *Селевко Г.К.* Современные образовательные технологии. М.: Народное образование, 1998. 256 с.

References

- Kovalevskaya, E.V. (2000), "Genesis and current state of problem-based learning", D.Sc. Thesis (Pedagogics), Moscow, Russia.
- Kudryavtsev, T.V. (1991), *Problemnoe obuchenie: istoki, sushchnost', perspektivy* [Problem-Based Learning. Origins, Essence, Prospects], Znanie, Moscow, Russia.
- Matyushkin, A.M. (1972), *Problemnyye situatsii v myshlenii i obuchenii* [Problem situations in thinking and learning], Pedagogika, Moscow, Russia.
- Makhmutov, M.I. (1975), *Problemnoe obuchenie. Osnovnyye voprosy teorii* [Problem-based learning. Basic questions of theory], Pedagogika, Moscow, Russia.
- Okon', V. (1968), *Osnovy problemnogo obucheniya* [Fundamentals of problem-based learning], Prosveshchenie, Moscow, Russia.
- Selevko, G.K. (1998), *Sovremennyye obrazovatel'nyye tekhnologii* [Modern educational technologies], Narodnoe obrazovanie, Mosco, Russia.

Информация об авторе

Марина А. Кочарян, магистр, Российско-Армянский университет, Ереван, Республика Армения; Республика Армения, 0051, Ереван, ул. Овсепя Эмина, д. 123; marina.kocharyan80@gmail.com

Information about the author

Marina A. Kocharyan, master, Russian-Armenian University, Yerevan, Armenia; bld. 123, Hovsep Emin St., Yerevan, Armenia, 0051; marina.kocharyan80@gmail.com

УДК 81'25

DOI: 10.28995/2686-7249-2021-10-259-267

Стилистическая адекватность перевода при передаче таджикских фигур контраста на русский язык

Рафохат М. Султанова

*Российско-Таджикский (Славянский) университет,
Душанбе, Таджикистан, rafoat10@mail.ru*

Аннотация. Настоящая статья посвящена проблемам переводимости и непереводимости стилистических приемов, в частности вопросам передачи на русский язык таджикских антитезных конструкций как одних из наиболее популярных фигур контраста. Данная тема, по мнению автора, весьма актуальна, поскольку на современном этапе своего развития таджикская наука не располагает исследованиями, так или иначе имеющими отношение к антитезе как лингвистическому понятию. На большом материале образцов антитезных выражений, почерпнутых из современной таджикской малой прозы, автор совершает попытку сопоставительного анализа оригинальных и переводных текстов, при этом выявляет случаи использования переводческих трансформаций и степень стилистической адекватности перевода.

Ключевые слова: переводческие трансформации, стилистический прием, фигуры контраста, антитеза, антитезные конструкции, нулевой перевод, адекватный перевод

Для цитирования: Султанова Р.М. Стилистическая адекватность перевода при передаче таджикских фигур контраста на русский язык // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2021. № 10, ч. 2. С. 259–267. DOI: 10.28995/2686-7249-2021-10-259-267

Stylistic adequacy of translation when transferring Tajik figures of contrast into Russian

Rafohat M. Sultanova

*Russian-Tajik (Slavonic) University, Dushanbe, Tajikistan,
rafoat10@mail.ru*

Abstract. This article is concerned with translatability and non-translatability of stylistic techniques, in particular, the issues of the reproduction of Tajik antithesis constructions in Russian, as one of the most popular figures

© Султанова Р.М., 2021

of contrast. The topic, according to the author, is very relevant, because at the present stage of its development, Tajik science does not have research that is somehow related to the antithesis as a linguistic concept. Based on a large material of samples of the antithesis expressions drawn from modern Tajik short prose, the author attempts a comparative analysis of the original and translated texts, while identifying cases of using translation transformations and the degree of stylistic adequacy of translation.

Keywords: translation transformations, stylistic technique, contrast figures, antithesis, antithesis constructions, zero translation, adequate translation

For citation: Sultanova, R.M. (2021), "Stylistic adequacy of translation when transferring Tajik figures of contrast into Russian", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 10, part 2, pp. 259–267, DOI: 10.28995/2686-7249-2021-10-259-267

Как известно, средства выразительности, будучи основным ресурсом репрезентации национального колорита, очень разнообразны по своей природе и наделены эмоционально-коннотативной нагрузкой. Для сопоставительного изучения художественных приемов разных языков важно исследование мыслительных операций, направленных на восприятие и воспроизведение языковых средств и их использование. Сопоставительное изучение стилистических приемов двух языков посредством сопоставления оригинальных и переводных художественных текстов наиболее полно раскрывает их интегрирующие и дифференцирующие признаки. Ввиду изложенного данное исследование посвящается выявлению особенностей адекватной передачи экспрессивной информации, содержащейся в фигурах контраста. Как известно, конкретными проявлениями контраста являются стилистические фигуры: антитеза, амфитеза, акротеза, диатеза и оксюморон. Объектом настоящего исследования выбрана наиболее востребованная в таджикской прозе такая фигура контраста, как антитеза.

На современном этапе развития лингвистики антитеза привлекает внимание ученых-лингвистов не только как один из способов достижения экспрессивности и красочности художественной речи. Вследствие активизации межкультурной коммуникации актуальным становится вопрос о том, насколько контраст способен передать образную информацию оригинала в переводе.

Проблемы передачи художественных средств выразительности, в частности антитезы, не были предметом исследований таджикских ученых. Большинство исследований российских ученых, так или иначе затрагивающих данную проблему, проводились преимуще-

ственно в литературоведческом аспекте и рассматривали антитезу в качестве стилистической фигуры. Так, известные теоретики перевода А.В. Федоров, А.Д. Швейцер, Т.А. Казакова, В.Н. Комиссаров, Я.И. Рецкер отмечают необходимость учета экспрессивно-стилистической стороны тропа при переводе с одного языка на другой. А.В. Федоров считает залогом полноценного адекватного перевода сохранение стилистической функции тропа [Федоров 2002, с. 109]. Я.И. Рецкер, в свою очередь, утверждает, что адекватная передача любого образного средства невозможна без учета его экспрессивно-стилистической нагрузки: «Анализируя стилистическую и экспрессивную характеристику отдельных звеньев языковой ткани и соотнося их с общим идейно-художественным замыслом автора, переводчик устанавливает экспрессивно-стилистическую тональность подлинника» [Рецкер 2010, с. 131].

Для передачи образного средства важно выявить его информационное содержание и семантическую структуру, определить объем образной информации подлинника и перевода. При этом анализ образной информации необходимо проводить посредством определения постоянно закрепленного за словом объема и содержания образной информации.

При исследовании иллюстративного материала, представленного оригинальными и переводными художественными текстами, обращает на себя внимание то обстоятельство, что на лексическом уровне авторы переводов максимально точно передают раскрывающие противоречивую сущность обозначаемых единиц, контрастные по своему характеру словесные образы. В качестве аргумента этого утверждения может служить следующий пример сохранения эмоционально-экспрессивной ценности авторской антитезной конструкции:

*Баъзехо аз акибаш «аблах, чунон дахон кафк кунонда гап мезанад, ки мошини худаи бошад, сари санг чои як укоб не, **имруз – ту, фардо – каси дигар**» мегуфтанд¹. – Иногда кое-кто за глаза называл его болтуном: «И чего из кожи лезет? Будто машина его собственная. Скала не для одного орла: **сегодня – ты, завтра – другой**»². Двойная антитеза оригинала, в которой содержится сопоставление двух пар объектов, находит свое полное воспроизведение в конечном тексте.*

¹ *Турсун С.* Камони Рустам: повесть ва хикояхо. Душанбе: Ирфон, 1976. С. 212.

² *Турсун С.* Лук Рустама: повести и рассказы. М.: Молодая гвардия, 1979. С. 201.

Следует отметить, что случаи удачного подбора лексем переводимого языка, в той или иной мере стилистически соответствующих исходному языку, то есть факты адекватного перевода антитезных конструкций, довольно многочисленны и составляют большую часть анализируемого материала. Как правило, противопоставление в них создается за счет антонимичных узусных коррелятов. Например:

– *Хеч не ки сар дихад зормонда! Хам шавам, рост шуда наметавонам, **рост шавам, хам шудан** як азоб...³ – Никак не отпускает, проклятая! **Нагнусь** – не могу **разогнуться, выпрямлюсь** – с трудом **наклоняюсь**...⁴*

*Ту кай мефахми ки **мард кисту зан чист**⁵. – Когда поймешь, **кто есть муж и что такое жена?**⁶.*

*Оташаки хирс яке дар чашмони мугул **шубла заду гайб**⁷. – В глазах монгола вспыхнул алчный огонек и тут же погас⁸.*

Полная адекватность достигается и при передаче многочленной антитезы, например:

*Аммо гурхо тафовут доранд: **хурду бузург, ободу вайрона, бо-хашамату назарногир**...⁹ – Но могилы отличаются друг от друга: они большие и маленькие, ухоженные и разрушенные, величественные и невзрачные...¹⁰*

*Аммо зиндаги чунин аст, ки чое **филе хаст** – **муш хаст**, чое **гуле хаст** – **хоре хаст**, чое **горе хаст** – **мор хаст**¹¹. – Однако в жизни так повелось: где слон – там и мышь, где роза – там и шипы, где пещера – там и змея¹².*

В следующем примере, несмотря на то что подобранные переводчиком компоненты антитезы противоположны по се-

³ *Турсун С.* Камони Рустам: повесть ва хикояхо. С. 225.

⁴ *Турсун С.* Лук Рустама: повести и рассказы. С. 180.

⁵ *Турсун С.* Камони Рустам: повесть ва хикояхо. С. 231.

⁶ *Турсун С.* Лук Рустама: повести и рассказы. С. 185.

⁷ *Бахманёр.* Сангу Сабу: кисса ва хикояхо. Душанбе: Маориф ва фарханг. 2011. С. 110.

⁸ Там же. С. 112.

⁹ *Самад А.* Талош. Душанбе: Адиб, 2002. С. 139.

¹⁰ *Самад А.* Зигзаги судьбы: Повести и рассказы. Душанбе: Русская литература, 2018. С. 149.

¹¹ *Бахманёр.* Указ. соч. С. 110.

¹² Там же. С. 112.

мантике и передают смысловое содержание оригинала, наблюдается некоторая потеря экспрессивности образа. Причиной тому является замена единицы книжного, высокого стиля *завол* нейтральным *высыхание*. Более приемлемым, на наш взгляд, представляется использование в качестве русского эквивалента лексемы *увядание*:

*Умри инсон хам чуи дарахт сабзишу заволро аз сар мегузаронад*¹³. – Жизнь человека, словно дерево, переживает **цветение и высыхание**¹⁴.

Вместе с тем в ходе исследования удалось обнаружить факты неадекватной передачи языковых антитез, допущения нарочитых лексических замен, например:

«*Очет мурад **ина** хур, очет садкаат **вая** хур» гуфта ёфтагию тофтагиаши садкаи сари вай кард*¹⁵. – «Съешь, моя радость, **это**, отведай вот **это**...»¹⁶ – *ина* – *вая* → *это* – *это*. В конечном тексте контраст достигается не за счет сопоставления указательных местоимений, а при помощи противопоставления синонимичных глагольных единиц: *съешь* – *отведай*.

Особый интерес вызывает передача на русский язык широко распространенных устойчивых сочетаний, образованных на контрастной основе. Будучи языковыми антитезными конструкциями, такие сочетания не предполагают поиска адекватного, построенного на противопоставлении эквивалента, недопустимо в этих случаях и калькирование. Речь идет о сочетаниях *чапу рост* и *чапаву роста (кардан)*, которые, согласно «Толковому словарю таджикского языка», интерпретируются соответственно как «*бахар тараф*» – *во все стороны* и «*бо хам омехтан, дархаму бархам кардан*» – *привести в беспорядок, спутать*¹⁷. Тем не менее в следующем ниже контексте переводчики прибегли к так называемому нулевому переводу или лексическому опущению и оставили без внимания рассматриваемое сочетание, которое можно было передать как *разбрасывал* и *бил посуду*:

¹³ *Самад А. Талош. С. 104.*

¹⁴ *Самад А. Зигзаги судьбы: Повести и рассказы. С. 159.*

¹⁵ *Турсун С. Камони Рустам: повесть ва хикояхо. С. 164.*

¹⁶ *Турсун С. Лук Рустама: повести и рассказы. С. 159.*

¹⁷ Фарханги тафсирии забони тоҷики. Ҷ. 2. Душанбе: Шучоиён, 2010. С. 533.

*Эха, агар рахмати занаш дар вақту соати дилхох косаи хурук руи дастархон намегузошт, деғу табакхоро **чапаву роста** мекард, меши-каст...¹⁸ – Ох, если покойница не подавала, когда ему заблагорассудится обед, он всё в доме сметал, посуду бил...¹⁹*

Неоправданной лексической трансформации нулевого перевода подверглось устойчивое сочетание и в следующем контексте, где вполне допустима замена релевантным *металась в разные стороны и лягалась*:

*Савора чун холи сиёҳ, печутоби дум, **чану рост** паридану шатта партофтани чонвар аранге ба чашим мерасид²⁰. – Но нет, конь уходил все дальше и дальше. Глаза уже с трудом различали силуэт всадника и скачущего прочь коня²¹.*

При передаче устойчивого сочетания, использованного в следующем предложении в составе двойной антитезы, предпринята попытка поиска фразеологического аналога, который позволяет в случае отсутствия фразеологического эквивалента подобрать в переводимом языке фразеологизм с идентичным переносным значением, эксплицированным иными образами. Однако подобранный аналог не совсем уместен, поскольку фразеологизм **земля уходит из-под ног**, согласно А.И. Федорову, имеет значение «положение кого-либо становится предельно ненадежным, шатким»²² и не передает смысловое содержание оригинала. В данном контексте целесообразно употребление такого аналога, как **перевернуть-лось вверх дном**, интерпретируемое как «становиться совершенно иным, коренным образом измениться»²³.

*Замину осмон дар назараш **чапаву роста** гашт²⁴. – Земля из-под ног его будто ушла, в глазах потемнело²⁵.*

Неадекватным и не сохранившим смысловое содержание оригинала оказался подобранный переводчиком фразеологический аналог и в следующем контексте:

¹⁸ *Самад А.* Талош. С. 117.

¹⁹ *Самад А.* Зигзаги судьбы: Повести и рассказы. С. 183.

²⁰ *Самад А.* Талош. С. 200.

²¹ *Самад А.* Зигзаги судьбы: Повести и рассказы. С. 119.

²² *Фёдоров А.И.* Фразеологический словарь русского литературного языка. М.: Астрель. 2008. С. 212.

²³ Там же. С. 564.

²⁴ *Самад А.* Талош. С. 116.

²⁵ *Самад А.* Зигзаги судьбы: Повести и рассказы. С. 182.

– Ха-а ахволе доштааст нима **дар обу** нима **дар оташ...**²⁶ – Да-а-а... Оказался между двух огней...²⁷

Построенное на противопоставлении окказиональное сочетание *сиёху сафед нагуфта* (досл. не говорить «черное» или «белое») передано вполне адекватно одним из способов нефразеологического перевода – лексическим переводом, который применим в случаях, если понятие в исходном языке выражено фразеологизмом, а в переводимом – словом (спорить).

*Пиразан сиёху сафед нагуфта худро ба хавли зад*²⁸. – *Старуха спорить с ним не стала, а пошла прочь...*²⁹

Достижение контрастности и передача содержания антитезы стало возможным при замене компонентного состава и выраженных в них образов: бузургу кучак (большой и маленький) → сильный и слабый:

*Зиндаги аз бунёд хамин тавр буд. Бузург кучакро мехурд*³⁰. – *На земле от века было так. Сильный поедал слабого*³¹.

В ходе анализа были выявлены случаи передачи лишь одного из компонентов антитезной конструкции, что, безусловно, значительно исказило экспрессивность оригинала и не сохранило его смысловое содержание:

*На бадаширо зикр мекарду на некаширо; гуё харду зери як кулба бо сари худ бегонавор мезистанд*³². – *Хотя никто и вспомнить не мог, когда его жена была еще жива, чтобы он хоть раз что-то доброе сказал про нее*³³. (Ср. не говорил ни о положительных, ни об отрицательных ее качествах)

*Вай хамчунин хис кард, ки аз умраш соатхои башумор мондааст, то пагоҳ намерасад, дигар на руи офтобро мебинаду на пардаи шомро*³⁴. – *Он почувствовал, что осталось ему жить считанные часы, что*

²⁶ Самад А. Талош. С. 194.

²⁷ Самад А. Зигзаги судьбы: Повести и рассказы. С. 114.

²⁸ Самад А. Талош. С. 116.

²⁹ Самад А. Зигзаги судьбы: Повести и рассказы. С. 182.

³⁰ Бахманёр. Сангу Сабу: кисса ва хикояхо. С. 110.

³¹ Там же. С. 112.

³² Самад А. Талош. С. 117.

³³ Самад А. Зигзаги судьбы: Повести и рассказы. С. 178.

³⁴ Турсун С. Камони Рустам: повесть ва хикояхо. С. 239.

не доживет до утра и не увидит больше поднимающегося³⁵ (ср.: не увидит ни лик солнца, ни пелену сумерек)

Примечателен в плане передачи на русский язык перевод антитезной конструкции, где коррелятами выступают компоненты сложного синтаксического целого:

Ва хар руз кучеро ба манзиле мебаранд, базми хонаободи меороянд ва боз хар руз ноилоч тобут сари китф, гамзадаву мотамгирифта чанозаеро бо ду дасти адаб бардошта, ё моншинсавор бурда, ба дили хоки сарди ин води месупоранд³⁶. – И каждый день кто-то перевозит свой скорб в новое жилище, устраивает новоселье, и опять же каждый день, подняв гроб на плечи, кто-то со скорбью и печалью, пешком или на машине, чинно везет на кладбище покойника³⁷.

В ходе исследования языкового материала были выявлены факты неоправданного нулевого перевода, значительно искажающего содержание и экспрессивность оригинала. Например, следующий пример предложения полностью отсутствует в конечном тексте:

*Ачабо! Худо ба яке **дил** додаасту ба дигаре **пораи санг**³⁸.*

Таким образом, сопоставительный анализ позволил выявить, что большинство участвующих в исследовании образцов антитезных конструкций переданы стилистически адекватно. Чаще всего передача антитез происходит путем подбора эквивалентов. При этом сохраняется оригинальность стиля таджикских авторов, выразительность стилистических приемов и смысловое содержание текстов. В исследуемом материале случаи переводческих трансформаций, в частности лексических опущений, единичны.

Благодарности

Работа выполнена в рамках реализации проекта «Учебно-методическое обеспечение деятельности Славянских университетов» (государственное задание, паспорт № 2881-21).

³⁵ *Турсун С.* Лук Рустама: повести и рассказы. С. 312.

³⁶ *Самад А.* Талош. С. 140.

³⁷ *Самад А.* Зигзаги судьбы: Повести и рассказы. С. 148.

³⁸ *Турсун С.* Камони Рустам: повесть ва хикояхо. С. 244.

Acknowledgements

The work was carried out within the framework of the project “Educational and methodological support for the activities of Slavic universities” (state assignment, passport No. 2881-21).

Литература

- Рецкер 2010 – *Рецкер Я.И.* Теория перевода и переводческая практика: очерки лингвистической теории перевода. М.: Р. Валент, 2010. 240 с.
- Федоров 2002 – *Федоров А.В.* Основы общей теории перевода: учеб. пособие. М.: Филология три, 2002. 416 с.

References

- Retsker, Ya.I. (2021), *Teoriya perevoda i perevodcheskaya praktika: ocherki lingvisticheskoy teorii perevoda* [Translation theory and translation practice. Essays on the linguistic theory of translation], R.Valent, Moscow, Russia.
- Fedorov, A.V. (2002), *Osnovy obshchey teorii perevoda: uchebnoye posobiye* [Fundamentals of general translation theory. A study guide], Filologia tri, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Рафохат М. Султанова, кандидат филологических наук, доцент, Российско-Таджикский (Славянский) университет, Душанбе, Таджикистан; Таджикистан, 734025, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, д. 30; rafoat10@mail.ru

Information about the author

Rafohat M. Sultanova, Cand. of Sci. (Philology), associate professor, Russian-Tajik (Slavonic) University, Dushanbe, Tajikistan; bld. 30, M. Tursunzade St., Dushanbe, Tajikistan, 734025; rafoat10@mail.ru

УДК 811.521

DOI: 10.28995/2686-7249-2021-10-268-277

Общественно-политические изменения в Японии и их отражение в лексике японского языка

Елена А. Наумова

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
Москва, Россия, naumova3335799@gmail.com*

Аннотация. Статья посвящена неологизмам иностранного происхождения, вошедшим в состав общественно-политической лексики японского языка в последние 10 лет. Исследованы лексические обороты, которые появились под воздействием английского языка. В работе отобраны 100 неологизмов. Проанализированы 20 наиболее часто встречаемых слов и словосочетаний, образованных в японском языке под влиянием значимых событий в общественно-политической жизни Японии. Рассмотрены неологизмы, широко употребляемые в публицистике последних лет. Среди исследованных единиц можно выделить, как неологизмы исключительно иностранного происхождения, так и слова смешанного типа, являющиеся объединением канго-слов, образованных из корней китайского происхождения, и заимствований как в полной форме, так и в виде сокращения. Особое внимание уделено неологизмам, возникшим при влиянии политических процессов Японии и США в период правления 45-го Президента США – Дональда Трампа. Проанализированы и выявлены взаимосвязи между экономическими, культурными влияниями США на Японию и масштабными процессами американизации японского языка. В работе приводятся результаты сопоставительных исследований политических процессов и, как следствие, реформы социальной и трудовой жизни общества Японии и появления неологизмов на этом фоне.

Ключевые слова: японский язык, неологизм, новое слово, заимствование, общественно-политическая лексика

Для цитирования: Наумова Е.А. Общественно-политические изменения в Японии и их отражение в лексике японского языка // Вестник РГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2021. № 10, ч. 2. С. 268–277. DOI: 10.28995/2686-7249-2021-10-268-277

© Наумова Е.А., 2021

Social and political changes in Japan and their reflection in Japanese vocabulary

Elena A. Naumova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia,

naumova3335799@gmail.com

Abstract. The article is concerned with the foreign origin neologisms that have become part of the social and political vocabulary of Japanese in the last 10 years. Author studied new words and phrases that emerged under the influence of the English language; 100 neologisms were selected for the study. The article analyzes the 20 most frequently encountered words and phrases for significant events in the social and political life of Japan. The analyzed neologisms have been widely used in publications and press in recent years. Among the sources studied, one can single out both neologisms of exclusively foreign origin, which are a combination of kango (words of Chinese origin), and borrowings from foreign languages both in a full form or abbreviations.

The study paid particular attention to neologisms that emerged under the influence of the political processes in Japan and the United States during the presidency of Donald Trump, 45th President of the United States. The study analyzed and identified the relationship between the economic and cultural influences of the United States on Japan and the large-scale processes of Americanization of the Japanese language. The paper presents the results of comparative studies of political processes and, as a consequence, the reforms of the social and working life of Japanese society and the emergence of neologisms due to this influence.

Keywords: Japanese, neologism, new word, borrowings, social and political vocabulary

For citation: Naumova, E.A. (2021), "Social and political changes in Japan and their reflection in Japanese vocabulary", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 10, part 2, pp. 268–277, DOI: 10.28995/2686-7249-2021-10-268-277

Огромную роль в развитии любого языка играет лексика (от греч. Lexikos – относящийся к слову) – «совокупность слов языка, его словарный состав»¹, – поскольку отражает любые перемены, происходящие в обществе. Процесс изменения лексического состава языка происходит непрерывно, и именно в этом заключается

¹ Ярицева В.Н. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Науч. изд-во «Большая Российская энциклопедия», 2002. С. 257.

тесная связь языковой системы с политической, экономической, финансовой, культурной и социальной сферами жизни страны. Наиболее быстро подвержена изменениям общественно-политическая лексика языка, которая мгновенно реагирует на события, происходящие в современном мире. Общественно-политическая лексика – «это часть лексической системы языка, в которой особенно наглядно отражены социальная структура общества, мировоззренческие установки носителей языка, способы организации общественной жизни страны, в которой функционирует язык, а также других стран» [Ли Йонг Хи 2003]. На изменение общественно-политического состава языка влияют такие события, как, например, возникновение новых международно-политических реалий, военно-политические конфликты, экономические кризисы и подъемы, смена государственной власти, появление новых политических партий и т. д. Все это способствует появлению новых лексических единиц общественно-политического характера, а также семантическому изменению слов, уже давно укоренившихся в составе языка. Новые лексические единицы, созданные для отражения новых процессов, реалий и явлений, называются неологизмами – «словами, значениями слов или сочетаниями слов, появившимися в определенный период в каком-либо языке и использованными один раз (“окаzionaliальные слова”) в каком-либо тексте или акте речи»².

В современном японском языке выделяют три основных слоя лексики: ваго-слова исконно японского происхождения; канго-слова, образованные путем соединения корней китайского происхождения и нового класса слов; гайрайго – заимствований из западных языков, появившихся в последние несколько сотен лет. Приблизительно с XVI в. до середины XX в. новые слова приходили в японский язык из иных языков с преобладанием английского. Однако начиная со второй половины XIX в. гайрайго в основном представляют собой заимствования именно из американского варианта английского языка. Это связано с тем, что Япония и Соединенные Штаты Америки несколько десятков лет исторически тесно связаны друг с другом. Политическое, экономическое и культурное влияние США на Японию началось после поражения во Второй мировой войне, достигло пика в последовавший за ним период оккупации и продолжается в настоящее время. С этим связана масштабная американизация японского языка. Множество неологизмов, образованных путем заимствования из американского варианта английского языка, особенно ярко наблюдается в общественно-политическом слое лексики, что несомненно

² Ярцева В.Н. Лингвистический энциклопедический словарь. С. 331.

отражает сильнейшее влияние событий, происходивших в США, и их воздействие на международно-политическую и экономическую ситуацию в мире в последние 10 лет.

Приход к власти в США Дональда Трампа и события, связанные с особенностями его политического курса в последние 5 лет, также были причиной образования в японском языке нескольких популярных неологизмов, вошедших в общественно-политическую лексику современного японского языка. Победа Дональда Трампа на президентских выборах в 2016 г. стала неприятной неожиданностью для японского общества, так как, во-первых, Япония делала ставку на другого кандидата – Хилари Клинтон, чьи политические взгляды не противоречили внешней стратегии страны; во-вторых, лозунг будущего президента «Америка прежде всего», его намерение изменить политику безопасности так, чтобы страны-союзницы США, включая Японию, полностью оплачивали расходы по пребыванию американских вооруженных сил, а также выступление против Соглашения о Транстихоокеанском партнерстве – вызывали значительное беспокойство и стали причиной сильнейшего общественного резонанса. В результате в японском языке появилось новое слово иностранного происхождения **トランプショック** – *торампусёкку* («Трамп шок»), образованное от соединения двух слов – имени собственного Trump (фамилии президента США Д. Трампа) и shock («шок»), обозначающее неожиданные негативные для Японии изменения в экономике и мировой политике, связанные с избранием Дональда Трампа в президенты США.

Еще одним популярным словом 2016 г., связанным с приходом к власти Дональда Трампа, стал неологизм смешанного типа **トランプ現象** – *торампугэнсё* («феномен Трампа»), образованный путем соединения имени собственного Trump и канго 現象 – «феномен». Слово **トランプ現象** *торампугэнсё* стало использоваться в японском и иных языках мира также в отношении других мировых политиков с агрессивной манерой публичных выступлений и резких высказываний, столь характерных для Дональда Трампа в ходе его предвыборной компании, которые, по мнению мировой общественности, и способствовали его высокой популярности и победе на выборах. Так, например, премьер-министра Великобритании Бориса Джонсона называют **英国版ドナルド・トランプ** – *эйкоку-бан Донарудо Торампу* («британский Дональд Трамп»), президента Филиппин Родриго Роа Duterte – **フィリピン版ドナルド・トランプ** (*Фириттин-бан Донарудо Торампу* – «филиппинский Дональд Трамп»), а лидера националистической партии во Франции Марин Ле Пенн – **フランス版ドナルド・トランプ** (*Фурансу-бан Донарудо Торампу* – «французский Дональд Трамп»).

На фоне победы Дональда Трампа на президентских выборах в США также участилось использование неологизма смешанного типа **ポスト真実** *посуто синдзицу* («постправда»), образованного путем соединения префикса иностранного происхождения **ポスト** – *посуто* («пост», от *англ.* post) с изначальным значением «после, позднее» к канго **真実** *синдзицу* («правда»). Следует отметить, что префикс **ポスト** *посуто* («пост») в неологизме **ポスト真実** *посуто синдзицу* («пост-правда») используется не в значении «после», а в значении «вне», «за гранью». Таким образом, неологизм **ポスト真実** *посуто синдзицу* («постправда») стал употребляться в отношении ситуаций или обстоятельств, при которых формирование общественного мнения происходит не на основе реальных фактов и данных, а с помощью манипулирования эмоциями и личными убеждениями людей. «Постправда» – это информационный поток, формируемый СМИ в целях создания отличной от действительности реальности и манипулирования общественным сознанием через влияние на человеческие эмоции и игнорирование объективных фактов. Неологизм **ポスト真実** «постправда» употреблялся не только в отношении победы Дональда Трампа на выборах, но и, например, на фоне проведения в 2016 г. референдума о выходе Великобритании из Европейского союза, когда, по мнению мировой общественности, чаще всего использовались методы «постправды». Данное событие явилось причиной появления еще одного неологизма иностранного происхождения – **ブレグジット** *бурэгуджитто* («брексит»), восходящего к английскому слову *brexit*, которое, в свою очередь, было образовано путем соединения двух слов: *Britain* («Великобритания») и *exit* («выход»).

В условиях активного использования понятия «постправда» в японский язык также вошел неологизм американского происхождения **フェイクニュース** (*фэйкунью:су* – «ложные новости») от выражения “fakenews” – намеренное распространение ложной информации в социальных медиа и традиционных СМИ с целью ввести в заблуждение, чтобы получить финансовую или политическую выгоду. Термин “fakenews” существовал и ранее, но стал особенно часто использоваться в связи с именем Дональда Трампа в 2017 г., в период его предвыборной кампании в США. Президент США популяризировал этот термин для описания необоснованных утверждений или дезинформации, которые быстро распространяются через социальные сети. Так, например, в январе 2017 г. Дональд Трамп отнес к категории фальшивых новостей сообщения канала CNN о его деятельности в новом статусе.

Как упоминалось ранее, в ходе предвыборной гонки Дональд Трамп выбрал тему расстановки приоритетов (54), апеллируя лозунгом “America first” («Америка прежде всего»), в переводе на

японский язык – *アメリカ ファースト* (*Америка фа:судо*). Идею расстановки приоритетов также использовала и первая в истории Японии женщина-губернатор Токио Юрико Коикэ, победившая на выборах в Токийскую ассамблею в июле 2016 г. и назвавшая свою региональную партию «Общество “Жители столицы прежде всего”» – *都民ファーストのかい* (*томин фа:судо но кай*), подразумеваемая приоритетность интересов жителей Токио. В связи с этим появился неологизм *～ファースト ～* (*фа:судо* – заимствованное английское слово со значением «первый», которое представляет собой вторую часть фразы, а первая ее часть может быть абсолютно любым словом, подходящим под определенный контекст. Например, Юрико Коикэ также использовала фразу, ставшую впоследствии популярным неологизмом *アスリートファースト* (*асури:то фа:судо* – «интересы спортсменов прежде всего») на мероприятии, посвященном закрытию Олимпиады в Рио-де-Жанейро в 2016 г., заявив о необходимости поставить интересы спортсменов на первое место во время Олимпиады в Токио в 2020 г., создав оптимальные условия для проведения соревнований³.

Один из самых распространенных неологизмов в общественно-политической сфере последнего десятилетия – слово *アベノミクス* (*абэномикусу* – «абэномика»). Данный неологизм произошел от соединения фамилии премьер-министра Японии, имени собственного Abe («Абэ») и английского слова “economics” (экономика) в единый термин *abepomics* («абэномика»), используемый для описания политического курса Синдзо Абэ, заключающегося в фискальной экспансии, смягчении денежно-кредитной политики и структурной реформе, направленных на улучшение экономических перспектив страны за счет усиления конкуренции, реформирования рынков труда и расширения торговых партнерств [Алпатов 2008]. Неологизм *チャレンジ* – *тярэнджи* «вызов» (испытание, проба сил) появился в японском языке в 2015 г. также под влиянием политики премьер-министра, направленной на улучшение условий для ведения бизнеса и возвращение стране прежней конкурентоспособности на мировом рынке. В 2016 г. это слово стало часто употребляться еще и в значении «возражение» (протест, оспаривание) в связи с изменениями в спортивных правилах на Олимпиаде в Рио-де-Жанейро, когда спортсмены получили право оспаривать решения судей в некоторых видах спорта.

³ Дональд Трамп берет на себя ответственность за изобретение слова // Independent. 08.10.2017. URL: <https://www.independent.co.uk/news/world/americas/donald-trump-takes-credit-for-inventing-the-word-fake-a7989221.html> (дата обращения 08.10.2017).

Вместе с появлением в японском языке термина *アベノミクス* (*абэномиксу* – «абэномика») также приобрел популярность неологизм *トリクルダウン* – *торикурудаун* [Гэнда Юдзии 2013], образовавшийся от английского выражения “trickle-down economics” («экономика просачивания»), характерного для курса экономической политики правительства США в период президентства Рональда Рейгана (1981–1989 гг.), который заключался в том, чтобы урезать налоги у обеспеченных людей, дав им финансовый стимул к увеличению доходов, тем самым двигая вперед бизнес и способствуя экономическому росту, что, в свою очередь, должно было привести к сокращению бюджетного дефицита, увеличению рабочих мест и инвестиций. Таким образом, финансовое благополучие, богатство должны были «просочиться» от имущих граждан к менее обеспеченным. «Абэномика» была также нацелена на стимулирование бизнеса больших корпораций с расчетом на то, что произведенные блага будут «просачиваться» от богатых к бедным слоям общества [Ли Йонг Хи 2003].

Следует также отметить, что в 2013 г. противники политического режима Синдзо Абэ стали использовать новый термин *アホノミクス* – «ахономиксу», в котором *アホ* (*ахо*) – «дурак, идиот».

В январе 2016 г. Банк Японии в качестве мер денежно-кредитной политики объявил о введении отрицательной процентной ставки на избыточные резервы, т. е. на новые депозиты, размещаемые в Центральном банке (ЦБ) кредитными учреждениями. Из-за сокращения депозитной ставки до отрицательных значений размещение средств на счетах ЦБ стало невыгодным, так как, вместо того чтобы получать доход, банки были вынуждены платить регулятору. Предполагалось, что средства, вместо того чтобы поступать на счета ЦБ, должны были инвестироваться в экономику [Леонтьева 2016]. В связи с этими событиями в японском языке появился неологизм смешанного типа *マイナス金利* (*майнасу кинри* – «отрицательная процентная ставка»), образованный от соединения заимствованного слова *マイナス* (*майнасу* – «минус») и канго *金利* (*кинри* – «процент»).

Рассмотрим несколько неологизмов иностранного происхождения, относящихся к темам трудоустройства и безработицы в Японии. В 2013 г. получил распространение неологизм *スネップ* – *сунэппу*, образованный от английской аббревиатуры SNEP “Solitary Non-Employed Person”, в переводе на русский язык «одинокий безработный». Термин использовался в отношении неработающих лиц, которые были либо одиноки, либо ограничены общением только со своей семьей. По данным на 2011 г., численность «одиноких безработных» составляла около 1,62 млн человек,

а к 2013 г. достигла примерно 2,5% общей численности населения в возрасте 20–59 лет [Маник 2013]. Такое общественное явление можно несомненно назвать результатом стремительных экономических и политических изменений, происходивших в последние 10–15 лет.

Неологизм **プレミアムフライデー** *пурэмиямуфурайдэй*, образованный от соединения двух английских слов: premium («премиальный») и Friday («пятница»). Он появился и стал часто используемым словом в 2017 г. в результате общенациональной кампании, запущенной правительством, Федерацией экономических организаций **経団連** (*Кэйданрэн*) и другими организациями и призывающей побудить служащих предприятий уходить с работы раньше в последнюю пятницу каждого месяца. Целью кампании было сокращение массовых переработок, столь характерных для японской корпоративной культуры, а также увеличение потребительских расходов, что, как предполагалось, смогло бы внести определенный вклад в оживление японской экономики.

В июне 2018 г. премьер-министр Синдзо Абэ провел трудовую реформу, в рамках которой парламентом Японии был принят законопроект, ограничивающий сверхурочную работу до 100 часов в месяц на одного служащего. Это было расценено как давление работодателей на работников, так как при условии сокращения сверхурочных часов объем самой работы не сокращался, что было серьезной проблемой для сотрудников, не справлявшихся с решением поставленных руководством задач из-за недостатка времени. В результате в 2018 г. в японском языке появился и стал одним из самых популярных новых терминов – **ジタハラ** (*дзитахара*), аббревиатура выражения **時短ハラスメント** (*дзитан харасумэнт*). Этот неологизм был образован от соединения канго **時短** *дзитан* («сокращение времени») и слова иностранного происхождения **ハラスメント** – *харасумэнт* (от англ. harassment, «домогательство»). Таким образом, неологизм **ジタハラ** (*дзитахара*) использовался в значении «давление, оказанное на сотрудников путем сокращения рабочих часов».

Неологизм смешанного типа **ブラック企** – *буракку кигё* («черное предприятие»), образованный от соединения заимствованного из английского языка слова **ブラック** *буракку* (black «черный») и канго **企業** *кигё* («предприятие»), вошел в 6-е издание словаря «Сансэйдо» в 2018 г. Этот неологизм обозначает предприятия, или «черные компании», которые известны своим отношением к сотрудникам: низкой оплатой их труда и тяжелыми условиями работы.

Еще один неологизм, ставший популярным в 2018 г. на фоне обсуждения трудовой реформы 2019 г., **高プロ** (*ко:пуро*), – аббре-

виатура термина 高度プロフェッショナル制度 (*ко:до нурофэсёнару сэйдо* – «система профессионалов высокого уровня»). Им обозначалась новая система, в соответствии с которой оплата труда профессионалов с годовым доходом более 10,75 млн йен зависит не от отработанных ими часов, а от результата трудовой деятельности, исключая оплату их труда в сверхурочные часы, а также в выходные и праздничные дни. Неологизм 高プロ *ко:нуро* образован путем соединения основы китайского происхождения 高 こう (*ко:*) и сокращенного варианта заимствования プロフェッショナル – *нурофэсёнару* (от английского слова professional – «профессиональный»).

Анализ неологизмов иностранного происхождения в общественно-политической лексике японского языка показывает, что новые слова и выражения, как правило, образуются под влиянием историко-политических этапов формирования общества и социально-экономических изменений, происходящих в стране и в мире в целом. Каждый этап общественного развития оставляет след в истории языка – образование новых слов и выражений. Таким образом, неологизмы играют роль зеркала, которое отражает приспособление языка к изменяющимся условиям общественно-политического, социального и культурного характера на государственном и международном уровнях. Ведущую роль в укоренении общественно-политических неологизмов в японском языке играют СМИ, особенно материалы публицистического характера. Чаще всего отмечается такой способ образования общественно-политических неологизмов иностранного происхождения в японском языке, как полное заимствование слов из американского варианта английского языка, а также словосложение – соединение канго и английского заимствования. Тенденция к американизации японского языка сложилась под влиянием исторических событий военного и послевоенного времени и продолжает развиваться сейчас под влиянием неразрывной политической и экономической связи между Японией и США.

Литература

- Алпатов 2008 – *Алпатов В.М.* Япония: язык и культура. М.: Языки славянских культур, 2008. 208 с.
- Гэнда Юдзии 2013 – *Гэнда Юдзии* Корицу мугё. Токиц: Изд-во «Никкэй Паблшинг», 2013. 22 с.
- Леонтьева 2016 – *Леонтьева Е.Л.* Экономическая политика правительства Абэ Синдзо в условиях глобализации // Ежегодник Япония. 2016. № 1. С. 79–105.

- Ли Йонг Хи 2003 – *Ли Йонг Хи*. Отражение общественно-политических изменений в лексике русского и корейского языков: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2003. 21 с.
- Маник 2013 – *Маник С.А.* Общее описание терминологии общественно-политической жизни // *Russian Journal of Education and Psychology*. 2013. № 1. С. 12–26.

References

- Alpatov, V.M. (2008), *Yaponiya: yazyk i kultura* [Japan. Language and culture], Yazyki slavyanskikh kultur, Moscow, Russia.
- Genda, Yuuji (2013), *Koritsu mugiyou*, Nikkei Publishing, Tokyo, Japan.
- Leontieva, E.L. (2016), “The economic policy of the government of Abe Shinzo in the context of globalization”, *Yearbook Yaponiya*, no. 1, pp. 79–105.
- Li, Yong-hee (2003), “*Reflection of socio-political changes in the vocabulary of Russian and Korean languages*”, Abstract of Ph.D. dissertation (Philology), Moscow, Russia.
- Manik, S.A. (2013), “General description of terminology of socio-political life”, *Russian Journal of Education and Psychology*, no. 1, pp. 12–26.

Информация об авторе

Елена А. Наумова, аспирант, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; Россия, 125009, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 1; naumova3335799@gmail.com

Information about the author

Elena A. Naumova, postgraduate student, Lomonosov Moscow State University Moscow, Russia; bldg. 1, bld. 11, Mokhovaya St., Moscow, 125009, Russia; naumova3335799@gmail.com

Дизайн обложки
Е.В. Амосова

Корректор
А.А. Леонтьева

Компьютерная верстка
Н.В. Москвина

Подписано в печать 27.12.2021.

Формат $60 \times 90^{1/16}$.

Уч.-изд. л. 9,0. Усл. печ. л. 9,9.

Тираж 1050 экз. Заказ № 1469

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125047, Москва, Миусская пл., 6
www.rsuh.ru